Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 МАРТА 6

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—11007 Тираж 75.000
Типография газеты „Правда“ Москва, Тверская, 48

За развертывание пролетарской демократии.

Процесс развития пролетарской диктатуры есть в то же время и процесс развития пролетарской демократии.

Теоретически большевизм отстоял это положение в борьбе против сторонников буржуазной демократии, которые утверждают, что принцип диктатуры вообще противоречит принципу демократии, и для которых поэтому быть сторонником демократии значит быть сторонником буржуазного парламентаризма и противником пролетарской диктатуры.

Практически весь ход российской пролетарской революции доказал, что диктатура пролетариата развивается лишь на основе роста и под'ема активности и сознательности рабочих масс, а также идущего за пролетариатом бедняцкого и середняцкого крестьянства, на основе все более и более широкого вовлечения масс в дело управления государством и хозяйством страны. Каждый день нас убеждает в том, что успехи социалистического строительства возможны лишь на пути вовлечения в него самих масс, на основе под'ема общественной активности и самодеятельности пролетарской массы.

Пролетарская демократия есть не только отрицание и преодоление демократии буржуазной,—это есть демократия несравненно более широкая и глубокая, чем буржуазная демократия, ибо это есть демократия для рабочих, а не для капиталистов, для бедных, а не для богатых, для трудящихся, а не для эксплоататоров. Только при диктатуре пролетариата трудящиеся массы начинают целиком использовывать начала демократии в своих интересах.

Наша партия в лице ее с'ездов и ЦК из года в год не устает повторять трудящимся массам о необходимости все большего и большего углубления и развития методов пролетарской демократии. Сейчас, в эпоху строительства социализма, при анализе происходящих в СССР процессов, явлений и событий, мы в особенности часто наталкиваемся так или иначе на вывод о необходимости углубления начал пролетарской демократии в партии, в профсоюзах, в советах.

Так называемое «шахтинское дело», раскрытие контрреволюционной шайки экономических вредителей в лице группы инженеров в Донбассе, не составляет исключения из этого. Оно ярко показывает

нам, что пролетарская демократия, в широком смысле этого слова, еще далеко недостаточно развита по всей линии наших организаций.

Поведение нескольких десятков негодяев из среды буржуазно настроенного слоя спецов, в том числе из бывших шахтовладельцев, вызывает глубочайшее возмущение среди всех слоев трудящихся. Преступники получат по своим заслугам от революционного советского суда. Их наказание будет суровым и примерным. Одним этим наказанием не исчерпываются, однако, меры, которые мы должны принять для предотвращения в будущем появления новых «шахтинских» дел, а также для скорейшего раскрытия тех, которые, быть может, у нас еще до сего времени творятся в тех или иных порах советского хозяйственного организма в форме более или менее «мягкого» или же, наоборот, злостного экономического саботажа.

Первый вопрос, который должен быть поставлен, это вопрос о выводах из шахтинского дела, которые нам следует сделать в отношении кадров специалистов. Оказалось, что коммунисты - хозяйственники бывают иногда слишком слепы и доверчивы в отношении таких элементов из связанной с буржуазной средой прослойки спецов, которые под маской советской службы обделывают контрреволюционные дела. Обнаруженные факты настолько вопиющи, что они должны заставить и, конечно, заставят хозяйственников - коммунистов культивировать в своей среде более критическое отношение, здоровое пролетарское недоверие к буржуазно настроенным элементам из спецов, в частности, к бывшим собственникам, или же к лицам, работавшим при белых и т. п.

Кроме этого, тот факт, что в борьбе против контрреволюционного вредительства не приняли активного участия честные специалисты, работавшие бок о бок с преступниками, заставляет нас поставить вопрос о поднятии общественной работы в среде специалистов, о большем привлечении их к пролетарской общественности. Пусть при этом мы будем иметь в среде специалистов известную дифференциацию, но мы должны преобладающую массу честных советских работников из них теснее привлечь к пролетариату и общественную активность их направить в русло развития пролетарской демократии.

Было бы крайне вредным явлением, если бы в итоге шахтинского дела у нас привились какие-либо «спецеедские» настроения, исходящие из непонимания необходимости для нас пользоваться при строительстве социализма буржуазным культурным наследством, в том числе людскими техническими кадрами буржуазного общества. Мы ни в коем случае не можем сейчас поставить вопрос о **немедленной** замене старых кадров специалистов в основном новыми пролетарскими кадрами, ибо этих новых готовых кадров специалистов у нас сейчас в распоряжении нет (а то, что есть, этого, к сожалению, еще очень мало). Но зато с тем большей силой мы должны поставить вопрос о **подготовке** новых пролетарских кадров специалистов, как о задаче, которая может быть решена, конечно, не в один год, но все же в ряд стоящих перед нами лет. С тем большей энергией и настойчивостью мы должны изыскивать необходимые для этого силы и средства.

Говоря о подготовке пролетарских специалистов, мы никак не можем обойти роли, которую при этом должны сыграть пролетарские организации и прежде всего профессиональные союзы. Здесь должен получить развитие тот принцип рабочей демократии, который говорит о внимательном постоянном отборе, выявлении и выдвижении из пролетарской массы наиболее активных и способных к развитию (в данном случае к развитию в культурно-техническом отношении) сил, в частности из пролетарской молодежи, но не только из нее. Относятся ли у нас профсоюзы достаточно внимательно и ответственно к каждому набору в технические вузы, не бывает ли чаще всего такого положения, что этот набор происходит совершенно стихийно? Есть ли у нас система откомандирования в высшие технические учебные заведения способных и активных хозяйственников, выдвинувшихся на производственной и технической работе в предприятии? Идя в этом и в других соответствующих направлениях, мы можем, если захотим, если попробуем и проделаем опыты, достичь таких результатов, при которых будет повышен качественный состав культурно растущего поколения новых специалистов. А нам нужны будут в будущем для большой работы не техники - кустари, не хозяйственники - самоучки, а специалисты, умеющие соединять практические навыки с широким техническим образованием.

От вопроса о специалистах перейдем к вопросу более общему. Нельзя не задуматься над тем, каким это образом шайка сознательных контрреволюционеров в Шахтинском районе, развивая свою деятельность, могла в течение целых шести лет водить за нос наши партийные, профессиональные, советские организации, работавшие в районе ее деятельности? Как это случилось, что взрывы, обвалы шахт, систематическая порча оборудования и т. п. факты экономического саботажа (вплоть до организации забастовок на советских предприятиях, избиения рабочих и контрреволюционной агитации) могли не обратить внимания хозяйственных, профессиональных и партийных организаций на деятельность шайки вплоть до того момента, пока ее не раскрыли соответствующие судебные и следственные органы? И это в то время, когда со стороны рабочей массы поступали неоднократные жалобы, которые, казалось бы, должны были вызвать самое пристальное внимание к непорядкам и их скрытой истинной причине.

Нельзя об'яснить этого явления отсутствием у всех организаций пролетарского недоверия к буржуазным специалистам. Несомненно, что здесь имела место более общая причина, заключающаяся в известном **отрыве от масс** данных организаций и учреждений, в недостаточной смычке их с массами в повседневной работе. Здесь сделали свое дело элементы **бюрократизации**, имевшиеся в организации.

Бюрократизм означает замену живого отношения к живому делу отношением бездушным и чисто-формальным. Бюрократизм всякое

живое дело способен загубить. Бюрократизм потому в особенности трудно одолимое зло, что он у нас связан с общей отсталостью и недостаточной культурностью кадров. В таких условиях наиболее действительной и достижимой гарантией от бюрократизма, от бездушного и формального отношения к делу, является постоянная теснейшая связь наших работающих аппаратов с широкой рабочей массой, с массой того класса, который служит неиссякаемым источником творческой энергии для строительства социализма.

Окончательное преодоление бюрократизма—дело трудное и долгое, которое мы осуществим лишь на пути культурной революции, на пути культурного под'ема масс трудящихся. Но непосредственный политический вывод, непосредственная директива, которую мы для себя должны извлечь из шахтинского дела, как директиву д н я—это есть необходимость мер по углублению и расширению пролетарской демократии в наших организациях.

Развертывание пролетарской демократии,—это значит большая выборность, большая отчетность выборных лиц, большее вовлечение масс в работу организаций, расширение слоя привлекаемых к активному участию в работе по социалистическому строительству, усиленное втягивание массы в строительство социализма по всем его линиям. Идя по этому пути, мы будем излечивать наши государственные, профессиональные и партийные органы от бюрократизма, дыхание масс, непрестанно проветривающее эти органы, будет усиливать их, укреплять, сообщать им все большую гибкость и большую бдительность в борьбе с частнокапиталистическими элементами и с «дельцами» в роде тех, которые предстанут перед советским судом по шахтинскому делу.

Одним из начал пролетарской демократии является р а з в и т и е с а м о к р и т и к и во всей системе пролетарских организаций. Данный XV с'ездом нашей партии лозунг самокритики оказался настолько своевременным, что уже сейчас, в первые месяцы после XV с'езда, мы наблюдаем усиление самокритики в партийных организациях. Но не во всех организациях в этом отношении дело обстоит одинаково,—нам предстоит еще поработать и поработать над тем, чтобы перевести всю нашу партийную жизнь на рельсы вполне развитой, здоровой и деловой самокритики, способствующей правильному проведению партийной линии нашими организациями и очищающей эти организации от нездоровых явлений, элементов или нездоровых уклонов в работе. Мы еще далеко недостаточно подняли активность рабочих масс. Шахтинское дело еще и еще раз побуждает нас подчеркнуть важность развития самокритики не только в партийных, но и в других, п р е ж д е в с е г о п р о ф е с с и о н а л ь н ы х, организациях в соответствующих им формам.

На профсоюзах, при этом, мы должны сделать особое ударение, потому что здесь еще ни разу партия за годы нэпа не проводила кампании за оживление массовой работы с т о й широтой и в т о м масштабе, какой необходим. К оживлению профсоюзов должно быть привлечено не меньшее внимание, чем то, какое партия уделила оживлению советов.

Партия преодолела троцкистскую оппозицию, нездоровое антипролетарское, мелкобуржуазное течение, пытавшееся легализовать за собой право «критики» нашей партии «со стороны», с точки зрения ч у ж о й, «второй», контрреволюционной партии. Оппозиционная критика была критикой с целью подрыва и с р ы в а линии пролетарской диктатуры и руководящей ею ленинской партии.

Ликвидировав троцкизм, партия все силы направляет на разрешение громадных задач строительства социализма во всех областях общественной жизни,—на индустриализацию страны, на развитие коллективного хозяйства и кооперации в деревне, на культурную революцию и под'ем благосостояния трудящихся масс. Вместе с рабочей массой, чутко прислушиваясь к ее настроениям и требованиям, к критике, исходящей из ее среды, внимательно отбирая, выдвигая на активную работу все лучшее, что растет и развивается в среде пролетарской общественности, партия поведет рабочий класс так же несменно и уверенно, как вела до сих пор, к п о б е д а м с о ц и а л и з м а, давая сокрушительный о т п о р контрреволюции во всех ее формах и видах.

П. Максаковский.

К теории цикла и динамике советского хозяйства[1]).

Выдающаяся книга В. Базарова ставит ряд важных теоретических проблем. В ней дана одна из наиболее углубленных попыток исследования структуры капиталистического цикла и критический разбор других процессов хозяйственной динамики (вековые движения, большие циклы), отмечаемых современными исследователями и систематиками кон'юнктуры. Уже этой своей стороной книга должна оказаться в центре внимания, учитывая из года в год растущий интерес к вопросам динамики капитализма.

За последние десятилетия накоплен значительный материал первичных наблюдений и систематизаций кон'юнктуры. Перед научной экономией стала задача дать связное, причинное об'яснение циклу и кон'юнктуре. Эту задачу до сих пор пробовала решить буржуазная экономия. По имеющимся разработкам можно судить, что задача в целом ей не по силам. Причины — общеизвестны. Марксистская экономия только поворачивается лицом к этой проблеме. За исключением отдельных постановок и замечаний Маркса, рассеянных по его экономическим трудам, а также разработок вскользь и попутно имеющихся у Гильфердинга, Р. Люксембург, Бауэра и др., не было до сих пор сколько-нибудь систематической попытки поставить и разрешить проблему цикла и кон'юнктуры.

Книжка Базарова и является этой исходной попыткой.

Однако, автор не ограничивает себя рамками капиталистического хозяйства. Вторую часть книжки он посвящает закономерностям динамики советского хозяйства. «Задачей настоящей работы,—говорит он,—... является попытка наметить в порядке первого, крайне грубого наброска некоторые динамические закономерности, присущие, с одной стороны, нормальному циклу классического капитализма, с другой стороны — «восстановительному процессу», пережитому за последние годы народным хозяйством СССР» (с. 15). Больше того, по ходу изложения книжки, по ее своеобразному внутреннему темпераменту, по частым экскурсам из «капиталистической» части в «советскую» и, обратно, можно безошибочно угадать, что центр интереса автора лежит именно в «советской» части. В. Базаров сумел увязать обе проблемы, сказать «новое» слово как здесь, так и там. Посмотрим, насколько это было основательно сказано. Мы собираемся с одинаковым вниманием отнестись к обеим авторским «скрижалям».

Начнем, с «капиталистического» конца. Здесь Базаров поставил два основных круга вопросов: 1) вопросы непосредственно динамики капитализма, развертывающиеся в понятной связи: проблема воспроизводства — структура торгово-промышленного цикла и 2) методологические вопросы, на которые автор пробует опереть ход своего исследования. Начнем, естественно, с последних.

---

[1]) Настоящая статья заключает критический анализ работы В. Базарова «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР». (Гиз, 1927 г.).

1. Методология Базарова.

Предложим высказаться самому автору. В. Базаров задается вопросом: «нельзя ли к общественным отношениям применить ту же самую систему основных категорий и единиц измерения, какая применяется точной наукой ко всем вообще материальным процессам»? (с. 17). И отвечает, что можно. Нет непроходимых различий между, скажем, предметами изучения психологии и социологии. Они «не представляют собой каких-либо материально обособленных областей природы; это лишь особые точки зрения на некоторые из тех процессов, которые в их *натуралистическом* аспекте *бесспорно подлежат включению в общее уравнение энергии*» (с. 35, разрядка моя. *П. М.*).

И в другом месте: «Строго говоря весь реальный мир есть такая система», покоящаяся на действии закона сохранения энергии (с. 21).

Серьезное, налагающее большую ответственность утверждение. Вопрос идет не о том, что любая область человеческого знания развивается по законам диалектики, вопрос идет о том, что поскольку каждая наука имеет свой «натуралистический аспект», имеет то или иное отношение к *материальным* процессам, то ее область может быть сведена к действию закона сохранения энергии. Мы сразу же отмечаем, что в применении к обществоведению это означает *недооценку* общественной расстановки людей и вещей.

Но персонифицируют общественные отношения люди, которых невозможно непосредственно отожествить с материальными условиями производства. Это не приводит *пока* в затруднение автора. «Так как состояние каждого «индивидуума», являющегося носителем энергии, определяется его положением в пространстве, местом, занимаемым им в поле общественных сил, — говорит он, — то силы эти должны иметь потенциал, а, следовательно, *общественные процессы должны подчиняться закону сохранения энергии*. Тем самым выполняются, как будто бы, все те предпосылки, которые необходимы для того, *чтобы применить к обществу универсальную теорему о распределении энергии* (с. 24, разрядка моя. *П. М.*).

Итак, вопрос принципиально решен. И материальный производственный процесс и общественная оболочка, в которую он заключен, могут быть изучаемы, исходя из законов естествознания.

Но зачем, спрашивается, эти искания, что руководит автором, когда он берется за столь важную и спорную проблему? Первое — «упорядочение» марксистской социологии. Нужно, говорит автор, «создать *новую* главу геофизики, в которой *общественные явления исследовались бы теми же методами, как воздушные течения, осадки, поднятие и опускание почвы и т. п.* И если бы построенная таким образом *геофизическая* теория оказалась вместе с тем *зачатками социологии, как точной науки*, мы сразу сделали бы гигантский шаг вперед в познании человеческого общества». (с. 17—18, разр. моя. *П. М.*).

Оказывается, вскрытые и сформулированные Марксом законы исторического развития *недостаточны*. Они должны принять характер естественнонаучной *геофизической* теории и только в *таком* виде обеспечат действительное познание человеческого общества. Старая, эклектическая, ревизионистская мысль!

Применение авторского принципа требует в первую голову разработки социологии «*в энергетическом аспекте*». Здесь открылись бы широчайшие перспективы влияния общества на свой экономический процесс. Оказывается, принцип сохранения общественной энергии дал бы

нам не только систему безупречных измерителей и строго обоснованных равенств для составления баланса народного хозяйства, но позволил бы вместе с тем «формулировать ряд универсальных закономерностей, предопределяющих основные линии развития производительных сил» (с. 22, разр. моя. *П. М.*).

Чарующие перспективы! Автор нигде не оговаривается, что он свои дары преподносит одной формации — социализму. Наоборот, из дальнейшего изложения мы увидим, что он свой реформаторский дух сосредоточил именно на капитализме. Именно для капиталистического хозяйства он стремился «формулировать ряд универсальных закономерностей, предопределяющих основные линии развития производительных сил». Здесь лежит его мечта овладения экономическим процессом на базе «точной» науки. Умаление значения специфических экономических законов, действующих в каждой формации,—вот первый результат, к которому приводит автора его методологическая установка. Однако, пора сформулировать мысли автора в целом.

Базаровым предпринята попытка «научно» обосновать социологию и экономию, путем перенесения естественнонаучной методики на общественные явления. По установлении критериев и форм этого перенесения — принципиальная возможность кажется автору неоспоримой — должна быть построена энергетическая теория общественного хозяйства, с основанием в виде закона сохранения энергии. Исходя из последнего конструируются ряды «универсальных закономерностей», которые заместят вскрытые и формулированные Марксом исторические и экономические законы.

Для начала автор упрощает вопрос. Опираясь на то, что в «натуралистическом аспекте» каждая наука имеет дело с материальными процессами, он выставляет тезис о возможности изучать эти процессы с точки зрения затраты и прекращения энергии—эргами, килограммометрами и др. единицами измерения. В такой локализованной постановке нет ничего «криминального». Если автор откроет этот способ измерения и докажет научную целесообразность своего занятия, он может своими выводами помочь научной организации труда и т. д.

Однако, автора вовсе не это интересует. Перед его энциклопедическим «взором» витают вовсе не «нотовские» цели. Он ставит проблему применимости «к обществу универсальной теоремы о распределении энергии», естественнонаучную отработку общественных явлений, как таковых. И здесь его попытка кончается полным банкротством.

Конкретно автор «срезался» на общественной формулировке закона сохранения энергии, т.-е. важнейшем исходном пункте. Перед автором во весь рост стала такая коллизия. «Общественным потенциалом» затраты человеческого труда при капитализме является понятие абстрактного, общественно-необходимого труда. Единственными формами естественнонаучного измерения энергетических затрат являются эрги, килограммометры, калории и т. д. Общественно-необходимый труд невозможно свести к этим физическим единицам, так как более квалифицированный рабочий по сравнению с менее квалифицированным создает большую ценность, хотя и затратит меньше энергии в ее физически улавливаемом выражении. Отсюда, пессимистически рассуждает автор, — «измерение продукта труда количеством затраченных эргов или килограммометров работы дало бы нам не общественную стоимость, а некоторую физическую величину, лишенную всякой социальной значимости» (с. 37, разр. моя. *П. М.*).

Но, мы были бы чересчур наивны, если бы подумали, что признанное самим автором банкротство его немарксистской попытки заставило его отказаться от самой установки, от самого подхода к переключению категорий естествознания на общественные явления. Нет и только нет, отвечает автор. Все дело в том, что он, Базаров, не мог сразу решить эту задачу. «Ошибка энергетических теорий общества заключается не в том, что они пытаются построить понятие общественного силового поля... а в том, что они делают это без достаточного критического анализа...» (с. 38). Поэтому должна приветствоваться и быть поддержанной всякая попытка в этом направлении.

Сам он, Базаров, на всем протяжении своей книги дает большое количество частных, естественно-математических конструкций и формул, которые должны об'яснять или помогать об'яснению явлений хозяйственной динамики. Накопление таких частных попыток подготовит в будущем грандиозный синтез. Такие «частные конструкции, поскольку они окажутся удачными, могут подготовить материал для грандиозной синтетической работы грядущего Ньютона социологии», заверяет он (с. 39, разр. моя. *П. М.*). Этот «грядущий Ньютон» упорядочит марксово наследство,—эти первые школьные пробы пера в области социологии.

В лице Базарова мы, несомненно, имеем дело с ревизионистской попыткой пересмотреть марксову методологию изучения общественных явлений, подвести под общественные явления естественнонаучную базу. Эти попытки не новы. Они вынашивались автором целыми десятилетиями. Но в данной работе они приняли обостренный характер прямого нападения на марксизм. Стремление стереть грани между естествознанием и обществоведением,—вот основной фокус попытки Базарова. «Идеал монистической универсальной науки является бесспорно высшей целью познавательной работы человечества»—декларирует он (с. 25 примеч., разрядка моя. *П. М.*).

Именно эта общая с А. А. Богдановым мысль оплодотворила «синтезирующие» попытки автора. Перенесение категорий естествознания на обществоведение «приближает» к осуществлению этой идеи. Невредно вспомнить, что говорил Владимир Ильич, когда впервые зародилась энергетическая теория общественного хозяйства у Богданова.

«Богданов,—говорил он,—занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряды биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий... энергии, энергетического баланса и проч., и т. п., в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий» [1]) (разр. моя). И Вл. Ил. с беспощадной остротой вскрывает корень этих не-марксистских попыток. Эмпириокритицизм, в одинаковой мере являющийся мировоззрением как Богданова, так и Базарова, «ведет, даже при самом искреннем сочувствии к выводам марксизма, к искажению исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью» [2]). И дальше Вл. Ил. прямо говорит «о неразрывной связи реакционной гносеологии с реак-

[1]) Н. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», с. 335, изд. 1920 г.
[2]) Там же, с. 336

ционными потугами в социологии», осуществляющейся на примере указанных авторов [1]).

Теперь несколько слов о самой возможности подобных попыток. Стремление просто переносить методологию одной науки на другую прямо противоречит диалектическому методу. Диалектический метод применим ко всем областям человеческого знания. Но в зависимости от об'екта изучения он «порождает» особый методический аппарат каждой науки. В соответствии с этим законы естествознания выводятся из специфической структуры движения и превращений материи и только к ним приложимы. Общественные, экономические законы—неот'емлемая часть движения «социальной» материи, отражая собой закономерность людских отношений, складывающихся по иному на каждой решающей ступени развития материальных производительных сил. То обстоятельство, что материальный процесс производства, который определяет существование и развитие общества, может быть рассмотрен с естественнонаучного угла, ни в какой мере не определяет и не касается взаимоотношений людей в этом процессе, общественной обусловленности течения производственного процесса, которая и отливается в форму общественных «законов». Специфическая структура этих законов целиком исключает попытки захвата области обществоведения естественнонаучной методикой. Если же эти попытки имеются налицо, то они в качестве первого своего результата сказываются в умалении общественной формы, скрадывании различий между социализмом и капитализмом. Тем самым, научно-методический аппарат любой науки, тем более таких противоположных по об'екту изучения, как естествознание и обществоведение, не может ни при каких условиях быть перенесенным на изучение другого об'екта.

Больше, недопустимо смешение методических приемов исследования родственных наук одного цикла. Нельзя, например, только при посредстве метода диалектики и исходя из категорий исторического материализма, вскрыть закономерности капитализма. Для этого нужен особый методический арсенал, представляющий собой видовую конкретизацию диалектического метода в применении к данной области общественной науки. В свою очередь методы теоретического изучения капиталистического хозяйства негодны для изучения сложившегося социализма и т. д. Базаров теоретически и на деле отрицает это важное положение марксистской методологии. Обанкротившийся на попытке применить категории физики для анализа качественных экономических узлов, он пробует взять реванш на исследовании количественных закономерностей динамики капитализма. Приведу наиболее разработанную его попытку, которой он «скромно» гордится.

Начнем опять-таки с методологического введения. «Можно ли... пользоваться для отыскания количественных закономерностей в социальной жизни «аналогиями» с построениями натуралистов?» (с. 66). И отвечает, что можно,—«единство метода вполне законно там, где качественно различные явления имеют тождественные организационные связи, где материально различные процессы формально одинаковы, обладают одной и той же структурой» (с. 66, разр. автора. *П. М.*). В результате можно построить схематические «модели» сложных процессов, помогающих их уяснению. «Если он (метод. *П. М.*) встречает упорную оппозицию в обществоведении, то в значительной степени просто потому, что в среду обществоведов соответственные навыки мышления до сих пор не проникли» (с. 66). А в другом месте автор выразился еще более ясно—благодаря невежеству обществоведов.

[1]) Там же, стр. 342

Как олицетворение новых навыков экономического «исследования» автора, приведу следующую «структурную аналогию», касающуюся тождественности процесса насыщения рынка с протеканием реакции обменного разложения. «Так как получающийся в результате реакции углекислый газ улетает в воздух (товар, вступив в сферу потребления, исчезает с рынка), то процесс идет до конца, до полного превращения всех молекул в молекулы поваренной соли (до полного насыщения платежеспособного спроса всех потребителей, имеющих нужду в товаре)... Покупатели нашего товара, в отличие от молекул, одарены сознанием и волей: их намерения, планы, расчеты бесконечно разнообразны, но, во всяком случае, не более разнообразны, чем те стихийные толчки, которые непрестанно испытывают находящиеся в растворе молекулы»... и т. д. (с. 70).

Итак, формальная аналогия помогла. Найден общий язык между естественным и общественным явлением. «Блестяще» доказанная попытка завершается математической формулой, которой «выражается закон насыщения рынка в его простейшем виде». Общественно-хозяйственный процесс пойман, дисциплинирован и крепко заперт в математическую формулу, выведенную автором не на основе анализа общественного процесса, а... химической реакции.

Эта подмена не происходит бессознательно для автора. Она—прямой результат его методологического подхода. Для него нет проблемы в возможности отожествлять по формальным признакам общественный и естественный процесс, он исходит из этой возможности, как неоспоримой, данной более «научным», «глубоким» подходом, чем марксов метод.

Можно ли пользоваться в качестве иллюстрации отдельными сравнениями и примерами из ествествознания? Несомненно. К ним неоднократно прибегал Маркс (всп. I гл., I т., «К.»). Однако, это не означает, что при помощи формально, искусственно подогнанной аналогии между естественными и общественными процессами, можно сформулировать ту или иную общую или частную экономическую закономерность. Ни в каком случае. На деле получается вливание в естественную закономерность общественного явления с десятками ограничений и обусловливаний.

Этот упор на формальное тождество приводит неизбежно к перегибу в сторону не-диалектического, формального подхода, который затемняет сущность самих экономических процессов. Что может дать превращение людей в «социальные молекулы», рассматриваемые соотносительно с «химическими молекулами»? [1]). Ничего, только запутывается вопрос, разрывается единство экономического анализа, на первый план выступают метафизические вопросы сходства и различия, при полном забвении качественной сущности.

Для Маркса построение «модели»—теоретическая отработка типовых, качественных отношений капиталистического хозяйства. Этот прием имеет огромное познавательное значение, так как позволяет сложный капиталистический комплекс распластать на ряд составных его элементов, дать теоретический слепок отдельных частей этого взаимодействующего целого. В «конструкциях» Базарова, наоборот, господствует формальная аналогия, которая «обрабатывает» экономические явления не в соответствии с их внутренней диалектической связью, а, наоборот, вырывает их из контекста этой связи и придает им цвет и окраску, заимствованную у естественных явлений, которые являются исходным звеном у просвещенного «аналитика» и становятся в его руках орудием распознавания «скрытых» тайн экономического процесса.

[1]) Перв. ст. В. Базарова, «План. Х-во», 1926. № 4, с. 114, 117.

Считая ревизией марксовой методологии попытку переключить общественные законы в категории естествознания, считая по существу продолжением этой попытки построения частных «структурных аналогий», когда общественные процессы, вырываясь из их внутренней связи, обрабатываются под углом естествознания, мы не отрицаем познавательного значения отдельных иллюстраций и сравнений с естественными процессами—раз, применения математики к анализу количественных закономерностей экономики — два.

Здесь не место останавливаться на этом подробно. Математические формулы, которыми оперирует Базаров, это—формулы естествознания, которые он в целом или с модификациями, стремится перенести на круг общественных явлений. Поэтому, они неприменимы по большей части. Другое дело математическая отработка отдельных общественно-экономических процессов, взятых в их внутренней диалектической связи. Поскольку идет вопрос об исследовании количественных закономерностей и более наглядном выражении действия основных экономических категорий, перед математикой—большие перспективы. Не являясь самостоятельным орудием познания экономического процесса, математика умелым, методологически-проверенным использованием ее внутренних трансформаций, способна придать более четко очерченные контуры отдельным звеньям теоретической системы капитализма.

Немарксистская методология Базарова является той общей основой, на которой развернулись принципиальные и конкретные ошибки последнего в исследованиях закономерностей капиталистической и советской динамики.

2. Структура капиталистического цикла.

Базаров значительно продвинул вперед исследование структуры торгово-промышленного цикла. Им сформулирован ряд интересных соображений, касающихся общеструктурной линии цикла и его движущих элементов. Однако, систематической разработки теории цикла у автора нет. Он ограничился исследованием общеструктурной линии,—выставил и обосновал «причину» цикла и очень кратко, схематически зарисовал его отдельные фазы. Но механизм цикла,—механизм реального капиталистического воспроизводства, как он протекает на базе меняющихся ценностных и ценовых соотношений,—автор почти не исследовал. Больше, в самом подходе к этой задаче Базаров обнаружил серьезнейшие ошибки, которые впоследствии сказались на исследованиях им динамики советского хозяйства.

Начнем с движущих толчков цикла. Базаров значительную часть своего исследования посвятил разработке марксова тезиса, что исходным толчком капиталистического цикла является переход производительных сил с низшей на высшую ступень. «Своеобразие развитой нами структурной схемы заключается... в том, что она рассматривает рост производительности труда как стержень всего цикла. Самый цикл, является с нашей точки зрения, лишь характерной для капитализма формой перехода с низшего уровня производительности труда на высший» (с. 55). Это—бесспорно правильная мысль. Автор не забыл упомянуть, что отмеченное им «своеобразие» открыл еще Маркс [1]).

Однако, Базаров не ограничился тем, что сказал Маркс, он «попытался» пойти дальше. Можно вообще говорить о циклической динамике, присущей капитализму, заявляет он, но последняя не обязательно обнаруживается во все исторические этапы капитализма. Когда дан толчок циклу в виде под'ема производительности труда, депрессия неизбежно перерастает в под'ем, тем самым «все дальнейшие фазы цикла, вплоть до кризиса и новой депрессии, предрешены автоматизмом капиталистического процесса. Но нельзя того же сказать о самом толчке, выводящем хозяйство из депрессии... Запасы возможных технических улучшений всегда имеются в распоряжении капитала, но бывают эпохи, когда эти запасы пополняются сравнительно медленно и являются недостаточными для того, чтобы в период депрессии создать мощное повышение уровня, способное вызвать к жизни полнокровный капиталистический цикл. Тогда депрессия становится хронической, колебания производительности труда происходят, но в итоге их общий уровень не повышается, или повышается настолько медленно, что бурные периоды капиталистического расцвета не возникают» (с. 48, разрядка моя. *П. М.*). И, как на живой исторический пример, Базаров указывает на длительную депрессию 70—90-х годов прошлого столетия.

Общее положение, лежащее в основе рассуждений автора,—что, не будь технического под'ема, не было бы цикла,—безусловно верно. Однако, неправильно сводить зависимость цикла от технического сдвига к простой функциональной зависимости. Вопрос значительно сложнее. Во-первых, капитализм не знает периодов полного застоя техники, тем более при действии свободной конкуренции (70—90-е годы). Во-вторых, если даже и согласиться с мыслью о слабом приросте техники, нет оснований утверждать о замене цикла хронической депрессией, как это делает Базаров. Причины в следующем.

Переход общественного производства на новый технический уровень в период депрессии имеет не одну, а две ступени. Как общее правило, сократившийся спрос насыщают передовые в техническом отношении предприятия, которые и в условиях низких цен могут реализовать прибыль. Средние и низшие группы навсегда, или временно, сходят со сцены. Уже этим выпадением последних технический уровень производства переместился выше. Капитализм перешел на максимальную ступень достигнутой им техники, но которая была исключением, а не общим правилом, во время под'ема. Так получается первый технический сдвиг, связанный с моральным износом оборудования низших групп. Отсюда уже начинает течь струя платежеспособного спроса, которым депрессия перерастает в под'ем.

Однако, периодов полного прекращения технических изобретений не знает капитализм. Это чуждая капитализму фантазия мыслителя. Переоборудующиеся предприятия берут курс на еще более высокий, чем функционирующая группа, уровень техники,—дальше продвигают цепочку рационализации и реконструкции. В результате—не «хроническая депрессия» Базарова, а доподлинный цикл.

Но нас «оригинальные» моменты Базарова могут интересовать и в другой связи. Нет значительного прироста технических изобретений—нет условий перерастания депрессии в под'ем, следовательно, нет нормального цикла, состоящего из трех основных фаз,— его замещает длительная депрессия. На определенном историческом этапе, оказывается, кризис исчез, фигура «реального воспроизводства» потеряла свою циклическую форму. Оказывается, и при капитализме может временно затухать цикл. Независимо от мотивов вывод Базарова сближает его с буржуазной экономией. Туда же клонят его сомнения в автоматизме цикла. «Господствующее в настоящее время представление о кон'юнктуре, как саморазвивающемся процессе, где депрессия автоматически родит под'ем и наоборот, нуждается в поправке. Если кризис (или депрессия) с неизбежностью вытекает из предшествующего под'ема, завершением которого он является, то под'ем еще не дан предшествующей депрессией: между

[1]) Маркс, «К.», II т., с. 158, изд. 1923 г.

ними всегда есть разрыв...» [1]). Это для Первушина понятно. У него цикл открывается «вступлением в действие мощных факторов особого порядка, не стоящих в неразрывной связи с предшествующим состоянием кон'юнктуры (большой мировой урожай, крупный технический сдвиг» [2]). Другими словами, выделив технику на положение извне действующего фактора, Первушин пришел к отрицанию автоматизма цикла.

Но соображения буржуазного эклектика Первушина не закон для «марксиста» Базарова. Базаров не может не знать, как осуществляется технический прогресс в рамках капиталистического хозяйства: 1) производственные отношения капитализма в каждый данный момент срастаются только с той материально-технической оболочкой, которая в состоянии выдерживать «тяжесть» этих отношений, т.-е. обеспечивать их расширенное воспроизводство; 2) неодинаковость органического строения производства является постоянно действующим моментом применения технических изобретений, при чем этот процесс приобретает исключительно массовый характер в послекризисный период, в момент наивысшего обострения конкуренции; 3) в капиталистической системе, никогда равномерно не используется вся сумма имеющихся технических изобретений: задержка в росте технического строения производства в период под'ема, сопровождается исключительно массовыми реконструкциями и рационализациями во время депрессии. Правильное одной стороной положение Базарова, что периоды радикальных технических революций создают исходную почву для ярко выраженного цикла, не означает ни в какой мере исчезновение нормального цикла в промежуточные периоды. Как там, так и здесь, на всем протяжении сложившейся капиталистической истории до полосы краха функционирует нормальный цикл (распадающийся на три основных фазы), как специфическая форма течения реального капиталистического воспроизводства.

Маркс своими замечаниями не оставил ни малейшего сомнения на этот счет. «Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности» [3]) (разрядка моя. *П. М.*).

В этой цитате Маркс совершенно ясно говорит о непрерывном воспроизведении условий самой цикличности—«процесса, который воспроизводит свои собственные условия», неизменно и постоянно. Здесь нет и намека на... разрыв отдельных его условий.

Там же Маркс совершенно ясно показывает, что если и говорить об исходном толчке, то цикличность знает один толчок—сложившуюся систему капиталистического производства — и только. Именно здесь заложен заряд постоянно действующего автоматизма цикличности. «Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность... когда, наконец, промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными,—только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы... которые каждый раз ведут к всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый» [1]) (разр. моя. *П. М.*). Дальнейшие аргументы излишни.

[1]) Первушин, «Хоз. Кон'юнктура», с. 69—70, изд. 1925 г.
[2]) Там же, с 55.
[3]) Маркс, «К», т. I, изд. 1923 г. С. 625.

Базаров смешал две вещи: резко выраженный цикл с максимальными изломами кон'юнктуры и более слабо очерченную цикличность. Выделив последнюю на положение «особой структуры» капиталистического цикла, характеризующуюся другим более упрощенным строением («хроническая депрессия»), Базаров для обоснования «причин» этого явления произвел ревизию марксова тезиса об автоматизме цикла, приблизившись в этом вопросе к Первушину и др. буржуазным экономистам.

Кроме того, постановка Базарова неправильна и в ее методологическом разрезе. Базаров конструирует свои замечания, исходя из взаимодействия факторов «чистого» капитализма, а в качестве подтверждения берет конкретно-капиталистическую динамику 70—90-х гг. «Фактические данные,—говорит он,—вполне подтверждают... построенную выше схему структуры капиталистического цикла» (с. 53). Это положение верно лишь в своей основе. Поскольку циклическое течение воспроизводства присуще только капитализму, эта конкретная форма динамики обнаружится и на поверхности конкретно-капиталистического развития, как оно слагается из взаимодействия капитализма с некапиталистической средой, влияния урожаев на кон'юнктуру и т. д. Короче—историческое господство капитализма, должно обнаружиться и в господстве присущей ему формы динамики.

Переход производительных сил с одного уровня на другой—более повышенный—главное условие цикличности. Однако, на ряду с этим основным фактором на конкретный цикл воздействует множество других: внешний рынок, урожай, политические события и т. д. Не определяя и не отменяя качественного строения цикла, они определенными сочетаниями сильно влияют на конкретную структуру цикла: определенное течение под'ема, кризиса, депрессии. При этом совершенно необязательно, чтобы действие этих влияющих факторов всегда совпадало с направлением действия главного. При небольшом техническом сдвиге масштаб производства может широко развернуться на базе вновь открытых рынков или влияния хорошего урожая, резко повысившего покупательную способность сельского населения и т. д. Здесь возможны самые разнообразные комбинации. Если технический сдвиг—основная предпосылка цикла, то это еще вовсе не означает, что конкретная физиономия цикла будет простой его фотографией. Это особенно уместно отметить по отношению к эпохам, характеризующимся замедленным техническим прогрессом.

Не учтя всей сложности картины, Базаров впадает в элементарное противоречие. Он кропотливо высчитывает соотношение под'ема производительности труда и прироста продукции в 70—90-е гг. и непосредственно отсюда восходит к выводам об «особой структуре» цикла за «этот период». Это, по меньшей мере, однобоко. Но и в пределах своей неудовлетворительной постановки Базаров не в состоянии фактами обосновать свой тезис. Так, исследуя зависимость масштаба производства от под'ема производительности труда, он находит основание говорить о «хронической депрессии» только по отношению к Франции. Рассмотренная им динамика германского хозяйства (металлургия) ни в малейшей степени не подкрепляет его построений, в чем он сам откровенно признается (с. 52).

Однако, это еще не все. Выведенная им кривая производительности труда металлургии Франции описывает странные, непонятные зигзаги. Начиная с 1875 и кончая 1900 г., мы имеем четыре попеременных чередования

[1]) Маркс, «К», I т., 1923 г., с. 625.

под'ема и глубоких падений производительности. Как можно об'яснить эти глубокие падения производительности, автор нам не раз'ясняет. Мы же лишены возможности их уразуметь.

Рост производительности труда при капитализме непосредственно выражается в повышении технического строения производства. Если отвлечься от дороговизны сырья и оборудования, резкие снижения производительности можно об'яснить лишь отказом от производства на добытом уровне техники и переходом на низший, или массовым ослаблением нормы эксплоатации. Но, это противоречит всему двигательному механизму капиталистического производства. Автор не об'ясняет нам всей механики выведения им кривой производительности, мы же, исходя из общеизвестных марксистских положений, в праве поставить под сомнение познавательную точность сконструированной им схемы. Тогда все аргументы, «доказывающие» неправильное положение автора, сами собой отпадают.

Общий вывод, который можно сделать, звучит следующим образом. Попытка Базарова дать об'яснение конкретной структуры капиталистического цикла окончилась неудачей. Она привела его: 1) к отказу от марксовой постановки автоматизма цикла и тем самым приблизила к буржуазной экономии; 2) к отказу от монистической структуры цикла в применении к различным историческим отрезкам сложившегося капитализма; 3) к недостаточному разграничению действия качественных предпосылок цикла и его количественных факторов. Базаров чувствует неувязку своего анализа с последней стороны и пробует найти выход из положения.

Марксист,—говорит он,—«не может довольствоваться констатацией множественности факторов хозяйственного оживления; под видимой множественностью разнородных факторов скрывается единый по своему экономическому смыслу процесс». Посмотрим, как это выглядит. «В самом деле,—рассуждает автор,— крупный урожай, реально повышающий платежеспособный спрос значительной массы населения, бесспорно в состоянии вызвать перелом депрессивной кон'юнктуры. Но что такое урожай в производственном аспекте? Не что иное, как временное повышение производительности труда в полеводстве, вызванное, правда, не техническими улучшениями, а благоволением небес, но от этого ничуть не менее реальное» (с. 57). Итак, и «благоволение небес» трудится над укреплением мысли автора. Но, этого мало. «То же самое можно сказать о капиталистической экспансии», продолжает он. И «вновь открытый рынок, повышенный урожай и всякий иной «фактор» означает «повышение среднего уровня производительности труда», «стимулирует основной метод преодоления депрессии» (с. 58).

Итак, урожай, это — повышение производительности труда, «вновь открытый рынок» не обозначает по «существу» ничего иного. Помимо этих форм, существует ранее исследованный уровень производительности труда, опирающийся на рост техники. Подобная мешанина представляет собой прямое искажение марксистского понятия производительности труда. Маркс много положил труда в своей теории ренты для доказательства принципиальных различий и недопустимости смешения производительности труда, определяемой непосредственно природными данными (плодородие, урожай), и производительности труда, как выражения технического строения производства. Достаточно сказать, что, именно исходя отсюда, он вывел специфические особенности производства и ценообразования в сельском хозяйстве. Это первое. Второе: никакого повышения производительности труда непосредственно не вытекает из открытия нового рынка. И уже совершенно другой вопрос, что и урожай и новый

рынок воздействуют на ход капиталистического воспроизводства, тем самым на ход цикла. Для понимания этого воздействия совсем не следует растворять эти факторы в производительности труда. Они—законные, влияющие условия конкретного воспроизводства.

«Растворительная» попытка автора об'ясняется тем, что он с самого начала не разграничил «чистое» и «конкретное» воспроизводство. Исследуя конкретный цикл, автор упорно не сходит с позиций, определяющих «чистый» капиталистический цикл. Невозможность отмахнуться от таких крупнейших факторов цикла, как урожай и внешний рынок, приводит к попытке растворить их целиком и без остатка в понятии производительности труда. Если воспользоваться «аналогиями», к которым питает такое пристрастие автор, то исходя из его постановки можно растворить производственные отношения в понятии производительных сил только на том основании, что они влияют на их развитие.

Таким образом, неразграничение факторов «чистого» и «конкретного» цикла, неуменье рассмотреть циклическую закономерность в этих двух последовательных разрезах исследования приводит к чудовищному отожествлению различных и различно влияющих факторов. Кстати, что бы должен сказать Базаров, если бы с техническим под'емом совпал сильный неурожай? Производительность капиталистического производства и производительность «небес» пришли бы в явное противоречие. Как бы его разрешил автор?.

Но, даже принимая всю постановку автора в ее «чистом» виде, мы не освобождаемся от глубоких противоречий. Урожай, новый рынок (предполагается некапиталистический рынок)—предпосылки «технической и организационной перестройки ведущих отраслей капиталистической промышленности» (с. 58), они «лишь постольку облегчают выход из депрессии,—говорит автор,—поскольку действие (их) сводится к повышению производительности труда» (с. 58). Но мы в праве сомневаться в применимости этого соображения автора к периодам, характеризующимся замедлением прироста техники.

Как может в этом случае производительность «небес» и новых рынков сказаться в «технической и организационной перестройке», если налицо нет прироста техники, а следовательно, и развертывания масштаба производства. Последовательная авторская мысль должна была бы отрицать возможность под'ема в подобном случае. Или под'ем—«главная структурная линия» летит у автора вверх тормашками, или нет под'ема—не действуют вновь открытые рынки и урожаи, что целиком противоречит конкретным историческим фактам. Эту коллизию не может преодолеть авторская «теория», потому что она отошла от Маркса в этом вопросе. Это—«роковой» исход всех самостоятельных авторских построений.

Нет периодов, характеризующихся полным застоем техники, нет периодов, когда бы на конкретную структуру цикла не влияли факторы, вытекающие из сожительства капитализма с некапиталистической средой. Отожествлять эти факторы, значит упрощать капитализм, спутывать то, над разграничением и методологической отработкой чего столько потрудился Маркс. Это стремление к об'единению, «синтезированию», упрощению проникает все изложение Базарова. Причина указанного явления нами была указана выше. Она заключается в немарксистской методологии автора, в стремлении амальгамировать, сводить друг к другу на основе только формальных признаков качественно различные явления, спутывать различные процессы и т. д. К этому обязывает осуществление «светлого» «идеала монистической науки» тектологии.

* * *

Теперь займемся другой группой ошибок Базарова, связанных с механизмом развертывания цикла.

В книжке Базарова есть все три исходных звена для исследования капиталистической динамики: схема воспроизводства—структура цикла—основные элементы теории кризисов. Однако, эти звенья не увязаны между собой: 1) Базаров не установил основные ступеньки перехода от идеально-схематического воспроизводства к его реальному течению; 2) Базаров не увязал общей теории кризиса Маркса с *реальным* кризисом, как составной частью циклической «фигуры» капиталистического воспроизводства.

Указания на рост производительности труда, как исходный толчок цикла, совершенно *недостаточно*. Необходимо было показать механизм движения цикла: как повышение уровня производительных сил изменяет ценностные соотношения общественного производства, какое выражение этот процесс находит в динамике рыночных цен, кредите. Вне этих «ценностных манипуляций» невозможно проследить нарастание противоречий между производством и потреблением, поэтому нельзя дать *реальный* разрез капиталистического кризиса. Собственно, эти ценностные соотношения и сообщают повышению производительности труда характер «причины» цикла, больше—«создают» это повышение, неминуемо сказывающееся кризисом перепроизводства.

Базаров не дал и не мог дать ценностного механизма цикла, так как он *недооценивает* неорганизованный характер капиталистической системы. Базаров упрощает капитализм и это *упрощение* дает ему впоследствии возможность умалять и *скрадывать* различия советского и капитвлистического хозяйства.

Помимо раньше приведенных положений, это особенно ярко обнаруживается на *переоценке* роли кредита в циклической динамике капитализма.

Кредит,—говорит Базаров,—создает «верхушку повышательной волны, фазу «расцвета», необходимым диалектическим дополнением которой является кризис» (с. 67). *Исключить* кризис—«это значит: *устранить* капиталистическую систему кредита, условно допустив, что ее *вовсе* не существует, или же, что она сосредоточена в руках государства, *планомерно* регулирующего финансово-кредитное дело»... Тогда,—продолжает автор,—производство «*все* время и во *всех* своих частях будет находиться под *контролем* реального спроса и потому подойдет к насыщению этого последнего плавно, без ажиотажа и кризиса» (с. 67—68, разр. моя. *П. М.*).

Укажем, прежде всего, на *внутреннее* противоречие, в которое впадает мысль автора. Цикл—результат перехода производительности труда на более повышенный уровень. Неизбежность этого перехода диктуется *низкими ценами* во время депрессии. Низкие цены—неизбежное следствие взорвавшегося кризисом *перепроизводства*. Исключая кредит мы имеем *плавное* насыщение рынка, постоянно действующий контроль реального спроса «*все* время и во всех частях» производства. Значит, не *может* возникнуть перепроизводство, а раз так, не будет *низких послекризисных цен*, не будет условий *быстрого* перехода производительных сил на более высокий уровень — *цикл исчезнет*.

В этой (который раз!) авторской «коллизии», как в зеркале, отражается непонимание анархии капиталистического хозяйства, ее *преуменьшение*. Анархия капиталистического воспроизводства с его резкими потрясениями *сводится автором к кредиту*. Вне кредита нет *реального* кризиса, *никогда не возникнет противоречие* *между производством и потреблением*. Государственная организация кредита, в контексте мысли Базарова, означает «плановый» капитализм,—капитализм, в котором не будет кризисов, проистекающих из его *внутренней структуры*. Если для Гильфердинга, Каутского в качестве предпосылки «планового» капитализма необходимо овладеть всем механизмом ценообразовании, превратить закон ценности в *конституированный* закон «организованного целого в антагонистической форме»,—это прежде всего, то для Базарова достаточно *государственной* организации кредита, чтобы покончить с кризисами, «обресть» если не целиком организованный, то «упорядоченный» капитализм. Это не марксистская, легкомысленная установка.

В этой серьезной ошибке Базарова отражается, прежде всего, непонимание всей сложности и специфической значимости законов ценообразования капитализма. Там, где закон ценности сводится *преимущественно* к его *количественному* выражению—«количество труда, которого стоит продукт» (примеч. с. 36), независимо от общественной формации, там всегда будет *недооценка* основного выражения анархии—в законах капиталистического ценообразования и конкуренции, и *переоценена* роль *вторичного* признака анархии—*кредита*.

Маркс совершенно иначе ставит вопрос: «*Реальный кризис*,—говорит он,—*может быть представлен лишь в реальном движении капиталистического производства, конкуренции и кредита*» [1]). Реальное движение капиталистического производства это—прежде всего действие *развернутого* механизма ценообразования, «рабочим инструментом» которого является конкуренция. Нарушения нормального ценообразования являются основным выражением назревания *основного* противоречия капиталистического хозяйства—противоречия между *производством и потреблением*.

Так и не иначе, ставит вопрос Маркс: «Кризисы,—говорит он,—обусловлены изменениями и революциями в *ценах*, которые *не совпадают* с изменением ценностей товаров»... [2]) (разр. моя. *П. М.*). Именно здесь, в нарушениях ценообразования, в силу отрыва рыночных цен от изменяющейся величины ценностей товаров, обостряются противоречия капиталистического хозяйства, взрывающиеся кризисами. Что касается кредита, то это—*вторичный* фактор. Не «создавая» кризиса, тем самым цикла, он *усугубляет* наметившиеся диспропорции во время под'ема, *способствует* перерастанию депрессии в под'ем, *обостряет* течение кризиса. Так и только так Маркс ставил вопрос о роли кредита. Не в бровь, а в глаз Базарову попадает следующее замечание Маркса. «*Поверхность* политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита—простые *симптомы* сменяющихся периодов промышленного цикла—она признает *их причинами*»... [3]) (разр. моя. *П. М.*). Не выдвигая кредит исходным толчком цикла, Базаров тем не менее связывает с ним существование капиталистического кризиса, а следовательно, цикла.

Итак, для Маркса *реальный* кризис можно вывести только на основе развернутого действия законов ценообразования капитализма и кредита, для Базарова—только кредита. Маркс выдвигает нарушения ценообразования *основным* моментом «проявления» кризиса, Базаров целиком сводит всякие возможные нарушения к воздействию кредита. Следовательно, для Маркса цикл обнаружится уже при «переводе» общественного производства

[1]) Маркс, «Теории», т. II, ч. 2, с. 180.
[2]) Там же, с. 217.
[3]) Маркс, «К», I т., изд. 1923 г., с. 625.

на базу развернутого механизма ценообразования: ценность—цена производства—колебания рыночных цен, для Базарова реальный кризис, а тем самым цикл (ибо вне кризиса нет цикла), обязаны своим существованием модифицирующему воздействию кредита на ход общественного производства. Две противоположные установки.

К слову сказать, отдельные буржуазные экономисты более правильно расценивают роль кредита, чем Базаров. «Кредит сам по себе не может увлекать экономическую жизнь на ложный путь», говорит Бунятян...[1]. Но, основная толща буржуазной экономии как раз нарушениями в сфере кредита об'ясняет феномен цикличности. Базаров, приблизившись к ним в вопросе автоматизма цикла, сдал марксистские позиции и в оценке роли кредита.

Важность и серьезность ошибок Базарова, пробующего опираться на Маркса и скатывающегося каждый раз к буржуазной экономии, заставляет несколько подробнее развить основные моменты теории цикла Маркса.

Цикл—форма («фигура») течения капиталистического воспроизводства за более или менее определенные отрезки времени. Вне сложившегося капитализма, цикл не проявлялся и не сможет проявиться. Он обязан своим существованием специфической структуре капиталистического хозяйства, являясь формой взаимодействия производственных отношений капитализма с течением материального производственного процесса.

Различие общественных формаций обязано своим существованием характеру сочетания материальных и личных факторов производства. Основная особенность капитализма заключается в отделении производительной рабочей силы от средств производства. Из характера воссоединения их вытекает действие законов, ограничивающих долю рабочего класса в произведенной ценности. Отсюда—«недопотребление» рабочих масс, отсутствие соответствия между способностью капиталистического производства к массовому расширению и величиной личного платежеспособного спроса, неизбежность созревания противоречий.

Дальше, капитализм, как неорганизованная система, характеризуется стихийным механизмом уравнивания меняющихся величин общественного производства и потребления независимо от того, имеем ли мы дело с личным, или производительным потреблением. В основе этой стихийности лежит характер действия закона «равновесия» и движения капиталистической системы—закона ценности. Это—наиболее общий и в то же время родовой признак капиталистической анархии, на оси которого развертываются противоречия, проистекающие из факта поляризации средств производства и производительного труда.

Следовательно, анархия капиталистического хозяйства носит как бы «вздвоенный» характер: на ряду с основным противоречием между производством и потреблением мы имеем специфическое выражение в противоречии между производством и величиной личного платежеспособного потребления. Проявление первого противоречия в общественном масштабе неизбежно будет означать наступление второго, и, наоборот, противоречие между производством и личным потреблением не может проявиться в общественном масштабе, не обнаружившись в общем противоречии между производством и потреблением. Отсюда в реальном кризисе проявляется назревшее противоречие, как между производством и потреблением вообще, так и особое противоречие между более быстро выросшим производством и отставшим потребительским спросом.

[1] Бунятян «Экономич. кризис», с. 106.

Сам же цикл—процесс созревания, взрыва и изживания этих противоречий, пронизывающих весь ход общественного воспроизводства.

Маркс, конструируя свои схемы общественного воспроизводства, выключил действие капиталистической анархии. В своем ценностном выражении схемы дают совокупное движение капиталистического хозяйства в его идеально-схематическом виде. «Пропорциональности» I и II подр. отражают ценностную пригонку бесчисленного количества отдельных отраслей по всему совокупному производственному фронту, предполагающую пропорциональность распределения труда по отраслям. Последнее, в свою очередь, означает не только соответствие производительного потребления производству, но и личного спроса. Пропорциональность личного спроса общественному производству выступает в данных условиях, как простая функция производственной пропорциональности.

Включение капиталистической анархии неизбежно будет означать нарастание противоречий по обоим указанным направлениям одновременно. Поэтому капиталистический кризис есть выражение капиталистической анархии, которая обнаружится одновременно на обеих своих плоскостях: в диспропорциональности между I и II подр.—производительный спрос, и между II подр. и личным потреблением—потребительский спрос. Это происходит в той мере и степени, в какой распределительные отношения и формы потребления суть обратная сторона самих производственных отношений.

Посмотрим, как осуществляется эта закономерность в механизме течения цикла.

Мы уже неоднократно говорили, что необходимым «толчком» цикла является массовое возмещение основного капитала в послекризисный период. Проистекающее отсюда быстрое повышение платежеспособного спроса (вначале на продукцию I, а затем и II подр.) наталкивается на невозможность его немедленного удовлетворения. Налицо—относительное недопроизводство. Для удовлетворения обнаружившегося спроса необходимо значительное расширение производственного аппарата. Никакие переливы капиталов из сферы обращения, массовое кредитование и капитализации прибавочной ценности не помогают. Наоборот, превращение капитала из денежной формы в производительную на первых порах ничего другого не означает, как усиление платежеспособного спроса при все более сокращающейся возможности его немедленного удовлетворения. Недопроизводство обостряется. Рыночным выражением этого обострения является повсеместный отрыв рыночных цен от цен производства (ценности) вверх.

Но обмен товаров по ценности (цена производства) является основным устоем «подвижного равновесия» системы. Всякое отклонение рыночных цен вверх и вниз от ценности неизбежно влекло соответствующие перемещения капитала в направлении выравнивания нарушенной «пропорциональности». Закон «равновесия» проявлял свое действие непосредственно после нарушения «пропорциональности». В результате этого, если и не могло осуществиться реальное «равновесие» всех частей капиталистического целого в каждый данный момент, то невозможны были резкие смещения отдельных частей общественного производства, которые взрывались бы периодическими кризисами.

В условиях массового обновления основного капитала четкое, непосредственное действие законов ценообразования нарушилось. Рыночные цены однотипно отклонились вверх от цены производства. Никакое напряжение капиталистической конкуренции, бешеный тѐмп прилива капитала в сферу производства не в состоянии воссоединить рыночный механизм цен с регуляторами системы. Рыночные цены

перестали своим уровнем отражать меняющуюся величину ценности и отражают своим колебаниями только степень производительного и потребительного голода хозяйственной системы и ее людских элементов. Там, где сильнее недопроизводство—выше цены, больше оторвались от цены производства, там, где слабее—оторвались меньше.

Но, рыночные цены—единственный непосредственный критерий расширения и сужения производства для капиталистов. Имманентные капитализму (как и всякой системе) законы «пропорциональности» лишь в той мере ощущаются капиталистами, в какой они давят на них уровнем рыночных цен, определяющих величину прибылей.

Вскрывшийся конфликт между условиями «подвижного равновесия» системы и рыночными ценами кончается победой последних на всем протяжении под'ема. Стремясь преодолеть «недопроизводство», общественная система разворачивает производство, ориентируясь на высокий уровень цен. Этим она стреляет значительно дальше, чем расположена цель — платежеспособный спрос. Рыночные цены, оторвавшиеся от ценности, перестают быть правильными выразителями условий равновесия системы и, прежде всего, величины личного платежеспособного спроса. Все «пропорциональности» общественного производства нарушаются, имея исходным толчком нарушение «пропорциональности» между ежегодно отмирающим и возобновляемым основным капиталом. Общее направление этих нарушений было следующим: I подр. отстает от развертывания II подразделения, II подр. отстает от прироста личного платежеспособного спроса. Это в начале под'ема.

Но. общественная система давно «трудится» над заделыванием бреши недопроизводства. Быстро строятся новые предприятия, закладываются целые новые отрасли. На определенной ступени развития этого процесса общество располагает достаточным аппаратом для полного удовлетворения потребительского и производительного спроса. Однако, рыночная конкуренция бессильна отразить существующий прирост производительного аппарата на подготовительной стадии к его функционированию, так как неотстроенные еще предприятия выступают попрежнему «суб'ектами» спроса, а не предложения. Переход их, когда они окончательно отстроятся, ко второй функции будет означать две вещи: 1) резкое сокращение платежеспособного спроса; 2) резкое усиление предложения. Этой трансформацией, перемещением ролей по отношению к рынку они одним махом меняют кон'юнктуру. Вместо хронического недопроизводства обнаруживается массовое перепроизводство: I подр. произвело больше, чем потребило II, II—больше, чем наличный потребительский спрос.

Итак, 1) массовое обновление основного капитала «порождает» под'емную фазу капиталистического производства; 2) поскольку рост общественного спроса обгоняет возможность соответственно быстрого расширения производства, то весь период под'ема протекает при условии и на основе повышенного уровня цен, тем самым прибылей; 3) эта невозможность быстрого (в сответствии с требованиями) расширения определяется не недостатком денежных капиталов и низким уровнем техники, наоборот, высоким техническим строением производства, пред'являющим усиленный добавочный спрос—с одной стороны, и удлиняющим время их постройки—с другой; 4) на определенной ступени развития под'ема, когда заканчивается процесс оборудования новых предприятий, рыночные показатели (цены, прибыли) перестают быть выразителями элементов «равновесия» системы; 5) ориентированный на них масштаб капитализаций сразу, перерезая стадию «равновесия», переводит общественное производство из состояния «недопроизводства» как I, так и II подр., в состояние «перепроизводства», взрывающегося кризисом.

В начале под'ема как производительный, так и личный спрос прирастал более быстрым темпом, чем расширение производства. Конечной «причиной» назревания перепроизводства явилось именно отставание личного платежеспособного спроса. Неизбежность его отставания определялась: 1) отсутствием прямого соответствия между его приростом, не могущим преодолеть антагонистических условий капиталистического распределения, и возможным расширением капиталистического производства, зависимого только от уровня техники, массы накопления и массы денежных сбережений, перераспределяемых кредитом в производительную форму; 2) способностью I подразделения создавать свой внутренний «локальный» рынок (взаимное производственное обслуживание), сказывающейся в конечном счете в усиленной выброске именно потребительских продуктов, поскольку I подразделение есть предварительный аппарат по производству предметов потребления.

Поскольку I и II подр. расширялись во время под'ема на основе нарушенного механизма ценообразования, то это обстоятельство в условиях высоких цен и прибылей неизбежно должно было сказаться перепроизводством. Так как на продукцию I подр. был более напряженный спрос—раз, удаленность от непосредственного контроля потребительского рынка—два, способность к громадному внутреннему производственному обслуживанию—три, особая природа продукции, могущая быть потребленной только в условиях расширенного воспроизводства, причем определенного темпа—четыре,—здесь существуют налицо условия более массового перепроизводства, чем во II подразделении. Отсюда, на ряду с общим превышением масштабом производства емкости потребительского рынка, обнаруживается диспропорция между I и II подразделением. Слабее выраженная вначале диспропорция на потребительском рынке усиливается затем вследствие резкого сужения производства I подр., сокращающего число занятых рабочих. Наступает кризис.

Итак, циклическая фигура капиталистического воспроизводства проявлет себя на базе развернутого механизма ценообразования и конкуренции. Общее перепроизводство, кризис предрешены характером действия этого основного механизма. Кредит только обостряет перепроизводство-кризис, не создавая его. Поэтому не в кредите, а в характере действия законов ценообразования—закона ценности в капиталистическую эпоху (с «трансмиссией» в виде цены производства), нужно искать исходную «причину» цикличности. Потеряв способность, вследствие массового прироста спроса в начале под'ема, перманентно обгоняющего предложение, «уравнивать» производственные нарушения по мере их возникновения, закон ценности «уравнивает» общественное производство в конечном счете. Действие его не может найти другого выражения, кроме резких сдвигов кон'юнктуры, смены ее отдельных фаз. Кризис, как раз и представляет собой уродливое выражение действия этой тенденции к равновесию. Срезав резким понижением цен излишний производственный аппарат и товарный капитал, закон ценности, в его капиталистическом оформлении, гонит общественное производство к «равновесию» его частей, никогда не достигая предельной чистоты своей «работы».

Исходным толчком для проявления этой тенденции является взрыв на рынке скрыто назревающего противоречия между потребительским спросом и предложением. И это совершенно не случайно. Анархия капиталистического хозяйства никогда не отлилась бы в форму закономерно протекающего цикла, если бы не было противоречия между общественным

характером капиталистического производства и антагонистическим распределением. Поэтому вне вскрывшегося противоречия между общественным производством и личным потреблением не может обнаружиться принудительное действие «закона равновесия»—ценности, или, наоборот, длительная приостановка действия этой уравнивающей тенденции неминуемо найдет свое выражение в нарастании противоречия в конечном счете здесь.

Постоянным толчком к нарастанию этого противоречия и принудительного его разрешения является массовое обновление основного капитала вследствие его морального износа. Фигурная линия капиталистического развития как раз и является выражением капиталистического действия закона ценности, на который давит это периодически повторяющееся явление.

Но «следствия в свою очередь становятся причинами», говорит Маркс, характеризуя диалектическую природу промышленного цикла. Массовая смена оборудования, определяя ценностные феномены в период под'ема, сама, в свою очередь, определяется ими в период депрессии. Не будь резкого снижения цен в результате взорвавшегося на рынке перепроизводства, не было бы непосредственных условий для массовых реконструкций и рационализаций.

На старой технической базе капитализм уже невозможен,—он не в состоянии создать условия для под'ема производства. Выход—в переходе производительных сил на очередную ступень техники. Этот переход происходит вследствие давления ценностных отношений, выраженного в том факте, что уровень цен стоит ниже величины ценности. Массовые технико-организационные процессы, развертывающиеся в период депрессии, как раз и сказываются в изменении величины ценности. Уменьшившаяся величина ценности (рыночной цены производства), изменяя соотношение рыночного спроса и предложения, вновь притягивает к себе рыночный уровень цен, становится равнодействующей их колебаний. Налицо—слаженный механизм ценообразования, рыночное «равновесие» соответствует производственному «равновесию» пришедших в ценностное соответствие отдельных частей воспроизводственного целого. Величина личного и производительного спроса соответствует масштабу общественного производства. Но, это лишь кажущееся равновесие, его идеально мыслимый «миг». Момент его «установления» обязательно сопровождается массовым приростом платежеспособного спроса реконструирующегося производства, который сразу же обгоняет возможность его немедленного удовлетворения. Темпы расширения, диктуемые выросшим спросом, превышают производственные возможности системы. Нехватка производственного аппарата и невозможность создать его «мгновенно», определяют нарушение «нормального» действия законов равновесия, что неминуемо, в специфических условиях капиталистической системы, скажется кризисом.

Итак, капитализм никогда не знает полосы равновесия. Условия развития производительных сил в капиталистической оболочке неизбежно отливаются в циклическую форму воспроизводства. Специфическим выражением такого взаимодействия «формы» и «содержания» является характер действия закона ценности в капиталистическую эпоху (с «трансмиссией» цен производства)—потеря способности изживать нарушения по мере их возникновения и изживание их в конечном счете. Конкретным выражением действия этой уравнивающей тенденции может быть только кризис.

Все остальные категории капиталистического хозяйства выстраиваются в направлении действия этой основной, усугубляют раз данную тенденцию. Взять к примеру кредит. Если нарушен обмен по ценам, совпадающим с ценою производства,—кредит усугубляет последствия этого явления для воспроизводства. Он через дальнейший отрыв платежеспособного спроса от производства (как капитальный, так и оборотный кредит), расталкивает отдельные части воспроизводства под внешней формой их теснейшего переплета. Здесь (период высокой кон'юнктуры под'ема) он выступает, как отталкивательная сила, как один из ферментов капиталистической анархии. Наоборт, в период депрессии, когда наметилась тенденция к сближению цены и ценности, кредит—важнейший фактор перерастания депрессии в под'ем. В этом «двуличном» действии кредита ясно видна его природа «вторичного» фактора циклической динамики.

Кредит—притягательная и отталкивательная сила капиталистического хозяйства в зависимости от характера действия «законов равновесия» в капиталистическую эпоху. Диалектическое противоречие, заложенное в законе ценности, могущем выявить свое организующее воздействие только при нарушениях «пропорциональности», определяет двустороннее действие кредита в течении капиталистического воспроизводства. Кредит, денежный рынок придают законченный рельеф циклу, который уже дан взаимоотношением производительных сил с главными производственными отношениями капитализма.

Этого не понимает Базаров. Государственная организация кредита, если сделать это целиком произвольное для капитализма допущение,—не отменила бы цикла. Но, в условиях «гипотетического» капитализма, овладевшего механизмом ценообразования, т.-е. в плановом порядке приспосабливающегося к предначертаниям закона ценности, кредит сам по себе превратился бы в «рациональный» фактор, позволяющий капиталистическому производству с меньшими затратами достигать наибольшего эффекта.

* * *

По характеру статьи мы лишены возможности останавливаться на других отдельных ошибках автора: 1) «депрессия есть система статического равновесия». Из того, что я излагал выше, вытекает принципиальная неправота этого утверждения. Затем: 2) неточности в определении причин капиталистического кризиса. В равной мере я не в состоянии критически разобрать положения автора о вековых движениях и больших циклах. Нам кажется, в этих вопросах он занимает более правильную точку зрения, чем экономисты, специально занимающиеся изучением этих процессов (см. Кондратьев, Первушин).

Нам хочется остановиться на заключительном аккорде, увенчивающем методологические и теоретические ошибки Базарова. Базаров, в заключение, отказывается от теории чисто капиталистического воспроизводства. Он говорит, что «замкнутая в себе и вполне развитая капиталистическая система... не смогла бы просуществовать и трех лет, ибо в дальнейшем производительная реализация накопления оказалась бы невозможной за исчерпанием резервов рабочей силы». «Таким образом... капиталистическая система..., лишенная возможностей империалистической экспансии, существовать не может. В этом Роза Люксембург вполне права, хотя аргументация ее мало убедительна, так как она приступила к анализу противоречий изолированного капитала с ненадлежащей стороны» (стр. 54. Разр. моя. *П. М.*). Дальше, что называется, ехать некуда.

Построения Базарова нестерпимо противоречивы и эклектичны: 1) ревизия общей методологии исследования общественных явлений Маркса; 2) отказ от автоматизма промышленного цикла; 3) непонимание двух разрезов анализа цикла — качественной структуры и конкретных модификаций; 4) сведение «причин» реального кризиса к кредиту, тем самым упрощение капитализма и 5) отказ от «чистого» капитализма.

Все основные моменты теоретических построений Базарова представляют собой сдачу марксистских позиций ревизионизму. Работа Базарова имеет ту вреднейшую черту, что, являясь в глазах буржуазной критики «марксистским» произведением, она стирает грань между марксистским и буржуазным осмысливанием цикла и кон'юнктуры. Это для той фракции буржуазных экономистов, к которой скатывается Базаров в общей методологии, вопросах автоматизма цикла, оценке роли кредита, отрицании «чистого» кипитализма. Для другой группы, занимающей иную позицию в оценке указанных моментов, обеспечивает легко доступную и «уничтожающую» критику «марксистских» построений. Внутренняя кричащая противоречивость отдельных положений автора, например, отрицание «чистого» капитализма и сведение всех влияющих на кон'юнктуру факторов (урожай, внешний рынок) к производительности труда,— делают плохую услугу марксизму.

Боевая теоретическая задача, стоящая перед научной экономией—построение систематической теории цикла и кон'юнктуры—должна быть связана с подробнейшей критикой методологической установки, приемов исследования и построений Базарова. Да и не могло быть иначе в силу существования тесной связи «реакционной гносеологии с реакционными потугами в социологии» (Ленин), осуществляющейся на примере указанного автора.

(Окончание следует).

Н. Сперанский.

К вопросу об улучшении партаппарата.

Азбучным для нашей партии положением, определяющим в каждый данный момент «установку» нашего партийного строительства, является положение об обязательности соответствия между формами партийной организации, методами ее работы и особенностями и задачами данной конкретной исторической обстановки. Нет «абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы»... «Всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением об'ективных условий развития революции превратиться из формы развития партийной организации в оковы этого развития» [1]).

С точки зрения этой организационной диалектики мы заранее должны ожидать, что современная эпоха, характеризуемая нами, как эпоха реконструкции нашего хозяйства, должна выдвигать свои, только ей, или в особенности ей, присущие требования в частности и к работе в области партстроительства.

Действительно, последние годы, ознаменовавшиеся столь крупными переменами во всей народнохозяйственной жизни, являются в то же время годами постепенного пересмотра практики нашего партийного строительства в целях приведения его в соответствие с новыми хозяйственными задачами. Этот пересмотр и это приспособление не выразились, правда, в какой-либо общей резолюции или тезисах ЦК или с'езда, заранее определяющих на целый длительный период постановку партией организационного вопроса во всех его сторонах и в деталях; но они совершаются исподволь, шаг за шагом, изо дня в день. Достаточно проследить за резолюциями ЦК партии на протяжении последних двух—трех лет (см., напр., разолюции о массовой работе, о вовлечении широких масс в кампанию по рационализации производства, о партработе на крупных предприятиях, о работе сов'ячеек с точки зрения борьбы с бюрократизмом и т. д. и т. п.), а также за постановлениями с'ездов, начиная с XIV, и конференций как всесоюзных, так и местных, чтобы убедиться, что партия все время неуклонно выправляет строй своей внутренней организационной работы, выравнивая его по линии, диктуемой особенностями наступившего реконструктивного периода.

Весьма существенным элементом во всю эту организационную работу партии входит работа над рационализацией партаппарата. Выражавшаяся ранее в отдельных частичных мероприятиях, указанная работа принимает теперь характер генеральной проверки работы всего механизма партии, который подвергается всестороннему изучению, чистке и упрощению в целях сообщения ему наибольшей подвижности, гибкости и

[1]) Из резолюции X с'езда РКП(б) по партстроительству.

одновременно экономичности, требуемых особенностями современного этапа нашего развития.

Это улучшение партаппарата в условиях, когда партия стоит у власти, когда она руководит всем народнохозяйственным строительством и деятельностью всех массовых организаций рабочих и крестьян, естественно не может являться задачей технического только порядка (как некоторые склонны ее понимать), но неизбежно приобретает и крупнейшее политическое значение.

Недаром оппозиция в своей предс'ездовской платформе тоже выдвигала идею своего рода «рационализации» партаппарата. И весьма характерно, что свои пожелания на этот счет она почти целиком вложила в следующую формулировку, включившую в себя все главнейшее, что ею предлагалось по части упорядочения партийного механизма. «Нынешний чрезмерный бюджет партии нужно сократить в несколько раз, как и оплачиваемый аппарат. Можно и должно значительную часть партработы вести бесплатно, возлагая ее на членов партии после производственной или иной работы».

Уже голое сопоставление этих столь хорошо отвечающих требованиям режима экономии пожеланий оппозиции с ее нападками на «аппаратный режим» и борьбой против «возрастающего оттеснения партии ее собственным аппаратом» проливает вполне достаточный свет на действительную, чисто политическую, суть троцкистской «рационализации», которая была весьма плохо замаскирована заботами о сбережении советской копейки. Никто не станет оспаривать положение, что «можно и должно значительную часть партработы вести бесплатно, возлагая ее на членов партии после производственной или иной работы». Мало того, именно подобная линия и проводится между прочим на местах нашими парторганизациями в процессе рационализаторской работы. Однако, туманность и кажущаяся приемлемость формулировки (по крайней мере во второй половине цитированного тезиса) не должны уже никого вводить в заблуждение. Ведь, «когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует забывать характерной черты современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист по самой своей природе уклоняется всегда от определенной бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь быть согласным и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч.» [1]).

И прикрытая благими пожеланиями экономии «рационализаторская» линия оппозиции пролегала явным образом не столько в направлении улучшения партаппарата, сколько в направлении его подрыва, как базы «аппаратного режима».

«Всякая форма борьбы требует соответствующей техники и соответствующего аппарата» [2]). Огромная сложность строительных задач, стоящих сейчас перед партией, требует, чтобы партийному аппарату была обеспечена небывалая еще никогда ранее гибкость при одновременном охвате всех сторон работы и не только сохранении, но и все большем укреплении партийного руководства. Если на предыдущей, «восстановительной» ступеньке нашего развития в росте народного хозяйства было много элементов стихийности, «самотека», то для нынешней, «реконструктивной» ступеньки характерна все более решительная гегемония «сознательности над стихийностью», хозяйственным выражением чего является преобладание обобществленного

[1]) Ленин. Собр. сочин., т. V, стр. 473 («Шаг вперед и т. д.»).
[2]) Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 43 («Кризис меньшевизма»).

сектора народного хозяйства над частным. Тем самым проводник воздействия сознательности на стихийность, реализатор плана — партаппарат выдвигается в общей системе партийного строительства на виднейшее место. И поползновения оппозиции на ослабление партаппарата в действительности были не чем иным, как формой капитулянтства перед напором мелкобуржуазной стихии.

Осуществление стоящих перед партией задач, конечно, менее всего предполагает огромность специального платного аппарата партии. Наоборот, чем больше будет он сжат, тем более он выиграет в гибкости, отсутствии волокиты и быстроте реагирования. Современные же условия не только требуют, но и дают реальную возможность поставить практически вопрос о весьма значительном сжатии и упрощении: возросшие производительные силы страны (улучшение путей сообщения, почтовых связей, радиофикация и проч.), с одной стороны, и повышение культурного уровня партийных масс, в особенности огромный рост актива — с другой, дают для этого необходимые предпосылки. Но как размеры, так и метод сжатия и упрощения определяются с точки зрения партии, в отличие от оппозиции, только целями дальнейшего укрепления партаппарата и усиления его работы.

Широко привлекая на партработу бесплатный труд партийцев, партия, помимо достижения таким путем известной денежной экономии, получает возможность усилить выдвижение новых работников, полнее выявляя их на партийных заданиях, целесообразнее использовать растущий актив, углубить демократизацию работы партаппарата, наконец, получить новые возможности в деле воспитания партийных масс. Главное же, она подтягивает к обслуживанию партработы разносторонний опыт многочисленных товарищей, занятых в разнообразнейших областях, и черпает крупные добавочные силы, позволяющие достигнуть такого охвата партработы, который при нынешних ее масштабах совершенно недостижим для какого бы то ни было специального оплачиваемого партаппарата. Это вовлечение новых добавочных сил, при умелом его проведении и целесообразной организации работы привлеченных, может сделать возможным весьма крупное (кое-где, быть может, даже наполовину) сокращение кадров оплачиваемых партработников. Но сокращение в данном случае, во-первых, не должно отбрасывать партию к кустарщине, во-вторых, должно непременно сочетаться с качественным улучшением состава остающихся кадров, всецело сохраняющих свою ведущую роль в текущей практической партработе, являющихся, если можно так выразиться, той рабочей силой, которая идет в корню партийной упряжки.

Курс оппозиции на сокращение специального платного партаппарата в несколько раз был курсом, направленным прежде всего именно против этого кадра партработников-профессионалов (т.-е. тех товарищей, в любой момент сменяемых и в главной своей части выборных, для которых партработа волею партии сделана основной). Именно указанный кадр, преемственно связанный с институтом подпольных профессионалов-революционеров, и составляет армию столь одиозных «аппаратчиков», носителей и оплот «аппаратного режима». Доведением кадра «аппаратчиков» до совершенно ничтожной величины должна была обеспечиться потеря им доминирующего влияния в построении партийной работы. Если при этом учесть, что очень значительная доля того актива, на плечи которого может быть переложена партработа, снятая с оплачиваемого партаппарата, представляет собою работников учреждений, менее устойчивая, менее выдержанная и менее крепкая часть которых «не может не поддаваться напору буржуазных влияний, идущих из самых глубин, от остатков прошлого в нашем еще не переделанном в корне государственном и хозяйственном аппа-

рате» [1]), то трудно будет истолковать намечавшийся оппозицией в данном случае переход количества в качество иначе, как один из путей к той «эмансипации госаппарата от влияния на него со стороны партии», о которой в свое время говорили XIII и XV всесоюзные партконференции.

В связи с этим, вероятно, стоит и то обстоятельство, что «платформа» в своих пожеланиях совершенно обходила работу фракций внепартийных организаций. Между тем, одним из факторов, способствовавших некоторой громоздкости рабочего механизма партийных комитетов, являлась именно слабость деятельности фракций, что обусловливало подчас частичную подмену или дублирование парткомами работы совоpганов, профсоюзов, кооперации. И обратно, отмеченные подмена и дублирование со своей стороны сами обусловливали в ряде случаев недостаточное развитие деятельности фракций.

Обследования, производившиеся в последние год—два отдельными парткомитетами и контрольными комиссиями (напр., ярославским губкомом, иваново-вознесенской ГКК и некотор. др.), констатировали в работе фракций наличность крупных недочетов, в роде неправильного конструирования кое-где состава фракций, недостаточной увязки работы с парткомами, боязни брать на себя ответственность за предварительное рассмотрение принципиальных вопросов, а также наличность серьезных технических дефектов, в частности смешения делопроизводства фракций с ведомственным материалом. Отмечались и случаи, когда фракций, как коллективов, фактически вовсе не существовало и работа сосредоточивалась в бюро. Вообще, фракции далеко не могут быть отнесены к числу лучших участков нашего партаппарата. Между тем, разгрузка парткомитетов от части их работы в пользу советов, кооперации, профорганов не может быть осуществлена без риска сползания в направлении к той же «эмансипации госаппарата от влияния на него со стороны партии» иначе, как на основе усиленного развития «фракционной работы». И вряд ли случайно, что оппозиция (интересовавшаяся фракционной работой совершенно иного порядка) при всем своем внимании к партаппарату, не сочла вопрос об усилении деятельности фракций непартийных организаций заслуживающим особого рассмотрения и специальных по нему предложений.

С точки зрения партии, наоборот, улучшение работы фракций, идущее об руку с сокращением размеров платного партаппарата и усилением выдвижения партийных и беспартийных рядовых рабочих и крестьян,— одна из важнейших задач развертывающейся рационализаторской работы. В органах же невыборных, где фракций не имеется и где с разгрузкой парткомов от соответствующей части их работы расширяется партийная компетенция коммунистических частей учреждений, приобретает теперь еще большее значение та борьба советских ячеек с бюрократизмом, о которой говорил ЦК в своем постановлении от 20 декабря 1926 г., поскольку этой борьбой, помимо прямой ее цели, одновременно осуществляется преодоление влияния на партию мелкобуржуазной стихии, с огромной силой давящей на наш государственный аппарат.

Вопрос, о фракциях, правда, в значительной мере выходит за рамки вопроса об улучшении партаппарата, как такового, тесно сплетаясь с кругом вопросов внутрипартийной демократии. Но и весьма многие другие даже чисто технические, казалось бы, вопросы рационализации партаппарата являются в то же время вопросами, затрагивающими указанный круг, что, конечно, только усиливает их значение, а следовательно,

[1]) Из докл. Молотова о партстроительстве на XIII партс'езде (стр. 523 стеногр. отчета). Для того времени, по определению т. Молотова, количество партийцев, находившихся в учреждениях, достигало 40% общего числа членов партии; теперь в связи с быстрым ростом рабочего сектора этот процент, несомненно, ниже.

и ту требовательность, с которой мы должны подходить в данном случае к рационализаторской работе. Так, напр., сокращение и упрощение отчетности парткомитетов есть шаг к облегчению и расширению участия широких партийных масс в руководстве партией. Ускорение прохождения бумаг через канцелярии партийных комитетов — шаг к улучшению связи, к усовершенствованию одной из важнейших нитей, по которой осуществляется деловое взаимодействие внутри системы наших парторганов и т. д., и т. п.

В то же время этот вопрос о фракциях выводит нас и в области самой рационализации далеко за пределы работы над специально оплачиваемым партаппаратом, к вопросу о котором сводила все оппозиция. Р а ц и о н а л и з а ц и я п а р т а п п а р а т а е с т ь р а ц и о н а л и з а ц и я в с е г о р а б о ч е г о м е х а н и з м а п а р т и и. В своем строительстве в противоположность оппозиции «партия исходит из того, что партийный аппарат и партийные массы составляют единое целое» [1]). В соответствии с этим и улучшение партаппарата никоим образом не может быть замкнуто исключительно в задаче сокращения числа партийных должностных лиц, упорядочения делопроизводства, бухгалтерии, упрощения и реорганизации отделов партийных органов и т. п. Как ни важны все эти меры, но мероприятиями, касающимися платного аппарата, выполняется только часть дела, да и та не может быть выполнена правильно, вне связи с упорядочением работы всех тех многочисленных колесиков и винтиков, которые в совокупности составляют рабочий механизм партии и имя которым — все члены партии, в первую же очередь — ее актив. Рационализировать партаппарат для каждого члена партии значит в то же время рационализировать свою собственную работу.

Подобная постановка вопроса чревата, правда, некоторыми опасностями в смысле риска расплывания в чересчур широких планах, являющихся, пожалуй, не меньшей угрозой для практической работы, чем чрезмерное сужение задачи (т.-е. в данном случае низведение ее до задачи чисто технических изменений в платном аппарате парторганов). Не один раз подобное расплывание служило могилой хороших начинаний. Поэтому важно помнить, что в деле общей рационализации работы членов партии приходится думать пока только о «черном хлебе», об элементарнейших практических мероприятиях. Такими мероприятиями, идея которых, нужно заметить, далеко уже не нова для партии, являются в первую очередь простейшие меры к ликвидации того хищнического расточения времени, которое сделалось настоящим бичем в нашей деловой жизни.

Добиться хотя бы того, чтобы все наши собрания, заседания, зрелища, а также, конечно, в первую очередь работы, в особенности имеющие публичное значение (напр., связанные с приемом посетителей, обслуживанием масс и т. п.), начинались, по крайней мере в городских поселениях, в строго назначенное время, — задача, над которой стоит поработать нашим организациям с тем, чтобы добиться ее разрешения в кратчайший срок. Крах ставившей перед собой аналогичные цели «Лиги Времени» отнюдь не свидетельствует о наличии здесь каких-либо непреодолимых трудностей, но доказывает только, во-первых, реальность отмеченной выше опасности слишком широковещательных планов, во-вторых, и главным образом — то, что борьба с нечистоплотным отношением ко времени личным примером возможна не с большим успехом, нежели, напр., борьба с загрязнением вокзалов личным воздержанием от бросания окурков на пол и грызения подсолнухов. Здесь могут оказаться успешными только мероприятия массового характера, в основе которых должно лежать применение партийной дисциплины. При успехе же работы влияние указанных мер, нужно думать, неизбежно распространится, в конце-концов, автоматически и на непартийные

[1]) Из рез. XV всесоюзн. партконференции.

организации [1]). Наши партийные органы просто еще не брались всерьез за это дело: трудно, напр., найти отчет губкома или ГКК, в котором было бы отведено место сообщению о каких-либо шагах в рассматриваемом здесь направлении (если только не считать затрагиваемого некоторыми контрольными комиссиями вопроса об аккуратной явке служащих в учреждения).

Между тем, уточнение нашей работы во времени в смысле самого простого соблюдения назначенного часа начала собраний или работы, нанеся удар расхлябанности, дало бы настолько значительную экономию сил и средств и такое упорядочение хода всего механизма, которое одно сделало бы возможным крупное удешевление и упрощение партийного, советского и иного аппарата.

К той же категории явлений относится так называемое «заседательство». О нем очень много говорили и писали и говорят и пишут по сие время. Для иллюстрации размеров этого бича нашего строительства сошлемся лишь на одно из последних обследований указанного вопроса: на обследование ЦКК—РКИ компартии Украины, коснувшееся, правда, только совучреждений.

Как выяснилось, обследованные райисполкомы на Украине «были обложены» 42 постоянно действовавшими комиссиями, а окрисполкомы — 101 комиссией, с участием в них около 500 человек. В 13 центральных учреждениях Украины было 162 комиссии. В Наркомздраве действовало 50 комиссий, за три месяца в Наркомземе учтено 600 заседаний (при чем учесть удалось далеко не все); только один отдел НКВД — Коммунальный — участвовал за полгода в 538 комиссиях и заседаниях. «Эта комиссионная вакханалия, — заключает ЦКК КП(б)У, — создавала в свою очередь два других отрицательных явления: во-первых, фактическую личную безответственность работников... во-вторых, эти бесконечные комиссии не оставляли времени для оперативной работы. Произведенная НК РКИ фотография работы ответственных работников показала, что из их 13—14-часового рабочего дня на заседания уходит до 60—70% времени» [2]).

Навряд ли много лучше обстоит дело и в партийных организациях. Общеизвестна в частности чрезмерная занятость собраниями и комиссиями нашего низового партактива. Эта занятость ведет к тому, что собрания, имеющие целью способствовать организации и улучшению работы актива, в действительности, вместе взятые, не только подчас превращаются в препятствие к развертыванию указанной работы, но вдобавок и лишают активистов возможности повышать свое развитие, т.-е. подвергают актив опасности отставания от организуемых им же партийных и беспартийных рядовиков, а следовательно, в конце-концов, и утраты им своей роли как действительного актива.

---

[1]) Что не исключает, конечно, возможности и непосредственного воздействия на эти последние. В частности, в отношении платных собраний (зрелищ, лекций и т. п.) нужно иметь в виду, что об'явление в афише о времени начала таких собраний есть, по сути дела, публично взятое на себя устроителями обязательство, нарушение которого сопряжено для посетителей с разного рода ущербом (между прочим и материальным). Практические выводы из этого факта со стороны органов власти до чрезвычайности ускорили бы внедрение аккуратности в наш повседневный обиход.

[2]) Отчет ЦКК КП(б)У X с'езду КП(б)У. 1927 г., стр. 59. Как меры борьбы ЦКК КП(б)У были приняты следующие: расширение и уточнение прав различных госучреждений, «чем нанесен был сильнейший удар по согласовательным излишествам междуведомственного характера». Кроме того, «руководители частей госучреждений были наделены правом единоличного, самостоятельного разрешения всех вопросов из сферы непринципиального характера, при чем на них возложена персональная ответственность за правильность, порядок и быстроту разрешения дел».

Таким образом, мы весьма мало продвинулись вперед с тех пор, когда Ленин дал свою известную беспощадную характеристику нашему «заседательству». «Был такой тип русской жизни — Обломов, — говорил он в речи, произнесенной на заседании коммунистической фракции всероссийского с'езда металлистов весной 1922 г. — Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий» [1]).

В свое время «заседательство» имело, несомненно, некоторый положительный смысл. Увлечение заседаниями и комиссиями возникло из стремления к обмену опытом, к взаимопомощи в деле налаживания руководящей работы партии, к обеспечению единообразной линии поведения. Многочисленные коллегии и комиссии вначале были в значительной мере орудием обоюдной выучки, в которой так нуждались работники молодого класса, ранее совершенно не участвовавшего в государственной и общественной жизни. Однако, всякая организационная форма может «с изменением об'ективных условий развития революции превратиться из формы развития в оковы этого развития». Заседательство стало в значительной мере превращаться в своеобразную форму уклонения от настоящей деловой работы, замаскированного от других, а часто и от себя, безделья (иногда, по иронии судьбы, получающего наименование «перегруженности»), во вредную и пустую трату времени. Особенности обстановки первых лет нэпа несколько задержали процесс нашего высвобождения от пут «заседательства»: с одной стороны, они обусловливали необходимость скорейшей коллективной практической, до мелочей, ориентировки в строительстве при новом положении, с другой — ослабляли до некоторой степени своими элементами «самотека» вредные хозяйственные последствия «заседательской суеты». В настоящее время, однако, вопрос о «заседательстве» приобретает все большую болезненность для партии. Об его остроте свидетельствует уже тот факт, что попытки обуздания «заседательства» время от времени (хотя и без большого успеха) предпринимаются едва ли не во всех наших партийных организациях. Огромные трудности, которые приходится партии здесь преодолевать, и скромность достигаемых успехов, связаны, помимо неумения организовать работу, несомненно, в большой степени именно с той обломовской подоплекой «заседательства», о которой говорил т. Ленин. Ибо, устранение «заседательства» означает, в конце-концов, переход от видимости работы к действительному интенсивному труду, а это не может не встречать пассивного, но упорного сопротивления со стороны худших элементов партии и худшей части беспартийных сотрудников учреждений. В данном случае партийным органам необходимо помнить в своей работе о той суровости, с какой подходил к рассматриваемому вопросу Ленин (посвятивший ему едва ли не главное внимание в той части своей упомянутой выше речи, которая трактовала о внутреннем положении страны). «После того, как мы начали чистку партии, — говорил В. И., — и сказали себе: «шкурников, примазавшихся к партии, воров — долой», — стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало. На с'езде партии мы этот вопрос обсудим как следует. И тогда, я думаю, те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ве-

---

[1]) Соч. Т. XVIII, ч. 2.

дут и не умеют вести, подвергнутся той же участи. Вот, когда мы таким образом почистимся, наша партия будет заниматься фактической работой и будет понимать ее так же, как она понимала это в области военной»... «Мы должны быть твердокаменными в этом вопросе».

Поставить заядлых «заседателей» на одну доску с ворами и шкурниками—дальше этого итти в суровости приговора некуда [1])!

Сказанное выше, конечно, не может в полной мере относиться к комиссионной работе, преследующей воспитательные цели, или к собраниям, ставящим своей задачей выявление настроений и запросов массы. Тем не менее и собрания воспитательного характера нуждаются в гораздо более строгой, чем до сих пор, регламентации и ограничениях как со стороны количества, так и в порядке их ведения.

Нельзя отрицать, что в наших представлениях о партработе сохранилось еще слишком много пережитков от того времени, когда работа партии была по преимуществу агитационно-пропагандистской. В связи с этим стоит крайне своеобразное подчас, особенно в некоторых низовых организациях, понимание активности члена партии: с точки зрения этого представления быть активным партийцем, означает прежде всего много говорить и обсуждать. Поэтому «болтология» иногда становится буквально несчастьем, не только не встречая надлежащих ограничений в смысле борьбы с выступлениями «для разговору», но даже кое-где будучи приветствуема как проявление «активности». После 11 лет нашего участия в собраниях и обсуждениях не везде научились еще даже строить перед рабочими и крестьянами короткие доклады на 20—30 минут, несмотря на давно доказанную непродуктивность восприятия длинных докладов, особенно упомянутой выше аудиторией. Сплошь и рядом упускается из виду, что одной из важных воспитательных задач наших собраний должно быть, между прочим, воспитание участников в скупости на слова, в уменье строить короткие, конкретные и деловитые предложения и что эта задача, при надлежащем ее выполнении, отнюдь не стоит в противоречии с задачей свободного высказывания, обеспечения самодеятельности рядовой рабочей массы, которая больше всего ненавидит трескотню, водолейство и общие фразы.

Понимание партийной активности, как усиленного говорения, в настоящих условиях обнаруживает свое несомненное кровное родство с отмеченной тов. Лениным обломовщиной, питается приблизительно теми же источниками и играет в современной обстановке столь же реакционную, тормозящую движение вперед роль.

Характерно, что отрицательное отношение к многоговорению и бесконечным обсуждениям оппозицией рассматривалось как нечто, присущее «аппаратчикам», «управленцам», якобы стремящимся заткнуть рот партийным массам. «Именно этот слой «управленцев», — говорилось, между прочим, в «платформе», — требует «покоя», «деловой работы» — и всегда против дискуссий». В действительности, как показывает практика, скорее именно работников партаппарата (в узком смысле этого слова) приходится винить в том, что они слишком медленно изживают навыки агитпроповского периода; враждебное же отношение оппозиции к трудной работе партии над искоренением заклейменной тов. Лениным обломовщины, игнорирование ею опасностей, связанных для партии с неимоверной тратой времени на бесчисленные собрания, комиссии, дискуссии, можно рассматривать только как лишний штрих, вырисовывающий ее действительное отношение к практическому строительству социализма.

[1]) Вообще, ненависть к болтовне всегда была одной из отличительных черт Владимира Ильича. В недавно опубликованном «Рассказе о II с'езде» («Ленинский Сборник» VI) он, между прочим, писал, в об'яснение смысла своей редакции § 1 устава: «Мы доказывали необходимость с у з и т ь понятие члена партии для отделения работающих от болтающих...».

Иногда сопоставляют переживаемый теперь партией период с периодом IX с'езда, когда перед партией также во весь рост встали гигантские хозяйственные задачи. Эта аналогия современного момента с периодом апогея военного коммунизма представляется на первый взгляд парадоксальной, но в действительности она совершенно верна. Тогда, как и теперь, партия с особенной настойчивостью выдвинула вперед значение элементов сознательного, планового воздействия на народнохозяйственную жизнь, воздействия, опирающегося в настоящее время на крепко занятые экономические командные высоты. В связи с нашим продвижением «от царства необходимости к царству свободы», естественно, чрезвычайно возрастает как положительный, так и отрицательный вес коллективных и личных усилий членов партии, сознательной работы всех вместе, и каждого в отдельности над строительством народного хозяйства. Понимание партработы и активности члена партии, формулированное IX с'ездом (а он относил к основным видам партработы такие, напр., как работа по топливу, в столовых, по ремонту и правильному функционированию бань и проч. вплоть до «самой черной и невидной работы в хозяйственной области»), как бы возрождается теперь и усиливается в своем практическом действенном значении так же, как и данное IX с'ездом определение положения коммунистов в предприятиях:

«Коммунисты в составе фабрично-заводских предприятий не имеют никаких преимуществ перед остальными рабочими, они имеют лишь более высокие обязанности. Каждый из них в повседневной жизни своего предприятия должен оставаться образцом отчетности, исполнительности и ревности в труде». И XV с'езд почти теми же словами выразил ту же самую мысль: «...Члены партии, на каких бы постах они ни находились,—от места у станка до высших руководящих страной органов,—должны служить образцом трудового героизма, трудовой дисциплины, напряженной, четкой и рационально поставленной работы».

Этот вопрос о понимании партработы и оценке значения и места различных ее видов имеет первостепенное значение для рационализации партаппарата. Нужно избежать в данном случае в особенности того искривления, против одной из характернейших форм которого предостерегал на XIII с'езде тов. Сталин: «Обычно у нас делят партийную работу на две категории: высшую, это—чисто партийная работа в губкомах, обкомах, в ЦК, и категорию низшую, называемую «партийной работой» в кавычках, это — работа во всех советских органах, особенно торговых. Товарищи! Такое отношение к хозяйственникам глубоко противно ленинизму. Каждый хозяйственник, работающий в самой паршивой лавке, в самом паршивом торговом учреждении, если он строит и двигает дело вперед, он—настоящий партийный работник» [1]).

Партия—не только аппарат, организующий, убеждающий, агитирующий, передающий директивы, но она одновременно — а в а н г а р д широких рабочих и крестьянских масс, непосредственно строящих социализм.

Эта роль авангарда в непосредственной будничной черной работе строительства социализма, теоретически, разумеется, признаваемая всеми, на практике пока, нужно сказать, не всегда получает достаточное отражение в работе партийных органов. Так, например, при просмотре отчетов 13 губернских и окружных контрольных комиссий к последним партконференциям, ни в одном не удалось найти даже попыток сравнительной с беспартийными характеристики членов партии данной организации по их «ревности в труде», проверки осуществления той роли коммунистов в предприя-

[1]) Стеногр. отч. XIII с'езда, стр. 130.

тиях и учреждениях, о которой говорил еще IX с'езд (несмотря на то, что некоторые контрольные комиссии специально обследовали трудовую дисциплину и производительность труда в предприятиях и учреждениях).

Основная задача рационализации партработы в отношении партийной массы—установление необходимого соответствия между деятельностью члена партии как непосредственного участника в строительстве социализма, работающего в то же время над повышением своей культурности, и его деятельностью как политического просветителя и организатора широких масс рабочих и крестьян. Активность современного члена партии должна представлять своего рода синтез активности «политика»-агитатора и активности чернорабочего социалистического строительства. Рационализация партаппарата есть не что иное, как один из путей целесообразной организации этой, направленной в согласии с характером переживаемой эпохи, активности.

Конечно, рационализация партаппарата не есть какая-то панацея для улучшения работы исполнительного механизма партии. Само по себе самое рациональное построение работы отнюдь еще не обеспечивает ее успешности. Не следует забывать, что одна из форм саботажа сводится к преувеличенно точному формальному соблюдению правил производства. Основное, что нужно для продуктивной работы партаппарата так же, как и всего вообще аппарата нашего строительства,—это коммунистическое отношение к труду. Только оно даст содержание, могущее заполнить даваемую рационализацией форму. В числе резолюций упоминавшегося выше IX с'езда партии не случайно имеются резолюции о трудовом под'еме и о коммунистических субботниках. И эта идея коммунистических субботников (которая вовсе не связана только с формой бесплатного труда по определенным дням, но может, как указывал Владимир Ильич, иметь самые разнообразные воплощения) сохраняет всю свою силу и в наши дни. «Коммунизм начинается там, где проявляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота р я д о в ы х р а б о ч и х об увеличении производительности труда, об охране к а ж д о г о п у д а х л е б а, у г л я, ж е л е з а и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик» [1]).

В этой самоотверженной, преодолевающей тяжелый труд заботе об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа, коммунисты должны итти впереди всех, ведя за собою массы. Улучшение партаппарата, скорейшее устранение из него всего лишнего, всего устарелого, мешающего движениям, целесообразному и полному использованию сил, должно облегчить членам партии выполнение этой ответственнейшей задачи.

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 255 («Великий почин»).

С. Зданович.

Сельские советы и земельные общества [1]).

Вопрос о земельных обществах, о роли их в хозяйственной и культурной жизни деревни и в связи с этим об умалении роли сельских советов в последние два года интересует соответствующие советские учреждения, партийные органы и всех тех товарищей, которые занимаются вопросами деревенской работы.

Наркомат РКИ РСФСР в конце 1926 и в начале 1927 года произвел специальное изучение этого вопроса путем выборочного обследования 53 сельсоветов во всех районах РСФСР. Кроме того, были собраны материалы еще о 55 сельсоветах.

Материалы этого обследования чрезвычайно интересны, и они-то вместе с некоторыми материалами Орготдела ВЦИК позволили практически подойти к постановке вопроса об улучшении взаимоотношений между земельными обществами и советами.

XV с'езд партии поставил этот вопрос в плоскость практического выполнения, как задачу дня. В резолюции о работе в деревне с'езд постановил: «Поручить ЦК разработать вопрос об улучшении взаимоотношений между советами и земельными обществами под углом зрения обеспечения руководящей роли советов и лишения права голоса в земельных обществах (на сходах) исключенных из списков избирателей советов».

Кроме того, в постановлении ЦК об основах законодательства о землепользовании и землеустройстве дана директива о предоставлении права голоса в земельных обществах пролетарским элементам, которые обслуживают сельское хозяйство в данном земобществе.

На основе этих указаний центральные законодательные органы должны разработать соответствующий закон или ряд законов и внести изменения в Земельный Кодекс.

В настоящее время, когда мы вступаем в полосу социалистического переустройства сельского хозяйства путем его укрупнения на основе коллективизации и применения машин, вопрос о правильных взаимоотношениях между низовыми органами власти в деревне и земобществами приобретает особо важное значение.

Ибо это есть вопрос установления правильных взаимоотношений со средним крестьянством в повседневной конкретной действительности, вопрос наиболее правильного и целесообразного применения воздействия на крестьянское хозяйство, проводником которого в конечном счете будут наши низовые органы власти—вики и сельсоветы, вопрос культурной революции в деревне и вопрос вовлечения масс в практическую работу советов.

Ясно поэтому, что при конкретном разрешении вопроса о взаимоотношениях между сельсоветами и земобществами должна быть проявлена осторожность и продуманность.

---

[1]) В порядке обсуждения.

Поэтому-то я считаю вполне своевременным обсудить этот вопрос на страницах печати тем более, что у некоторых товарищей-практиков, да и у некоторых теоретиков, занимающихся сейчас этим вопросом, имеются неправильные представления о земельных обществах и их роли в жизни деревни.

Теперь от этих общих замечаний я перейду к постановке вопроса, при чем в силу необходимости начну с вопроса о сельской общине.

I. Существует ли у нас земельная община?

Летом в прошлом году вопрос о земельных обществах и их взаимоотношениях с сельсоветами обсуждался во фракции ВЦИК и на совещании членов ВЦИК. При обсуждении вопроса выделилась группа товарищей, которая выставляла такое положение: фактически земельных обществ не существует; то же, что о них говорится в Земельном Кодексе РСФСР—это была попытка искусственно, юридическим путем создать земобщества, в действительности эта попытка потерпела крах. Совсем недавно подобная точка зрения была высказана в нашей литературе т. Кубаниным [1]), который утверждает, что, во-первых, община и земельное общество не одно и то же (т. Кубанин пишет: «...Суханов считает, что «земельное общество есть официальное название общины в советском законодательстве». Одно это уже показывает, что Суханов не понимает разницы между общиной и земельным обществом»), во-вторых, что ко времени пролетарской революции община уже перестала существовать («...ко времени социалистической революции община перестала быть исключением в Европе»—кстати отметим, что эта фраза не совсем ясна) и в-третьих, что «жизнь ломает общину».

О правильности этих положений мы поговорим ниже.

Исходя из такого представления о действительности, товарищи делали и защищали предложение: пересмотреть Земельный Кодекс и земобщества ликвидировать, передав их функции сельским сходам. Такое мнение у некоторой части центральных работников и в особенности у местных существует и в настоящее время. Не касаясь пока противоречивости предложения о ликвидации земельных обществ (зачем ликвидировать то, чего в действительности нет?) и передаче их функций сельсходам (обследование РКИ как раз и установило, что обычные сельсходы это и есть собрания земельных обществ), я остановлюсь на двух вопросах: сохранились ли у нас остатки общины под названием «земельное общество» и какова публичноправовая роль земельной общины в нашей действительности?

Что такое была русская община? Ленин ее определял, как «союз по владению надельной землей» (т. IX, стр. 483). Развитие капитализма в России безусловно разрушало общину. Но насколько велико было это разрушение? Что осталось от общины к моменту пролетарской революции? Оказывается, что к моменту Октябрьской революции у нас сохранились значительные остатки общины, а именно почти 50% крестьянских хозяйств по 47 губерниям Европейской России к началу 1917 г. осталось в общине. Проф. П. Н. Першин в «Крестьянской сельскохозяйственной энциклопедии» пишет по этому поводу следующее [2]): «Общее число крестьянских хозяйств, владевших землей к началу 1917 г. на началах личного владения, оказывается свыше 8 миллионов или 51%, а осталось в общине около 7,4 миллиона хозяйств или 49%».

---

[1]) Сборник в изд. Комакадемии за 1927 г. «Основные начала землепользования и землеустройства». Стр. 106, 109 и 123.

[2]) «Крестьянская с.-х. энциклопедия» под ред. П. Я. Гурова, Госиздат, 1925 г., т.т. II и III, стр. 324.

Каково было влияние революции на судьбы общины?

Тут весьма интересно напомнить мысли Ф. Энгельса по поводу русской общины. Ф. Энгельс в послесловии к статье своей, которая была ответом на открытое письмо П. Н. Ткачева, в 1884 г. писал: «Уцелело ли от русской общины столько, чтобы она и теперь, как еще надеялись мы с Марксом в 1882 г., смогла, при наступлении переворота в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития, судить не берусь. Но не подлежит сомнению вот что: для того, чтобы уцелело хоть что-нибудь от этой общины, необходимо прежде всего низвержение царского деспотизма, необходима революция в России» (разрядка моя. *С. З.*) [1]).

Из этой цитаты нам важна та мысль Ф. Энгельса, что революция в России задержит распадение общины. Пролетарская же революция тем более была способна задержать ликвидацию общины.

Ф. Энгельс в письме к Николай-ону от 17 октября 1893 г. так определял причины распадения общины: «Что касается до «общины», то она остается возможной только до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь только в ничтожной степени. Как только эти различия станут большими, как только некоторые ее члены станут должниками-рабами других, более богатых членов,—так община не может далее жить» [2]).

Пролетарская революция до некоторой степени устранила те факторы, которые разлагали общину. Революция, во-первых, произвела поравнение, «нивелировку» крестьянства и, во-вторых, обусловила принципиально иное развитие сельского хозяйства, чем в капиталистическом обществе. При господстве пролетариата, при наличии в его руках командных экономических высот, расслоение деревни идет не так, как при капитализме, а именно: «середняк не вымывается», а наоборот, сохраняется или даже растет за счет под'ема бедняцких хозяйств. А раз середяцкое крестьянство сохраняется, а оно является подавляющим большинством деревни, то члены крестьянской общины в своей основной массе по своему богатству незначительно отличаются друг от друга.

Тот же проф. Першин констатирует такой факт: «Во время революции община снова ожила и начала проявлять свою уравнительно-передельную деятельность в весьма широких размерах». И далее: «в большинстве районов СССР община остается наиболее широко распространенной формой землепользования» [3]).

Таким образом, действительность блестяще подтвердила мысль Ф. Энгельса: пролетарская революция не только сохранила остатки общины, но и создала условия для оживления общины.

Переходя к обсуждению вопроса об общине со стороны ее публичноправовых функций, приходится сказать, что здесь еще больше, чем с экономической стороны, сохранились ее дореволюционные черты.

Вот к каким выводам пришли работники РКИ в результате недавнего обследования сельсоветов, земобществ и сельсходов:

1. «В итоге, приходится признать, что обычный деревенский «сход» или «общее собрание» есть повсюду сход (или собрание) земобщества с представительством дворов, а не всех членов земобщества, но в то же время с применением иногда лишения права голоса на сходах (даже по земельным делам) лиц, лишенных избирательных прав вообще. Это собрание ре-

---

[1]) Ф. Энгельс. «О России». Изд-во «Пролетарий», 1923 г., стр. 39.

[2]) Письма К. Маркса и Ф. Энгельса в переводе и с примечаниями т. Адоратского. Изд-во «Моск. Рабочий», 1923 г., 341 стр.

[3]) «Крестьянская с.-х. энциклопедия», т.т. II и III, стр. 324—26.

шает и земельные и все прочие вопросы в одном и том же составе участников. Таким образом, обследование показывает, что в жизнь деревни еще не прошло разграничение схода земельного и сельского, указанное в нашем современном законодательстве».

2. «Освещенный материалами обследования «сход» более всего приближается по типу своему к дореволюционному «сельскому сходу», который являлся органом управления «сельского общества» и, который, повидимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революции» (сравни ст. 69 Положения о сельском состоянии и положение о сельсходах. С. Уз. РСФСР за 1927 г., № 51, ст. 333).

3. «Земельные общества, со сходами которых приходится иметь дело сельсовету, представляют собою прочно сложившиеся организации, ни чем, в сущности, не отличающиеся от прежних «сельских обществ».

Эти выводы подтверждаются также и материалами, имеющимися в ВЦИК, а также и газетными заметками. Например, обследователь работы сходов и земельных обществ в конце 1926 г. по двум волостям Тверской губ. констатирует, что «различия между общим собранием (сходом) граждан и общим собранием членов земельного общества нет».

Инструктор ВЦИК в результате обследования Аргаяшского кантона, Башкирской АССР, также отмечает, что «земельные общества в особом виде не существуют, вопросы разрешаются на сходах на ряду со всеми другими вопросами... выполнение постановлений граждан зачастую поручается избранному для этого на общем собрании лицу».

То же самое и по Нижегородской губернии, где, как сообщает инструктор ВЦИК, «различие между сходами и земобществами, как общее правило, не проводится».

Более свежие обследования отмечают ту же картину. Вот, например, что пишет инструктор ВЦИК, проводивший обследование Пензенской губ. летом 1927 г.: «Созыв сходов, как в Бессоновке, в Соловцове, так и в ряде других сел происходил по инициативе уполномоченных земельных обществ. Эти уполномоченные, формально считаясь уполномоченными земельных обществ, фактически являются уполномоченными сходов. Главной фигурой в деревне является уполномоченный, который и руководит всей массой. Если судить по Бессоновке и по Соловцову, то там уполномоченный является как бы старостой своего района и обладает определенной материальной и финансовой базой».

О подобных же фактах сообщает и целый ряд селькоровских корреспонденций, выдержек из которых я здесь приводить не имею возможности.

Что показывают факты действительности?

Они, во-первых, опровергают нелепую выдумку о том, что наше аграрное законодательство в свое время (1919—22 гг.) исходило не из условий действительности, а пыталось искусственно создать общину под видом земельных обществ. Земельные общества, как форма общинного землепользования, существовали и в первые годы революции и существуют и сейчас.

Во-вторых, факты действительности опровергают утверждение т. Кубанина, что будто бы земельное общество и сельская община в основном не одно и то же.

Современное наше земельное общество есть также союз по землепользованию. Кроме того, оно, как и прежняя русская община, решает целый ряд хозяйственных и культурных вопросов, не имеющих непосредственно отношения к землепользованию.

В-третьих, факты действительности опровергают утверждение о том, что будто бы к моменту социалистической революции община перестала существовать и не существует в настоящее время. Только почему же тогда ее «жизнь ломает» сейчас? Нельзя ломать то, чего не существует.

Беда вся заключается в том, что некоторые наши товарищи в пылу полемики настолько увлекаются, что в угоду своим неправильным представлениям «ломают» действительность и стремятся путем подбора нужных им фактов исказить действительность (как это, например, делает т. Кубанин, который, на основе каких-нибудь 162 заметок, стремится доказать, что во всех случаях община идет на пользу кулачеству; ниже я приведу примеры из тех же заметок о том, как при организованности бедноты и надлежащем руководстве со стороны партийных организаций и советов беднота побеждает кулака в земобществах).

Ленин учил нас всегда быть трезвыми политиками, всегда исходить из конкретно-исторической действительности и не принимать желаемое за сущее.

А сущее заключается в том, что у нас в основных своих чертах под видом земобщества сохранилась старая дореволюционная сельская община.

Нужно заметить, что товарищи, предлагая ликвидировать основную нашу форму землепользования—общинную, другой формы взамен ее не предложили, вероятно, не успели еще над этим вопросом подумать.

Но это показывает всю беззаботность, равнодушие к формам землепользования в наших условиях.

Однако, этот пробел наших товарищей совсем недавно был заполнен тов. М. Устиновым, который в № 19—20 «Большевика» пытался безуспешно доказать, что форма землепользования для перестройки нашего сельского хозяйства на социалистический лад никакой роли не играет, одновременно ухитрившись пропеть хвалебный гимн хуторам и отрубам и обругать тех, кто считает возможным использовать общинные формы землепользования для социалистического переустройства сельского хозяйства.

В связи с этим здесь весьма интересно вспомнить мнение Ф. Энгельса о той роли, которую при известных условиях могла сыграть русская община.

Отвечая на открытое письмо П. Н. Ткачева, Ф. Энгельс в 1875 г. писал: «Отсюда видно, что земельная община в России давно уже пережила период своего расцвета и, судя по всем данным, идет навстречу своей гибели. Тем не менее, несомненно, существует возможность превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, если только она сохранится до того времени, когда созреют необходимые для этого условия, и если она окажется способною к развитию, в смысле перехода крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной; при таких условиях можно будет придать теперешней общине эту высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности. *Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общинной собственности в России, в Западной Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе и материальные* (разрядка моя. С. З.), в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия» [1]).

Если поставить на место пролетарской революции в Западной Европе пролетарскую революцию в самой России, если при этом учесть, что пролетарская революция в России находится сейчас на такой ступени развития, что она располагает необходимыми фондами для социалистического переустройства сельского хозяйства (см. доклад тов. Сталина на XV с'езде ВКП(б)), а также, если учесть то, что сельская община у нас существует, то вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сель-

[1]) Брошюра Ф. Энгельса «О России». Изд-во «Пролетарий». 1923 г., стр. 24.

ской общины на ряду с другими мероприятиями в целях социалистического переустройства сельского хозяйства. Весьма характерно то «роковое» совпадение в установках, которое получилось у тт. Кубанина и Устинова. Кубании против общины и неизвестно, за какую другую форму землепользоваиия, и тов. Устинов тоже против общины и всеми силами за хутора и отруба. При чем оба против использоваиия общинной формы землепользования потому, что, дескать, это есть отрицание кооперативного плана Ленина.

Нам думается, что возможность использования общинной формы землепользования для построения социализма в деревне (как один из элементов в общей системе мероприятий) совершенно зря и надуманно противопоставляется кооперативному плану Ленина.

У нас еще много водится таких благочестивых товарищей, которые ежедневно клянутся кооперативным планом Ленина (как, например, тт. Кубанин и Устинов).

Но эти товарищи думают о плане Ленина как-то отвлеченно, абстрактно, не заставляя себя продумать, как же этот план осуществляется конкретно в каждую полосу нашего строительства.

В период от XIV партконференции и до XV с'езда партии как конкретно осуществлялся план Ленина? Мы развивали те виды кооперации, которые об'единяли крестьянина, как товаропроизводителя (смотри доклад т. Рыкова на XIV партконференции о кооперации—стен. отчет, стр. 88—89). Такими видами являлась кооперация потребительская, кредитная, сельскохозяйственная.

При развитии таких форм кооперации, которые об'единяли крестьянина, как товаропроизводителя, общинная форма землепользования заметной роли играть ие могла.

Как теперь, согласно решениям XV с'езда партии, будет конкретно осуществляться кооперативный план Ленина?

Теперь мы вплотную подошли к разрешению задачи организации крупного сельскохозяйственного производства.

Эту задачу мы будем разрешать путем обобществления крестьянского производства (в первую очередь бедняцкого и затем середняцкого).

И тут-то как раз общинная форма землепользования как нельзя более кстати.

И там, где производственное об'единение крестьянского хозяйства уже началось, там процесс обобществления крестьянского производства идет через земельное общество. Тов. Шлихтер в «Правде», от 9 марта с. г., приводит любопытные данные о работе тракторных колонн совхоза им. Шевченко. Совхоз заключает договоры на обработку земли тракторными колоннами с земельными обществами. Агитация кулаков получает дружный отпор от организованной бедноты, поддерживаемой середняками.

На XVI партконференции Московской губернии тов. Бауман на основе опыта Московской губернии констатировал: «Мы имеем, как преобладающую форму землепользования, общинную, составляющую 91% как в 1925 г., так и в 1927 г... Мы должны взять такое направление по землеустройству, которое помогало бы коллективизации земледелия. Опыт нашей губернии показывает, что форма обычного землепользования с устраиением дальноземелия, черес- и узкополосицы и т. п., является более удовлетворительной формой, чем хутора и отруба. Также и поселки и выселки» [1]).

В указанном духе конференцией и было принято решение в резолюции о работе в деревне.

[1]) К. Я. Бауман «О работе партии в деревне». Изд-во «Рабочая Москва». 1927 г.

С точки зрения тт. Кубанина и Устинова XVI Московская партконференция ревизовала кооперативный план Ленина.

Для перестройки сельского хозяйства мы будем проводить целую систему мер, главнейшей из которых является, конечно, кооперирование крестьянского хозяйства; в этой системе мер мы должны использовать также и общинные формы землепользования.

Наша партия в лице своего ЦК при разрешении вопроса о формах землепользования исходит из реальной действительности.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 20 октября 1927 г. «Директивные указания для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании» этот вопрос разрешен так: «В качестве землепользователей в союзном законе и земкодексах союзных республик должны быть сохранены все ныне существующие категории землепользователей: 1) земельные общества и другие об'единения с формами землепользования единоличными и смешанными (разрядка моя. *С. З.*); 2) дворы, 3) колхозы, 4) совхозы и другие государственные, в том числе городские и общественные организации, учреждения и предприятия» [1]). В резолюции же XV с'езда по докладу тов. Молотова сказано еще более конкретно: «Всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов» (разрядка моя. *С. З.*).

Спрашивается: что представляют собой те поселки-выселки, которые признаются наиболее подходящей формой для коллективизации и механизации сельского хозяйства?

Земля в поселках-выселках находится в общинном пользовании, как и в земельных обществах. Положительными же сторонами в поселках-выселках являются: устранение черес- и узкополосицы и приближение земли к селению, т.-е. устранение дальноземелья (см. книжку А. А. Ржаницына «Внутриселенное землеустройство». Изд-во «Новая Деревня», 1927 г.).

Следовательно, поселки-выселки есть также земельные общества с техническими улучшениями пользования землей, которые позволяют улучшить способы ведения хозяйства.

В силу того, что на поселки-выселки переходят именно те группы крестьян, которые в старом земобществе не могли осуществить своих стремлений к переходу на лучшие способы ведения хозяйства, т.-е. передовые крестьяне, то поселки-выселки имеют тенденцию к переходу на коллективные способы сельскохозяйственного производства.

Из всего сказанного мы делаем такие выводы:

1. Основной формой землепользования у нас пока-что является общинная. В лице земельного общества мы имеем сельскую общину, которая помимо обсуждения и разрешения земельных дел, разрешает также и вопросы общеполитические, хозяйственные и культурные.

2. При разрешении вопроса о формах землепользования, наиболее соответствующих нашим задачам, нужно исходить из реальной действительности, как это и делают наши руководящие партийные органы.

3. Мы вовсе не должны быть равнодушны к формам землепользования: таковые хотя и не имеют решающего значения, однако, могут или содействовать или препятствовать процессу переустройства нашего сельского хозяйства на социалистический лад.

[1]) «Известия ЦИКС и ВЦИК» за 1927 г., № 268.

II. Как должен быть разрешен вопрос о сельсоветах и земобществах.

Курс на оживление советов, работа в этом направлении за последние два года дали свои плоды. Если раньше наша низовая советская единица существовала, можно сказать, только номинально, если раньше сельсовет являлся лишь только пунктом, выполнявшим поручения различных административных и судебных органов (вручение повесток, содействие взиманию налогов и т. п.),—то в настоящее время картина значительно изменилась к лучшему.

Раньше сельсоветы почти не заседали, все «бумажки» получал и выполнял председатель, теперь же большинство сельсоветов заседает, обсуждает вопросы, а многие сельсоветы заседают регулярно два раза в месяц, а президиумы сельсоветов там, где они есть, заседают раз в неделю.

Но теперь сельсоветы не только заседают, они проявляют инициативу, пытаются разрешать не только административные и организационные вопросы, а и вопросы хозяйственные и культурные. Немало теперь уже таких сельсоветов, которые пытаются воздействовать на экономику деревни, пытаются перестроить сельское хозяйство путем перехода на улучшенные способы ведения хозяйства, путем коллективизации сельского хозяйства. Такие окрепшие сельсоветы, сплачивая вокруг себя наиболее передовые бедняцко-середняцкие элементы, ведут работу по социалистическому переустройству деревни не безуспешно, с определенными результатами.

В общем и целом можно констатировать, что низовые органы диктатуры пролетариата в деревне—сельсоветы постепенно превращаются в настоящие хозяйственные и культурные центры деревни.

Однако, это только «в общем и целом». Есть еще много сельсоветов или совсем неработающих или работающих крайне слабо. Местная жизнь, важнейшие местные хозяйственные и культурные вопросы проходят мимо таких сельсоветов. В таких случаях центрами деревенской жизни являются сходы и выбранные ими органы, старосты и т. п.

Да и те сельсоветы, которые проявляют деятельность, еще далеко не охватывают всех тех вопросов, которые стоят в деревне на очереди дня. Например, таким вопросам, как содействие переходу на многополье, кооперирование, укрепление и коллективизация сельского хозяйства, регулирование арендных отношений, сплочение вокруг себя батрачества, бедноты и близких им середняцких слоев и т. д., уделяется еще очень мало внимания.

Стоящие перед нашей страной задачи в области социалистического переустройства сельского хозяйства и проведение в жизнь тех конкретных мероприятий, которые намечены XV с'ездом нашей партии, обязательно требуют дальнейшего укрепления, и более быстрым темпом, наших низовых деревенских советов, превращения их на основе сплочения вокруг них пролетарских, полупролетарских и середняцких слоев деревни в подлинные руководящие центры хозяйственного и культурно-бытового строительства деревни. Такова наша ближайшая задача.

Слабость работы сельских советов и отчасти волостных (районных) исполкомов было бы ошибочно относить только за счет слабости, пассивности наших деревенских работников. Это было бы неверно. Безусловно пассивность нередко наблюдается, безусловно во многих случаях при проявлении большей работоспособности можно было бы сделать больше и при настоящих условиях. Однако, есть ряд об'ективных условий, которые сильно мешают укреплению сельсоветов, более быстрому превращению их в сильные органы власти.

Однако, раньше, чем приступить к выявлению тех конкретных условий, которые служат причиной слабости сельсоветов, я постараюсь, что совершенно необходимо, дать общую установку в вопросе о сельсоветах и земобществах и о взаимоотношениях между ними.

Есть не в меру ретивые товарищи, которые открыто предлагают земельные общества ликвидировать. Другие маскируют это предложение, предпочитая умалчивать о ликвидации земобществ, но выдвигают предложение о том, чтобы сделать сельсоветы органами управления земельных обществ.

И есть, наконец, третья точка зрения Н. Суханова, который предлагает «окончательно превратить общину в институт публичного права, в мельчайшую советско-государственную ячейку, влив права и функции схода в права и функции сельсовета» [1].

Все эти предложения должны быть отвергнуты, как неверные и могущие принести нам только один вред.

В основе предложений о ликвидации земобществ лежат такие рассуждения: раз земельные общества конкурируют с сельсоветами, как с органами власти, раз в земельных обществах играет роль кулак, раз в земельных обществах такое соотношение сил, что начинания более передовых крестьян заглушаются,—то их нужно ликвидировать, а функции их передать сельсоветам и таким образом разом уничтожить всякое «зло». Легко и просто. Беда лишь заключается в том, что товарищи забывают о невозможности регулировать экономические отношения мелкого крестьянского производства голыми административными мерами. Нельзя себе представить, чтобы сельсовет смог непосредственно руководить производством всей этой распыленной массы крестьянских дворов. Это—утопия.

Во-вторых, ликвидация земельной общины означает насилие по отношению к основной массе крестьянства, к середнякам, что грозит нарушением союза пролетариата со середняцким крестьянством. Ленин всегда предостерегал нас от применения насилия к среднему крестьянству.

На VIII с'езде РКП Ленин в докладе о работе в деревне говорил:

«Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет собой величайший вред».

И дальше, говоря о возможностях организации крупных хозяйств, Ленин предостерегал: «Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою в городе были капиталисты, здесь нет. Действовать здесь насилием, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего... Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства» (разрядка моя. *С. З.)* [2].

А ведь предложение товарищей о ликвидации земельных обществ исходит из «благочестивого» желания при помощи сельсоветов заставить крестьян перейти к лучшим способам ведения сельского хозяйства. Как мы видим, такая точка зрения несостоятельна и является не чем иным, как отрыжкой административного увлечения, отрыжкой системы командования.

Точка зрения Н. Суханова несостоятельна по тем же соображениям, так как тоже исходит из возможности применения к среднему крестьянству «благодетельного» насилия в целях улучшения крестьянского производства. Но, кроме того, точка зрения Н. Суханова несостоятельна еще и потому,

[1] Статья Н. Суханова «Община в советском аграрном законодательстве». Сборник статей, докладов и материалов. Изд-во Комакадемии, 1927 г., стр. 102.

[2] Ленин, т. XVI, стр. 150—151.

что он предлагает заменить сельсоветы — сложившиеся уже органы диктатуры пролетариата в деревне, имеющие десятилетние традиции, и вокруг которых уже сплочены пролетарские и полупролетарские элементы и близкие им слои среднего крестьянства, — заменить новыми органами — земельной общиной. Всякий скажет, что такая точка зрения направлена против сложившейся и оправдавшей себя системы органов диктатуры пролетариата.

Таким образом, мы отвергаем как ликвидацию земельных обществ, так и превращение их в низовые ячейки советской власти.

Земельные общества нужно оставить и на ряду с этим принять меры к повышению роли сельских советов, к превращению их в подлинные центры советского строительства в деревне.

Понятно, что повысить роль сельских советов можно путем подведения под их деятельность материальной базы. Это в свою очередь можно сделать за счет передачи сельсоветам некоторых хозяйственных функций от вышестоящих исполкомов и отнятия и передачи сельсоветам некоторых функций земобществ.

Однако, «обкарнание» земобществ должно быть произведено в меру.

Взять все хозяйственные функции и об'екты хозяйствования у земобществ было бы неправильно. Необходимое им нужно оставить, дабы они могли существовать и правильно функционировать.

Земельные общества и их сходы нужно завоевать изнутри путем сплочения и организации в них батрацких, бедняцких и середняцких элементов для организованного отпора кулаку и его приспешникам. Усиленной работой в этом направлении сельсоветов, партийных и комсомольских организаций этого можно достигнуть.

Неправы те товарищи (и в частности тов. Кубанин), которые изображают дело так, что везде и всюду господствует в земобществах зажиточно-кулацкая верхушка. Правда, примеров и фактов засилья кулаков в земобществах можно привести много. Но есть много фактов и примеров и обратного порядка, когда организованная беднота при поддержке середняков дает отпор кулаку и другим темным элементам. Изображать дело так, как это делает тов. Кубанин, выдергивая только факты отрицательного порядка, мягко выражаясь, недобросовестно. Я беру также газетные заметки и корреспонденции и на ряду с отрицательными примерами нахожу примеры того, как беднота успешно защищает свои интересы в земобществах. Вот заметка в газете «Ойратский Край» от 26 октября 1927 г. под заголовком «Влияние богатеев на селе падает». В заметке сообщается, что «девятого октября граждане Онгудайского земельного общества собрались в нардоме обсудить вопрос, «как производить уплату за землеустройство». Докладчик предложил: «Надо освободить бедноту от уплаты за землеустройство. Середняцкой части предоставить долго- и краткосрочные кредиты». Богатеи были недовольны, но беднота голосовала единогласно за безвозвратную ссуду бедноте и за кредиты середняку».

Или вот факты из ярославской газеты «Северный Рабочий» от 28 октября 1927 г.: «Черкасский сход Мологского уезда. По его почину открыта изба-читальня, построена плотина на мельнице, организована пожарная дружина, собраны средства в помощь английским углекопам и проч. По решению сходов дер. Аргуны и Павленково того же уезда крестьяне вывезли лесоматериалы под школу и, в виду недостатка, добавили своего».

И таких примеров много, при чем важно отметить, что такие факты наблюдаются даже при отсутствии надлежащего руководства земобществами и сходами со стороны парт'ячеек.

А вот данные из официальных материалов — инструкторских обследований. Инструктор ВЦИК, обследовавший работу сельсоветов и положение земобществ в двух волостях Нижегородской губернии, делает такой вывод о руководстве сходами: «В основном руководство принадлежит по всем обследованным пунктам сельсоветам или группе членов сельсовета данного селения и группирующемуся вокруг них активу».

Эти примеры и факты говорят об одном: при наличии должного внимания к земобществам и сходам со стороны сельсоветов и партийных и комсомольских ячеек мы земобщества завоюем изнутри.

В этом и должно заключаться наше главное мероприятие по отношению к земобществам.

Теперь перехожу к выявлению тех условий, которые нужно устранить, чтобы повысить роль сельских советов.

III. Практические предложения.

Важнейшей и основной причиной слабости сельских советов является отсутствие материальной базы, самостоятельных бюджетов у большинства сельсоветов.

Не приходится, я думаю, доказывать очевидность этого положения. По РСФСР, например, по данным НКФ РСФСР в 1926—27 году имелось 57310 сельсоветов, и из них имели самостоятельные бюджеты только 1.720 сельсоветов, т.-е. только 3%. Отсутствие бюджета у сельсоветов приводит к тому, что сельсоветы не имеют возможности проводить в жизнь те мероприятия, которые они намечают. А это обстоятельство очень разлагающе действует на развитие массовой работы сельсоветов, на вовлечение в практическую работу советов бедняцко-середняцкого населения. В самом деле, если крестьяне, вовлеченные в секции, обсуждают вопросы и намечают конкретные мероприятия, а провести в жизнь их сельсовет не может из-за отсутствия бюджета, то у них получается разочарование, так как работа идет впустую. При таком положении крестьяне, прежде всего отличающиеся практической жилкой, говорят: «Пустозвонить к вам не пойдем». Без бюджета создавать настоящий, работающий, а не числящийся только на бумаге актив невозможно. Отсутствие самостоятельного бюджета у сельсоветов отнимает инициативу у них в проведении таких мероприятий, которые вели бы деревню вперед.

Целый ряд материалов и в том числе и обследования инструкторов ВЦИК, которые сравнивали работу бюджетных и небюджетных сельсоветов, с большой яркостью обнаруживают разницу в работе, которая существует у бюджетных и небюджетных сельсоветов. Именно отсутствие материальной базы у сельсоветов ослабляет их руководство земобществами и сельсходами.

Например, Северо-Кавказский Краевой Исполком отмечает прежде всего экономические факторы большего влияния сельсходов и слабого влияния сельсоветов. В отчете за I полугодие 1926—27 г. СКИК сообщает: «Большой процент вопросов местного хозяйства и благоустройства разрешается еще во многих советах общими собраниями, но это об'ясняется тем, что отсутствие достаточных материальных средств в сельсоветах вынуждает последние обращаться к общему собранию (ремонт дорог, мостов, ремонт и организация пожарного обоза и пр.), имеющему права самообложения, которых не имеет сельсовет».

Как известно, Наркомфин стоит на той точке зрения, что сельские бюджеты могут создаваться лишь только, как опыт. На всесоюзном совещании по местному бюджету замнаркомфин СССР тов. Кузнецов говорил: «Дифференциация бюджета должна пока завершаться на волости и районе». («Вестник Финансов» за 1927 г., № 5). Эта точка зрения нашла свое отражение до некоторой степени в постановлении ВЦИК о расширении прав местных органов советского управления [1]). Там в статье 146 в отно-

[1]) С. Узак. РСФСР за 1927 г., № 79, стр. 533.

шенни сельских бюджетов сказано: «Признать, что по мере укрепления волостного и районного бюджета должна расширяться практика создания самостоятельных сельских бюджетов, в частности признать возможным в текущем бюджетом году пойти на дальнейшее расширение числа сельских советов, имеющих самостоятельные бюджеты, в тех районах и волостях, бюджеты которых окрепли, в отношении крупных сел, а также тех селений, которые имеют значительные самостоятельные источники дохода».

И далее определены те условия, при наличии которых предоставляется сельсоветам право иметь самостоятельные бюджеты.

В той же ст. 146 говорится, что «для предоставления сельским советам права иметь самостоятельные бюджеты безусловно необходимо наличие хотя бы одного из следующих трех условий: 1) вполне укрепленный районный или волостный бюджет, 2) крупные размеры селения или селений, образующих сельский совет, и 3) достаточная мощность самостоятельных доходных источников сельского совета для покрытия за счет его бюджета всех или большей части расходов по учреждениям, мероприятиям и предприятиям, обслуживающим нужды сельского совета и селений, входящих в его состав».

Смысл приведенных выписок из постановления ВЦИК таков: практику образования самостоятельных сельских бюджетов нужно расширить, однако, итти по этому пути постепенно, не форсируя.

Многие губисполкомы придерживаются в этом вопросе более чем осторожной линии: совсем не создают сельских бюджетов (Архангельская и Курская губернии) или создают их очень мало в несоответствии с имеющимися возможностями.

Есть и такие губернии, в которых число сельских бюджетов не увеличивается, а, наоборот, уменьшается (в Иваново-Вознесенской губ. в 1925—26 г. было 20 сельбюджетов, а в 1926—27 г. только 16). А между тем, опыт организации сельских бюджетов, по отзыву большинства исполкомов тех губерний, где создавались сельбюджеты, вполне оправдал себя.

В отношении создания сельбюджетов значительный опыт имеет Северо-Кавказский край. Там в 1925—26 г. было 259 сельбюджетов, а в 1926—27 г. их стало 787. Удельный вес сельбюджетов также возрос: в 1925—26 г. об'ем сельбюджетов выражается по доходам в 7.252 тыс. руб. и по расходам 6.556 тыс. руб., а в 1926—27 г. назначено было по доходам 12.331 тыс. руб. и по расходам 12.004 тыс. руб.

Крайисполком делает вывод: «Опыт организации сельбюджетов вполне оправдал себя».

Для сравнения положения сельсоветов с земобществами я приведу здесь несколько фактов и данных о материальном положении земобществ.

Все материалы—обследования РКИ, обследования инструкторов ВЦИК, материалы местных исполкомов—говорят о том, что земобщества, как правило, имеют бюджеты и притом довольно значительные. Обследование РКИ устанавливает такой факт: «В противоположность большинству сельсоветов, земобщества гораздо чаще имеют свои «общественные суммы», пополняемые не только путем самообложения, но и путем хозяйственного использования разного рода имущества... Эти общественные суммы достигают иногда довольно значительных размеров и тратятся не только на нужды земельного общества, но и на покрытие нужд сельсовета, вплоть до уплаты его долгов».

Вот пример бюджета Ольгинского земельного общества (Северо-Осетинская область), взятый из материалов обследования РКИ. Путем самообложения там в 1925—26 г. было собрано 2.679 руб. Израсходовано: зарплата деловоду за 4 месяца—100 руб., милиционеру—65 руб., письмоводу—40 руб., на освещение сельсовета—10 руб., сторожу сельсовета и школы—40 руб., на землеустройство 1.150 руб., за квартиру под избу-читальню—50 руб. и под фельдшерский пункт — 42 руб., оплата землеустроителей — 42 руб., казначея сельсовета—50 руб., двух лесооб'ездчиков—840 руб., за работы по приему лесов местного значения—250 руб.

Приведенные статьи расхода земобщества очень ярко иллюстрируют роль земобщества и подтверждают то утверждение, что у нас существует сельская община.

Инструктор ВЦИК, проводивший обследование Иваново-Вознесенской губ. в начале 1927 г., сообщает такой факт: «В дер. Першино, Тейковского уезда, через старосту (уполномоченного) за год прошло 3.000 руб., а сельхозналог с деревни 2.400 руб.».

Таких примеров можно было бы привести многое множество, но из-за недостатка места этого сделать нельзя.

Не приходится поэтому удивляться, что сельсоветы слабы, что они не руководят земобществами и сельсходами и, наоборот, подпадают иногда под руководство земобществ и сельсходов.

Какой отсюда вывод? Вывод один, необходимо приступить к решительному, форсированному созданию самостоятельных сельских бюджетов.

Возражением против форсированного создания сельбюджетов выдвигается то соображение, что будто бы на территории сельсоветов нет доходных источников.

Такое соображение неверно. Доходные источники имеются (сельхозналог, самообложение населения, доходы от эксплоатации местных предприятий и угодий общего пользования), но они проходят мимо сельсовета, распыляются между различными организациями и зачастую используются во враждебно-классовых интересах (напр., нередки случаи, когда доходы от угодий общего пользования попадают в кулацкие руки или пропиваются на сходах).

Поэтому в качестве предпосылки для форсированного образования сельбюджетов необходимо передать в распоряжение сельсоветов предприятия сельсоветского значения (мельницы, крупорушки, кузницы и т. п.) и некоторые земельные угодья общего пользования (леса местного значения, свободные земли, озера, базарные площади и т. п.).

Подведение материальной, в виде бюджета, базы под сельские советы, предоставление им реальной возможности удовлетворять те насущные хозяйственные и культурные нужды и запросы населения, которые не могут быть удовлетворены силами отдельных селений или земельных обществ, поднимет значение сельсоветов на нужную нам высоту и сделает их настоящими центрами советского строительства в деревне.

Перехожу дальше к группе вопросов правового характера, которые очень важны, но имеют безусловно подчиненное значение. Тут прежде всего вопрос о правовом положении сельсоветов и земобществ. Как известно, наши сельсоветы за исключением сельсоветов, имеющих бюджеты, не имеют права юридического лица. Это значит, что сельсоветы не могут приобретать имущества, заключать сделок, не могут вступать в договора, т.-е. не могут хозяйствовать, не могут даже использовать на хозяйственные цели те средства, которые они получают по приходо-расходной смете от виков или путем самообложения населения.

В противоположность же сельсоветам земобщества имеют право юридического лица согласно ст. 64 Зем. Кодекса.

Само собою разумеется, что такое положение сельсоветов не могло содействовать укреплению их роли по отношению к земобществам. Нужно прямо сказать, что такое положение невыносимо. Сельсоветам нужно немедленно же, не дожидаясь образования сельбюджетов, предоставить право юридического лица.

Существующее законодательство о сельсоветах и земобществах (ст. 50 и 55 зем. кодекса), во-первых, в некоторых случаях превращает сельсоветы в исполнительные органы земобществ (в тех случаях, когда территория сельсовета совпадает с территорией земобщества), и, во-вторых, не дает права сельсоветам контролировать деятельность земобществ, предоставляя это право только викам.

Такое положение должно быть изменено, и чем скорее, тем лучше. Превращение сельсоветов в исполнительные органы земобществ ни в коей степени не отвечает задаче усиления роли сельсоветов по отношению к земобществам.

Необходимость же передачи сельсоветам прав виков по отношению к земельным обществам вытекает из того, что вики далеко находятся от земобществ, и притом земобществ на территории волости очень много, и поэтому вики фактически не могут осуществить и фактически не осуществляют своих прав контроля и руководства над земобществами.

Выше отмечалось, что не существует разницы между собраниями (сходами) земобществ и общегражданскими собраниями (тоже сходами).

В целях разграничения между этими двумя видами сходов в начале 1927 г. ВЦИК было издано положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях. Как показал опыт, о котором говорят имеющиеся материалы, этот закон не привился и внес на местах только путаницу. Этот закон есть один из образцов тех законов, которые только «гласят», но не действуют.

Обследование РКИ по Тамбовской губ. отмечает, как одну из причин смешения общегражданских и земельных обществ, следующее: «Население еще в дореволюционное время привыкло на мирских сходах решать свои общественные дела и не мыслит отделения земельных дел от прочих общественных». Селькор «Крестьянской Газеты» из Нижегородской губ. ставит этот вопрос так: «Все вопросы должны решаться земельным обществом, так как на сельский сход у нас собирается 15—20%, между тем, как на сход земельного общества собирается от 60 до 80% (пример, дер. Сартаково). Об'ясняется это тем, что каждый крестьянин заинтересован, прежде всего, в том обществе, где он пользуется землей».

Из этой действительности и надо исходить. Тут можно провести некоторую аналогию между городом и деревней. Ведь в городе той низовой общественной ячейкой, которая обсуждает все хозяйственные и политические вопросы как местного, так и общегосударственного значения, является производственная единица—фабрика, завод и вообще предприятие.

Земельное общество также является низовой производственной единицей, так как в основе лежит общее землепользование, а земля есть главное средство производства. Правда, тут есть и разница — рабочие на фабрике являются членами одного класса, а в земобществе участвуют представители различных социальных групп (кулак, середняк, бедняк).

Однако, лишение права голоса на собраниях земобществ кулацких элементов и предоставление права голоса пролетарским элементам (батракам) создает обстановку для обсуждения на собраниях земобществ всех вопросов в наших интересах.

К этому надо еще добавить то, что мы сумеем завоевать земельные общества изнутри путем сплочения батраков и бедноты и путем организации бедняцко-середняцкого блока на основе усиления внимания сельсоветов и партийных и комсомольских ячеек к работе земобществ, а не путем юридических запрещений и административных мер.

Из сказанного вытекает следующее: положение о сельсходах нужно отменить, представив земобществам право обсуждения политических и хозяйственно-культурных вопросов. Сельсоветам же нужно предоставить право созыва сходов земобществ по своей инициативе.

На ряду с укреплением материального положения сельсоветов, предоставлением им права юридического лица нужно расширить также и административные права сельсоветов: предоставить им право издания в определенных случаях обязательных постановлений по вопросам местного благоустройства, по борьбе со стихийными бедствиями, по борьбе с хулиганством, потравами и т. п.

Весьма своевременно также передать сельсоветам регистрацию всех актов гражданского состояния, не исключая и разводов.

Чтобы упростить сложную систему разбора земельных споров и в то же время приблизить аппарат к населению, нужно радикально изменить эту систему. Вопрос этот вполне назрел и его целесообразно разрешить так: всю систему земельно-судебных органов, все эти бесчисленные инстанции, упразднить, передав более важные и серьезные дела народным судам, а для разбора более мелких дел создать земельные комиссии при сельсоветах.

В отношении правового положения земельных обществ нужно заострить вопрос о строгом оформлении их путем обязательного перевода на нормальный устав, а также ликвидировать право земобществ на образование союзов.

Наконец, последнее мероприятие, которое нужно провести в отношении сельсоветов, это — улучшение материального положения работников сельсоветов. Большинство отчетов губисполкомов отмечает слабость личного состава сельсоветов как выборного, так и технического. Архангельский гик, напр., пишет: «Постоянно работающий аппарат—председатель и секретарь или делопроизводитель — в большинстве сельсоветов был еще слаб, особенно председатели сельсоветов. Аппарат в своем большинстве мало работоспособен вследствие технической неграмотности секретарей и их частой сменяемости по причине низкой оплаты труда». Причину слабости личного состава сельсоветов места видят в низкой оплате работников, вызывающей большую текучесть. Например, в Пензенской губ. за полугодие по 807 сельсоветам, по личному желанию покинули работу 123 предсельсовета и 130 секретарей (14%), и, кроме того, отстранены за преступления 58 предсельсовета и 51 секретарь.

Необходимость повышения квалификации и закрепления на работе сотрудников сельсоветов повсеместно ставит вопрос об улучшении их материального положения.

Весь комплекс предлагаемых мероприятий безусловно укрепит положение сельсоветов, сделает их центрами социалистического переустройства деревни и тем самым разрешит вопрос о взаимоотношениях их с земобществами.

П. Китайгородский.

Итало-французские противоречия.

Перекличка Бриана—Муссолини.

Точь-в-точь, как до империалистической войны 1914—18 гг. Руководитель английской внешней политики лорд Грей с высоты английской парламентской трибуны расписывался в миролюбивых чувствах, коими обуреваема Великобритания в отношении Германии. А руководитель германской внешней политики Бетман-Гольвег с трибуны рейхстага взаимно уверял, что кайзер ни о чем ином и не думает, как об укреплении дружественных чувств, столь «счастливо» об'единяющих англо-германские народы. В доказательство кайзер Вильгельм предпринимал даже поездку в Лондон, дабы лично засвидетельствовать свои «дружественные» чувства. Результат этих словесных деклараций и визитных демонстраций общеизвестен: противоречия между Англией и Германией и другими империалистическими европейскими державами были столь глубоки, что для их разрешения стороны прибегли к оружию, кои они долго друг против друга ковали.

Ныне мы присутствуем при аналогичном спектакле. Обострение отношений между Италией и Францией в последнее время достигло крайних пределов. Это обострение достигло той грани, за которой начинается театр военных действий. Но в том-то и дело, что обе «латинские сестрицы» еще не решаются переступать через эту грань. Прежде, чем совершить этот рискованный шаг, они пытаются перебросить меж собою бумажный мост иллюзорных соглашений. Воевать сейчас они не смеют. Их пугает война, могущая повлечь за собою не передел колоний, а перераспределение собственности имущих классов обеих стран в пользу итало-французского пролетариата... Это является временным сдерживающим фактором. Но раз сейчас драться рискованно, то приходится делать, как говорится, «une bonne mine au mauvais jeu» (хорошую мину при дурной игре) и чуточку притупить чрезвычайно обострившиеся углы итало-французского конфликта, внести, так сказать, струю временного замирения их взаимоотношений.

И вот начинается перекличка между Брианом и Муссолини. Эта перекличка началась тотчас же после того, как было заключено франко-югославское соглашение (11 ноября 1927 г.) и Муссолини поспешил перестраховать себя путем навязывания Албании дополнительного соглашения о «дружбе». Закрепив предварительно свои тыловые позиции (одна в Югославии, а другая в Албании), «латинские сестрицы» начали зондировать друг у друга почву для возможности устройства личного свидания.

Вы думаете, что это так легко? Послушайте, что говорит Генри де-Жувенель, прославившийся демонстративным своим уходом из совета Лиги Наций: «Мы долго не замечали раздражения Италии. Мы сохраняли полное молчание. Наш сосед—Италия—приняла это за знак презрения. Гнев итальянцев усилился. Но вот Бриан заговорил с трибуны парламента, выразив желание иметь свидание с Муссолини. Это разрядило атмосферу враждебности. Муссолини поспешил ответствовать готовностью свидеться с Брианом».

Казалось, после такого громогласного любвеизлияния остается только поспешить на свидание, чтобы броситься в об'ятия друг другу. Не торопитесь, читатель. У знатных империалистических господ это не так скоро делается. Почитаем дальше. «Однако,— продолжает Генри де-Жувенель,— внезапное свидание с глазу на глаз могло представиться опасным, ибо напрасно устроить встречу, если не знаешь, о чем говорить. Бриан поэтому сначала мудро начал с того, что в Женеве стал завтракать с представителем Италии—Шиалойя. Затем тот же Бриан убедил Англию быть свидетелем предстоящей встречи. Как раз в это самое время английский посол в Риме поехал в Швейцарию подышать свежим воздухом. Вот с этим общим другом засели они завтракать за одним столом. Этот общий друг служил как бы посредником. Так, с помощью английского друга будет осуществлено средиземное Локарно» [1].

Теперь ясно. Все началось с завтрака. Но завтракать с глазу на глаз как-то неловко. По счастью (какое счастливое совпадение, не правда ли?) тут очутился гостивший английский посол в Риме, приехавший в Женеву поправлять свои нервы, ну,—и будьте уверены,—Локарно на Средиземье уже готово. Вот как работает дипломатическая кухня.

Из всего того, что нам рассказал де-Жувенель, явствует, что Франция без участия Англии не хочет итти на переговоры с Италией. Франции и Италии наедине не о чем разговаривать. Претензии Италии чересчур велики. Нет ни одного пункта на Балканах и на Средиземном и Красном морях, где интересы Италии и Франции совпали бы. От Франции требуются жертвы. Но именно на них-то французская буржуазия не особенно охотно идет. Вот почему она привлекает действующую за спиной Италии английскую дипломатию, чтоб избежать «односторонних» жертв...

Оставим покамест наших партнеров завтракать и рассмотрим пункты разногласий между Италией и Францией.

Борьба за Адриатику.

Восточная часть Аппенинского полуострова омывается Адриатическим морем. Итальянский империализм стремится превратить Адриатическое море в итальянское озеро. Для этого необходимо овладеть ключами Адриатики, каковыми является Албания и остров Корфу. Кто владеет Албанией, тот является господином всей Адриатики. У кого в руках остров Корфу, у того—солидный ключ, замыкающий дверь, ведущую в Адриатику. На пути овладения этими двумя ключами итальянскому империализму приходится преодолевать целый ряд препятствий со стороны других претендентов на Адриатику, в первую очередь, со стороны Югославии, покровительствуемой Францией и Англией, которая тоже до последнего времени ревниво относилась к тому, кто помышляет укрепиться в Адриатике то ли путем овладения Албанией, то ли аннексией у Греции острова Корфу. Но если Англия в целях вовлечения Италии в орбиту своего влияния решила закрыть глаза на проникновение итальянского империализма в Албанию, то в лице Югославии Италия встречает серьезного конкурента.

Партия Радича, одна из наиболее крупных и влиятельных организаций в Хорватии, особенно ревностно относится к вопросу о свободном выходе к Адриатическому морю. Именно хорватские элементы настойчиво нажимают на югославское правительство, чтобы оно вело «адриатическую политику».

В 1924 году между Италией и Югославией было заключено временное соглашение, по которому Югославия отказалась в пользу Италии от своих претензий на Фиуме взамен признания за Югославией всей береговой полосы

[1]) См. «L'Europe Nouvelle» от 17 декабря 1927 г.

Далмации (за исключением Зары), а также порта Бароша, представляющего на самом деле одно целое с Фиуме. Правительство Пашича—Нинчича было того мнения, что лучше итти на такую жертву (отказ от Фиуме), взамен получения свободы действий в Македонии. Хорватские же элементы остались недовольными актом правительства Пашича—Нинчича, представлявшего «великосербские» интересы. Буржуазные группировки Хорватии не могли примириться с мыслью об утере Фиуме. Для них поэтому крайне важно укрепиться в других пунктах Адриатики и прежде всего в Албании, дабы этим себя застраховать за счет утерянного Фиуме.

Временное соглашение 1924 г. никого не удовлетворило, и обе стороны—Италия и Югославия—начинают вскоре после этого интриговать друг против друга в Албании. Фаноли, глава албанского правительства, ориентировавшегося на Италию, свергается с помощью югославского ставленника Ахмеда-Зогу. Но этот последний, пришедший к власти с помощью югославского золота и «комитаджи», сформированных на территории Югославии, был вынужден изменить своей благодетельнице и сделаться полным вассалом Италии.

Дело в том, что итальянский капитал успел за последние годы солидно окопаться в этой горной стране. Три четверти торгового оборота Албании приходится на долю Италии. Образованный в 1925 г. албанский национальный банк насчитывает 51% итальянских капиталов.

Лесные концессии в районе Скутари предоставлены итальянцам. Точно так же итальянские капиталисты получили шоссейные и железнодорожные концессии, имеющие стратегическое значение и долженствующие служить опорными пунктами наступления против Югославии. Итальянскому капиталу удалось «мирно» договориться с английским на предмет полюбовного распределения сферы нефтяных изысканий в Албании. Вся Албания находится под исключительным финансовым контролем Италии. Это обстоятельство способствует усилению политического контроля над Албанией. Нередко агенты Муссолини с целью устрашения правительства Ахмеда-Зогу и принуждения его к более уступчивой политике в пользу Италии прибегают к организации восстаний, поддерживаемых курсирующим у берегов Албании итальянским военным флотом. Так, напр., в ноябре 1926 года агенты Муссолини вооружили 3.000 человек, восставших против центрального правительства. Это восстание, в котором участвовали племена римско-католического вероисповедания (в Албании 71% населения составляют мусульмане, 10% римско-католического вероисповедания, 19% православного. Всего в Албании числится около 832.000 чел.), явилось средством нажима на правительство Ахмеда-Зогу с целью склонить его к заключению итало-албанского договора. Этот факт приобретает особое значение, если вспомнить, что Албания является «независимой» страной и состоит членом Лиги Наций.

Договор, навязанный Албании, состоит из пяти пунктов. В свое время мы подробно анализировали этот кабальный договор [1]). Анализ доказал, что Италия действовала с согласия Англии, которой было важно компенсировать Италию, согласившуюся сделаться орудием ее средиземной антифранцузской политики.

Не довольствуясь этим договором, Муссолини, после заключения в ноябре 1927 г. договора о дружбе и арбитраже между Францией и Югославией (договор, всецело направленный против Италии) поторопился навязать Албании дополнительный кабальный договор, фактически превративший «независимую» Албанию в итальянскую колонию.

---

[1]) См. журнал «Комм. Интернационал», за 1927 г.

Корреспондент «Фоссише Цейтунг» описывает следующим образом, при каких обстоятельствах был подписан этот договор. Итальянский резидент в Дураццо пригласил президента Албании Ахмеда-Зогу подписать выработанный Италией договор. Ахмед-Зогу несколько дней колебался. Тогда агент Муссолини Сока с помощью некоторых подкупленных министров-италофилов пред'являет ультиматум Ахмед-Зогу: либо принять целиком договор, либо подать в отставку. Одновременно албанский национальный банк, контролируемый итальянским капиталом, был закрыт в течение нескольких дней. Итальянцы угрожали забрать все вклады из Албанского банка. Под угрозой финансового кризиса и физического насилия Ахмед-Зогу вынужден был подписать итало-албанский договор 22 ноября 1927 года.

Этот договор, состоящий из семи пунктов и заключенный на 20 лет, лишает Албанию свободы действий во внешней политике. Албания не вправе без санкции Италии вести переговоры с третьей державой. Италия предоставляет Албании «все свои военные, финансовые и другие материальные ресурсы» на началах взаимности. Смешно, конечно, говорить о равной взаимности слабой Албании по отношению к Италии. Все пункты этого договора являются типичным образчиком закабаления слабой страны, опутываемой сильным империалистическим хищником.

Этот договор всем острием направлен против Югославии. А так как Франция, как покровительница Югославии, не может допустить ослабления последней, не может спокойно смотреть на факт проникновения Италии в Албанию, этого опорного пункта дальнейшего расширения итальянского влияния на Балканах, то естественно отсюда стремление Франции воспрепятствовать Италии установить в этих пунктах свою гегемонию.

Чтобы еще более напакостить своей сопернице, Франции, Италия не безуспешно сочиняет политическую комбинацию, куда должны входить Греция, Болгария, Венгрия и Румыния. Расколоть во что бы то ни стало французское рахитичное детище—Малую Антанту—является idée fixe (навязчивой идеей) Муссолини. Следует признать, что он на этом поприще недурно успел. Югославия фактически окружена враждебным кольцом государств. Малая Антанта фактически распалась. Румыния, член этой Антанты, колеблется и чаще с перевесом на сторону Италии.

Из балканских государств Греция в последнее время выступает под диктовку Италии. Греция боится захвата Югославией Салоник. По соглашению 1926 г., Югославия получила в свое распоряжение участок железнодорожного пути, ведущий от Салоник к югославской пограничной станции Гевгели. Это соглашение было заключено в бытность Панголоса диктатором Греции и ориентировавшимся на Францию. Ныне положение изменилось. Итальянская дипломатия за последние два года сумела вовлечь Грецию в орбиту своего влияния. Италия участвует в предоставлении Греции займа на ряду с Лондоном. Хотя Греция недовольна переходом к Италии 12 островов Додеканеза, но этот спор из-за островов отступает на второй план перед фактом натянутости отношений с Югославией.

Лишь недавно греческий мининдел Михалокопулос выступил с резкой речью в Салониках против соглашения 1926 г., заключенного Панголосом с Югославией. Этот факт явно говорит о том, что Греция подпала под влияние Италии и Англии, противодействующих французской политике на Балканах. Вот как далеко стреляет итальянская дипломатия, стремящаяся установить свою гегемонию в Адриатике и парализовать противодействие Франции, покровительствующей «наследнице» австро-венгерской монархии—Югославии. Итальянская дипломатия окружает последнюю кольцом враждебных государств, сковывая их в один антифранцузский и антиюгославский блок. Интересы Франции и Италии в Адриатике и на Балканах непримиримы.

Борьба за Тунис.

Плодородная страна, изобилующая минералами (фосфатная промышленность Туниса является второй в мире), располагающая прекрасными гаванями, одна из которых—Бизерта—служит первоклассной морской базой для французского флота, таков Тунис, являющийся подлинной колонией Франции. А ведь эта страна находится под самым носом Италии. В 1882 г. французский империализм захватил эту арабскую страну. Захват был произведен с согласия Англии, в виде компенсации за аннексию Англией Египта, на который и Франция претендовала. Италия была тогда слишком слаба, чтобы играть самостоятельную роль колониальной державы. Италии оставалось только с завистью глядеть, как такой лакомый кусок выхвачен из-под самого ее носа. А ведь Тунис, бывший Карфаген, входивший в состав Римской империи, «исторически» по праву преемственности должен был, по мнению фашистов, принадлежать Италии. Эти «исторические» права на Тунис пред'являет и сейчас Италия в своей аргументации насчет «несправедливости», совершенной французами.

В Тунисе даже по официальной французской статистике имеются 89 тысяч итальянцев и 71 тысяча французов. (В действительности, итальянцев, если считать и мальтийцев, около 105 тысяч). В то время, как французы по своему социальному положению принадлежат к крупным и средним собственникам—землевладельцам, торговцам и пр.,—итальянцы на 90% составляют рабочих, земледельцев, мелких служащих. Французские власти чинят всяческие препятствия итальянской иммиграции в Тунис. Еще в 90-х годах введен был закон, ограничивающий права итальянцев в Тунисе. Даже чисто итальянские профсоюзы не имеют права выбирать свои правления, если в них большинство членов не является французскими подданными. Итальянцы в Тунисе находятся в положении угнетенных и бесправных. В 1921 г. был введен специальный закон о натурализации, обязавший всех иностранцев, издавна проживающих в Тунисе, перейти во французское подданство. Этот закон преследовал цель всемерного ограничения итальянского влияния в Тунисе.

Борьба за Тунис в последние годы сильно обострилась. Фашистская пресса мечет гром и молнии против французов, стесняющих итальянскую колонизацию Туниса. Фашисты недвусмысленно домогаются, ссылаясь на свои «исторические» права, перехода Туниса во владение Италии. Здесь, в этом пункте Средиземья интересы Италии и Франции диаметрально противоположны.

Италия ищет места для переселения «избытка» своего населения. До войны Италия занимала одно из первых мест в ряду стран, из которых шла эмиграция. Итальянская эмиграция до войны составляла в среднем около 800.000 человек ежегодно. В связи с ограничением, введенным американским биллем об иммиграции, итальянская эмиграция значительно сократилась, давая сейчас в среднем около 200.000 чел. в год. Сейчас эмиграционный поток из Италии направлен во Францию, Аргентину и др. А тут под боком находится Тунис, который, по самым скромным подсчетам, в состоянии прокормить 15 миллионов населения. (Сейчас всего насчитывается в Тунисе 2.100.000 душ). Тунис, как место колонизации, переселения итальянских эмигрантов, которым запрещен в'езд в Сев.-Амер. Соед. Штаты; Тунис, как сырьевая база, как рынок сбыта географически близкий к Италии, возбуждает аппетиты молодого итальянского империализма, значительно окрепшего после войны.

Италия боролась на стороне «союзников» во время империалистической войны, а взамен она получила одни крохи. В то время, как Франция получила мандат на Сирию, Англия—на Палестину, на долю Италии достались от дележа Оттоманской империи только 12 островков (Додеканез)—и только. С тоскою и жадностью взирает итальянский империализм на соседний Тунис, находящийся в руках счастливого французского соперника. «Тунис должен стать итальянским», твердит изо дня в день фашистская пресса. Борьба за Тунис обострилась. Италия рассчитывает на поддержку Англии. Последняя с нею заигрывает и исподтишка толкает ее на путь заносчивой, агрессивной антифранцузской политики.

Борьба за Танжер.

На страницах «Большевика» мы уже неоднократно освещали танжерский вопрос [1]). Коснемся этого вопроса вкратце. «Интернационализированный» гор. Танжер и его зона фактически находятся под тройным контролем Англии, Франции и Испании. (Экономически здесь преобладает Франция). На лондонской конференции 1923 г., где был выработан специальный «танжерский статут», Италии, несмотря на ее настойчивые домогательства, было отказано в участии. Италия все время добивается «равных» прав в управлении Танжером. В частности, она выдвигает требование на право назначения своего военного атташе, итальянского судьи и вице-президента бутафорского «представительного» национального собрания (где преобладают европейцы), а также на право участия в эксплоатации Танжерского порта.

Еще в 1926 г. Италия заключила специальное соглашение с Испанией, обязавшись выступить солидарно против Франции в танжерском вопросе. В октябре 1927 года Муссолини отправил демонстративно морскую дивизию под начальством принца Удино в Танжер, где она пробыла несколько дней. Французская пресса сравнила морскую демонстрацию Италии с довоенной демонстрацией кайзера Вильгельма в Танжере и Агадире. Она оценила этот акт, как явный вызов Франции.

Французская пресса вообще отрицает за Италией право на участие в управлении Танжера, исходя из того, что, по договору 1912 г., Италия отказалась в пользу Франции от каких-либо претензий на Марокко, взамен чего Франция санкционировала захват Ливии Италией. Фашистская пресса возражает на это, что Италия не имела в виду Танжер, поскольку последний не входил в зону французской оккупации.

Борьба за Танжер также обострилась за последнее время. Сейчас Франция всячески старается кое-как договориться с Испанией, претендующей на переход Танжера в сферу ее влияния [2]). Франция противится созыву международной конференции по пересмотру так называемого «алжесирасского акта» 1906 г., по которому Франция получила санкцию на захват южного и среднего Марокко, а Танжер был выделен в качестве «интернационализированного» пункта. Италия же, как раз наоборот, хотела бы, чтобы такая международная конференция состоялась, надеясь использовать для своих целей англо-французские противоречия.

Таким образом, и Танжер является одним из об'ектов итало-французских разногласий.

Борьба за Абиссинию.

На Красном море мы являемся тоже свидетелями соперничества Италии и Франции. Последняя издавна осуществляет свой политический контроль над Абиссинией.

---

[1]) См. нашу статью «Перегруппировка сил в западном секторе Средиземья» во втором № «Большевика» за 1927 г. и др.

[2]) По последним сведениям, Франция договорилась с Испанией. Последняя получает право держать свой небольшой гарнизон в танжерской зоне, и начальником жандармерии будет назначен испанец. Предстоит еще конференция Англии, Франции, Италии и Испании по вопросу о Танжере. Однако, правительство С.-А. С. Ш. специальной нотой заявило, что Америка отстаивает принцип «открытых дверей» в Танжере... Об этом придется особо поговорить.

Абиссиния является страной скотоводческой и земледельческой с полукочевым населением. После войны иностранный капитал, преимущественно англо-французский, стал проникать в Абиссинию. Всего инвестировано около 10 миллионов фунтов стерлингов[1]).

Если мы посмотрим на карту, то увидим, что Абиссиния совершенно отрезана от моря. Так, Эритрея (у Красного моря) находится в руках Италии. Сомали (у Индийского океана) окаймляет Абиссинию с восточной и южной сторон, при чем сама колония Сомали разделена между Францией, Англией и Италией. С Индийским океаном Абиссиния сообщается через французскую часть Сомали посредством единственной железной дороги Джибути—Адис—Абеб (длина около 800 километров). Контроль Франции над этой железной дорогой обеспечивает ей преимущественное положение в отношении своих соперников—Англии и Италии, поскольку Франция имеет возможность контролировать внешний товарооборот Абиссинии, 80% которого проходит через французский порт Джибути.

После войны Англия и Италия всячески старались вытеснить или ослабить французское влияние в Абиссинии. Еще в 1919 г. Англия обещала Италии поддержать ее политику экспансии в Абиссинии взамен поддержки Италией английских домогательств на озеро Цан.

Последнее является огромным резервуаром, питающим реку Нил. Поскольку английские хлопководы перенесли центр своей деятельности в Судан (Верхний Египет), вопрос об ирригации приобретает для них особое значение. Английская текстильная промышленность заинтересована в получении дешевого сырья. Продукция хлопка, хлопковые плантации беспрерывно передвигаются в Судан, страну более дешевой рабочей силы (заработная плата в Судане—2 долл. в месяц, а в Египте чернорабочий в среднем получает 80 копеек в день). Поскольку озеро Цан является источником Голубого Нила, Англия стремится закрепить его за своими хлопководами. Между прочим, овладение озером Цан развязало бы руки английским империалистам в Египте и сделало бы их полными властителями воды в стране Нила.

На пути к аннексии озера Цан и всей северной части Абиссинии стоит Франция. (В скобках отметим: за последний год американский капитал сделал немало усилий, чтобы проникнуть в Абиссинию. Представитель Моргана—доктор Мартин—подписал уже с абиссинским правительством концессионный договор на право возведения этой компанией плотины между озером Цан и верховьем Голубого Нила. Это—не в бровь, а в глаз английскому империализму!).

Франция поспешила вовлечь Абиссинию в Лигу Наций, членом которой она является с 1924 г. Но, несмотря на это, Англия и Италия в декабре 1925 г. заключили между собою соглашение о распределении сферы своего влияния в Абиссинии. Италия должна была получить право провести железную дорогу для соединения Эритреи и итальянского Сомали через Абиссинию, а Англия—Северную Абиссинию и озеро Цан. Франция подняла шум. Глава Абиссинии Рас Тафари, по указке Франции, послал резкие ноты протеста Лиге Наций. Под давлением Франции Англия и Италия вынуждены были аннулировать соглашение о разделе Абиссинии, члена Лиги Наций, на сферы влияния. (Соглашение само по себе явилось звонкой пощечиной Лиге Наций!..).

Итак, и в Абиссинии интересы Италии и Франции также не совпадают.

[1]) Более подробно см. нашу статью об Абиссинии в журнале «Новый Восток» № 16—17 за 1927 г.

Роль Англии.

Англия стремится обеспечить свою гегемонию на Средиземном море. Она сугубо заинтересована в охране Суэцкого канала,—этого важного стратегического пункта, открывающего дверь к Индийскому океану,—и Гибралтарского пролива—этих ворот в Атлантический океан. Недавно английский министр колоний Эмери следующим образом обосновал морскую политику Англии в Средиземье: «Наша морская стратегия направлена к тому, чтобы обеспечить нашему флоту свободное сообщение, чтобы он легко, беспрепятственно мог проникнуть через Средиземное море и Суэцкий канал в восточные моря к индийским берегам. Чтобы обеспечить этот великий морской путь, необходимо владеть многими пунктами, как Гибралтар, Мальта и важная крепость Сунгапур. Но важнее всего, это—узкий проход Суэцкого канала между двумя великими океанами. Только тогда будет возможно удержать все эти пути, когда Великобритания будет достаточно прочна, сильна на обеих сторонах канала, когда соседние с каналом страны будут находиться в дружественных отношениях с нами. С этой точки зрения, мы укрепляемся в Египте и в других пунктах Ближнего Востока». (Цитируем по «Дейли Геральд» за май 1927 г.).

Чтобы обеспечить себя от всяких неожиданных сюрпризов на Средиземье, английское адмиралтейство еще в 1924 г. совершило перегруппировку своих морских сил, перебросив к своей первоклассной морской базе, Мальте, такое количество военных судов, которое по тоннажу, по дальнобойности орудий превосходит об'единенные силы франко-итальянского флота на Средиземье. Как с нескрываемым цинизмом выразился небезызвестный публицист «Авгур» в английском журнале «Фортнайтли Ревью», эта перегруппировка сил английского флота имела то значение, что Италия вынуждена была плыть в фарватере английской политики на Средиземном море.

Действительно, Италия должна присоединиться к могущественной Англии, правящей с помощью своих военных кораблей на Средиземном море, чтобы с ее помощью вести наступательную политику против Франции. Мы видели, что Англия, начиная с 1925 г., делает кое-какие уступки Италии.

Так, например, Англия заставила египетское правительство уступить Италии спорный оазис Джарабуб. То же самое она дала согласие Италии проникнуть в Йемен (на Аравийском полуострове). Мы видели, что Англия координировала свои антифранцузские действия в Абиссинии. Та же Англия не возражает против укрепления Италии в Адриатике (албанский конфликт). Одним словом, Англия бросает Италии крохи, используя ее против Франции. Союз Италии с Испанией тоже был заключен не без содействия Англии. В танжерском вопросе Англия также склонна в последнее время поддержать итальянские претензии.

Франция на Средиземном море и вообще на Ближнем Востоке изолирована. Так было до последних дней. Сейчас Франция напрягает свои дипломатические усилия на то, чтобы оторвать Италию от Англии. Но это ей не удастся. Франция не может удовлетворить аппетиты Италии. Она не может итти на жертвы и отказаться от своих колоний в пользу Италии. Не может делать «односторонние» уступки.

Драматизм положения заключается в том, что Франция вынуждена вовлечь Англию в свои переговоры с Италией. Ни от Туниса, ни от мандата на Сирию она никоим образом не откажется. Речь может итти только о мелких уступках: то ли в виде преследования антифашистских итальянских эмигрантов во Франции, то ли в виде мелких уступок в Албании, то ли в виде исправления границ Ливии. Франция хочет, чтобы, как это было в 1904 г., Англия тоже приняла посильное участие в жертвах. Это обстоятельство усложняет франко-итальянский конфликт и делает его сугубо неразрешимым.

Выводы.

Италия и Франция сейчас считают для себя необходимым временно договориться и уладить свои «недоразумения». Италия наступает, выдвигает свои максимальные требования, получившие отражения в статье газ. «Трибуна» за подписью Франческо Копполы: 1) участие Италии в управлении Танжером; 2) итальянский контроль над Адриатикой; 3) недопущение создания коалиции дунайских государств, враждебных Италии; 4) предоставление земель итальянцам-поселенцам в Тунисе и 5) передача мандата на Сирию. Это—программа-минимум.

Что же Италия готова дать Франции взамен? Ничего, положительно ничего реального она взамен предложить не может, кроме невесомой дипломатической поддержки... в Рурском бассейне.

Ясно, что Франция на это не пойдет. Французская империалистическая пресса указывает на «свободную» Анатолию. «Пусть Италия заселяет Малую Азию, турецкую Анатолию. Здесь много свободных земель», говорит французская биржевая газета «Энформасион» в своем номере от 28 ноября 1927 года.

Это значит, что Франция готова договориться за чужой счет, но не намерена жертвовать своим награбленным добром.

Обе соперницы пробуют на чем-то договориться. Но на чем? Итало-французские противоречия являются частью общих противоречий, которые вызваны неравномерным развитием капитализма, что толкают их на путь передела уже раз поделенных колоний. Сделка может произойти за счет слабых стран—Турции, быть может, Абиссинии и т. д.

Что стороны вступили в полосу подготовки переговоров для соглашения, видно из того, что Италия продлила на шесть месяцев действие временного соглашения с Югославией, заключенного в 1924 г. Как известно, дипломатические отношения между Италией и Югославией были крайне натянуты. Италия долго третировала Югославию, отказываясь от примирительной политики. Теперь наступила некоторая перемена в их взаимоотношениях. Факт продления временного соглашения является уступкой Франции со стороны Италии, подчеркивающей свое «миролюбие» [1]).

Но... как бы ни работала дипломатическая кухня, какие бы завтраки ни заказывались, а водораздел между политикой Италии и Францией так глубок и широк, что абсолютно не представляется возможность перебросить между ними прочный мост.

Италия хочет колоний. У Англии она не дерзает их требовать. Она поэтому плетется на английском буксире, получая за это возможность наступать против Франции. Но последняя добровольно не откажется от награбленной добычи тем более, что Италия взамен ничего дать не может. Остается только силой вырвать у Франции ее средиземные колонии. Компромисс, который намечается между Италией и Францией, будет гнилым компромиссом. Драка неизбежна. Угроза войны надвигается. Предотвратить ее в состоянии только диктатура пролетариата во Франции и Италии. За осуществление ее должны бороться французская и итальянская секции Коминтерна при содействии революционного пролетариата всего мира. Социальная революция или война — другого выхода нет.

---

[1]) Югославия в свою очередь отменила постановление, в силу которого итальянцам воспрещалось приобретать недвижимость в прибрежной полосе Далмации и других частях Югославии. Англия, собирающаяся предоставить Югославии заем, «дружески» советует югославскому правительству договориться с Италией.

К. Москатов.

Заметки о работе с сезонниками.

Вопросам строительства в общем плане индустриализации страны уделяется довольно много места. По крайней мере, те кредиты, которые уже отпущены на строительство в этом году, показывают, что строительство будет развернуто в гораздо большем темпе, чем, например, в предыдущем строительном сезоне.

В прошлом году к концу строительного сезона количество рабочей силы, занятой в строительстве, дошло до миллиона человек, а в этом году, как это видно по утвержденным программам строительных работ, количество потребной рабочей силы перевалит за 1.200.000 человек. Поэтому, пройти мимо такого фактора, как рабочая сила, тем более, что основные кадры строительных рабочих приходят из деревень, не учитывая строго всей важности и сложности работы среди них, было бы некоторой ошибкой.

Наше социалистическое строительство, как таковое, фактически началось всего лишь пять—шесть лет назад; все же до сего времени было мало попыток осветить состояние всех видов работы среди сезонных рабочих и те задачи, которые в этой работе стоят в дальнейшем. Такую попытку мы сделаем в настоящей статье.

В том, что работа среди сезонных рабочих довольно трудна, имеет специфический характер, так как сезонники связаны в большинстве своем с деревней, нет никаких сомнений. В то же время следует отметить, что практическое ведение работы среди них требует умелого подхода, приспосабливания ее к аудитории, к ее запросам. Эта работа требует большой квалификации тех работников, которые ее ведут. Точнее говоря, эти работники должны быть универсальными, они должны быть знакомы с различными вопросами нашей жизни. Нередко товарищи, выделенные для работы среди сезонников, приходили в свою ячейку, райком и заявляли, что для более успешного ведения работы им приходится с собой брать несколько различных справочников.

Сезонники в большинстве своем малограмотны, или совсем неграмотны, недостаточно развиты, несмотря на это, за последние годы они стали настолько сознательными, что общим ответом на какой-нибудь вопрос, даже самый простой, они не удовлетворяются. Они требуют точного и ясного ответа и очень довольны тогда, когда этот ответ подтвержден каким-нибудь фактом. Отсюда, конечно, и должны вытекать те требования, которые партия и профсоюзы обязаны пред'являть к работникам, которых они для работы среди сезонников выделяют.

Обращаясь к тем директивам, которые партия давала в лице ее Центрального Комитета, а затем и местных парторганизаций, нужно сказать, что все эти моменты были учтены именно руководящими организациями. Что касается низовых организаций (ячеек), то дело оставляло желать много лучшего. Нельзя утверждать, что секретари тех ячеек, на чью ответственность ложилось выделение работников для работы среди сезонных рабочих, не по-

нимали, как ответственна и трудна работа среди последних. Но, по крайней мере, факты показывают несколько обратное. Ячейки зачастую рассуждали, что «своя рубашка ближе к телу», и поэтому выделяли для этой работы тех товарищей, которые или были мало загружены, или же просто не имели никакой нагрузки. Несмотря на то, что партийные комитеты указывали некоторым ячейкам на неправильность такого подхода, все же низовые организации не всегда учитывали важность исполнения в точности подобной директивы. Во многих случаях выделялись такие товарищи, которые мало знакомы с деревней и которые руками и ногами открещивались от этой работы. Кроме того, многим выделенным вообще эта работа была не под силу. На качестве работы выделенных отражалось и то обстоятельство, что ячейки не проверяли работы последних. А то, что прикрепленные имели большое значение, можно проследить на примере бывшей ячейки строительного управления ГЭТ, где, благодаря прикрепленным, как это ниже будет видно, была проделана большая работа. Но были такие ячейки (строительная комиссия при МВО), где, несмотря на 500 человек строительных рабочих, никто не подумал о прикреплении к этой организации специальных товарищей. В связи с этим не удивительно, что в последней организации не только к началу, но и к концу строительного сезона наблюдались такие настроения: «Почему в Москве много китайцев, и все они хорошо одеты? Их здесь на советские деньги обучают, а наши дети оборваны и не все учатся в школах» и др.

* * *

В своих директивах партийные организации указывали на важность создания беспартийного актива. Это дало бы возможность гораздо лучше и полнее охватить работой всю массу сезонников. В практике на это было обращено мало внимания. По общежитиям, где, главным образом, должна была развернуться работа актива (делегатов), очень слабо чувствовалось их влияние среди всех рабочих. Вместе с тем необходимо учесть, что вышеуказанной директивой мыслилось, что выявленный актив после некоторой работы с ним будет и дальше продолжать свою работу, но уже не в городе, а в деревне, при чем для этого строительные парт'ячейки должны были сообщать в те деревни, куда уезжали активисты, чтобы их там использовали. Этого не было сделано по той, будто бы, причине, что ячейки были чрезвычайно загружены работой в целом ряде других не менее важных отраслей.

В деле воспитания рабочих масс и привлечения их к партии открытые партийные собрания имеют бесспорно большое значение; поэтому более частый созыв таковых с постановкой на последних ряда вопросов, могущих действительно заинтересовать рабочих, должен быть введен в практику работы особенно строительных ячеек. Несмотря на подобные директивы высших партийных организаций, мало кто подумал о том, чтобы поставить на этих открытых собраниях такие вопросы, которые могли интересовать не только партийцев, но и беспартийных. В результате мы видим, что количество беспартийных, посещавших открытые партийные собрания, по отношению ко всем сезонникам составляло небольшой процент. Те сезонники, которые посещали открытые партийные собрания, довольно часто выступали в прениях по различнейшим вопросам, что показывало, насколько их интересует жизнь партии. Особенно это чувствовалось во время докладов по рационализации, которые были поставлены в ряде ячеек.

Одновременно приходится констатировать, что такой важный момент, как учет отдельных беспартийных, постоянно присутствующих на открытых собраниях, активно выступающих, хорошо разбирающихся в отдельных вопросах, не проводился, между тем как такой учет мог выявить те силы, которые могут и должны быть использованы для привлечения к проведению различных кампаний. Важность этого момента вытекает еще из того, что наши организации, как партийные, так и беспартийные, ощущают недостаток в работниках. Если учесть, что количество платных работников с каждым годом сокращается, то указанное выше использование активистов особенно важно.

Отношение к партии со стороны сезонников в значительной своей части (по крайней мере в прошлом году) было хорошее. Довольно показательными здесь могут быть такие случаи, когда во время разбора некоторых конфликтов, не имеющих непосредственного отношения к ячейке, беспартийные рабочие требовали от месткома приглашения секретаря ячейки для участия в разборе.

* * *

Основной формой участия рабочей массы в хозяйственном строительстве страны, особенно в связи с задачами рационализации строительства, является работа производственных комиссий и совещаний. В связи с этим на ближайшее время необходимо сосредоточить внимание построечных производственных комиссий и совещаний главным образом на вопросах рационализации строительства, при чем в проработку этих вопросов должно быть внесено больше системы, больше плановости. От общих докладов необходимо решительно отказаться и перейти к постановке отдельных конкретных вопросов в плановом порядке, для чего нужно привлечь побольше рабочих-активистов. Это привлечение затруднялось тем, что участие административно-технического персонала в данном деле было часто пассивным, несмотря на то, что заинтересованность в этих совещаниях со стороны хозяйственных организаций (строительных контор, трестов и т. п.) должна была иметь соответствующее место. Все изложенное, конечно, не означало, что если на какой-либо постройке производственная комиссия делает предложение, явно невыполнимое, экономически невыгодное, то хозяйственная организация должна проводить это в жизнь. Наоборот, такую хозяйственную организацию следует всячески порицать, если она такое предложение начнет проводить в жизнь. В ее задачи в данном случае должно было входить раз'яснение рабочим невозможности выполнения того или иного предложения.

После проведения в жизнь решений производственных комиссий и совещаний последние, казалось, обязаны широко огласить на рабочих собраниях и в печати (в стенной газете и др.) результаты своих предложений, ибо только таким путем масса сезонников может быть вовлечена в производственную жизнь своей постройки, что благоприятно отразится на всем ходе строительства.

Огромное значение имеет вовлечение в активную работу производственных комиссий и совещаний старых высококвалифицированных строителей, имеющих производственный опыт, вполне соблюдающих производственную дисциплину и вносящих деловые предложения. Только при таких условиях вокруг производственных комиссий и совещаний может группироваться рабочий производственный актив, что вместе с тем увеличивает его популярность среди рабочих. В этих случаях, в виде поощрения, желательно на курсы по повышению производственной квалификации посылать именно таких активистов, как указано выше.

В практике нередки случаи, когда административно-технический персонал приходится как бы за рукава тащить на производственные совещания комиссии в то время, как директивы, неоднократно данные высшими хозяйственными органами, говорят совершенно обратное. Инициативу самой

администрации в смысле постановки на этих совещаниях вопросов, касающихся улучшения и рационализации производства (строительства),—довольно редко можно встретить. Несмотря на общеизвестность вышеизложенного, все же на многих постройках это дело оставляло желать много лучшего. Производственные совещания хотя и часто созывались, но эффект от них был довольно слаб, вследствие несоблюдения тех вышеизложенных моментов, которые только и могут повлиять на большую продуктивность производственных комиссий и совещаний.

* * *

Вопрос о квалифицированных кадрах рабочей силы в строительстве и их воспроизводстве является в настоящее время одним из наиболее серьезных вопросов. Еще в прошлом году ощущался сильный недостаток в целом ряде отдельных специальностей, особенно бетонщиков и т. п. Относительно поднятия квалификации существующего кадра сезонников много говорят и пишут, но как только дело касается практического проведения в жизнь, организации тех мероприятий, которые действительно призваны содействовать созданию квалифицированных рабочих, то бюрократизм в этом деле проявляется в достаточной степени.

Высшими парторганизациями было указано, что необходимо создавать краткосрочные курсы, кружки по поднятию квалификации занятых на работе строителей. Хозяйственные организации очень послушны и в прошлом строительном сезоне это дело сделали, а вот как оно было сделано, какие результаты от этой работы получились, поднялась ли квалификация тех, которые занимались, никем не проверялось. Все были довольны тому, что такие организации существуют и этим успокаивались. Такому спокойствию нужно в дальнейшем положить конец. Это необходимо не только потому, что каждая копейка нам дорога, но и потому, что мы, как это было указано выше, ощущаем огромную нужду в квалифицированных строителях и чем дальше, тем больше эта потребность дает и будет давать себя чувствовать.

* * *

Выше было указано, что работа среди сезонников довольно трудна, и поэтому всякая организация старается, учитывая всевозможные трудности, получить в своей работе наибольшие результаты. Но это стремление не всегда осуществляется вследствие текучести сезонников.

Постоянство состава рабочих на производстве имеет немалое значение для стабилизации и роста производительности труда; это хорошо понимают все хозяйственники, но это понимание не всегда проводят в жизнь. На примере строительства прошлых лет это особенно было заметно. Редко можно было встретить такую постройку, особенно в крупном строительстве, где состав рабочих не менялся бы очень часто и довольно резко. Нередко сегодня принимают 200—300 человек, а завтра часть их сокращают и затем опять принимают. Последнее обстоятельство по вполне понятным причинам отражалось и на рабочих и на работе. Правда, хозяйственники могут заявить, что им это было необходимо по условиям производства, но бывали часто случаи, когда без особой необходимости производились подобные передвижения исключительно благодаря отсутствию строгого и точного учета и плана использования рабочей силы. В дальнейшем этот момент необходимо учесть; профорганизации должны добиться от хозорганов установления такого порядка, при котором отсутствовала бы сильная текучесть рабочей силы. Это уменьшит количество конфликтов, это даст возможность получить большие результаты в той работе, которая проводится среди сезонников. Последнее обстоятельство также даст возможность уничтожить почву для разного рода болезненных явлений, настроений.

* * *

В журнале «Известия ЦК ВКП(б)» № 32—33 за 1927 год указано, что «для учета настроений сезонников должна быть заведена книга вопросов и ответов». Так постановил архангельский губком, подводя итоги работы среди сезонников. Нужно отметить, что практикующиеся до последнего времени (по крайней мере в Москве) ящики для вопросов и ответов в общежитиях не дали тех результатов, которые были желательны. За редким исключением рабочие опускали в эти ящики вопросы, а те, кому следовало аккуратно отвечать, в это время дремали. Такое положение было и в целом ряде других городов; низовые профессиональные и другие организации не заинтересовались этим моментом. Между тем в практической работе с сезонниками часто чувствовалось, что у них имеется много вопросов, которые они не решаются задать, но которые записали бы в книгу.

За летний период во время наибольшего скопления сезонников в общежитиях проводилось большое количество лекций по разным вопросам. Является бесспорным, что от подбора лекторов многое зависит. Но профессиональные организации прошли мимо этого и посылали в общежития таких лекторов, которые не сумели соответствующим образом подойти к аудитории сезонников. В результате количество посетителей было значительно меньше, чем предполагали профессиональные организации.

Касаясь выбора тем, следует констатировать, что почти не читались лекции чисто производственного характера, хотя строители ими интересовались. Не приходится сомневаться в том, что чтение подобных лекций могло более заинтересовать строителей в их непосредственной производственной работе, могло заставить более активно участвовать в производственных совещаниях, но поскольку этот момент не был учтен, можно полагать, что некоторые культпросветработники недостаточно учитывают важность вопроса подбора тем.

Вопросам механизации строительства уделяют у нас максимум внимания. Этого настоятельно требуют интересы самого строительства. То, что многие сезонные рабочие мало приспособлены к этой огромной и трудной работе, является вполне понятным, если учесть, что основная часть их больше связана с землей, чем с промышленностью. В связи с этим вопросом чисто производственной подготовки широких кадров строителей должно быть уделено в ближайшем строительном периоде достаточно внимания.

Профессиональные союзы строят спортивные площадки главным образом для своих членов, но на практике бывает иногда обратное. В виду того, что правлению стадиона не всегда удавалось привлечь сезонников на лекции, было решено после каждой лекции ставить кино. Но и это не оказало влияния на улучшение посещаемости, ибо лекция назначалась в 7 часов, а кино в 9 часов—сезонники стали приходить ровно к 9 часам. Такое положение не могло удовлетворить указанных выше спортсменов и было решено следующее: предложить лекторам читать лекции с перерывами во время антрактов в кино, т.-е. в промежутках между частями кино. Таким образом, мыслилось, что пока пройдут все 7 или 8 частей какой-либо кинофильмы, лектор успеет прочесть всю лекцию. Так было предложено ряду лекторов для того, чтобы действительно сезонники, а не стулья зрительного зала слушали лекции по разным вопросам.

Должна ли лекция проводиться указанным порядком, предоставим судить тем работникам, которые в этой отрасли работают. Если же говорить с точки зрения экономии, то не будет лишним, учитывая ограничен-

ность средств, отпускаемых на культработу, подумать о том, долго ли возможно так работать.

* * *

Культурная работа является одной из важнейших отраслей профессиональной работы и особенно среди сезонников. Поэтому на качество и методы работы среди них должно быть обращено особое внимание. Умение выявить наиболее важные вопросы, интересующие широкие слои сезонников, увязывая всю эту работу с их пребыванием в деревне,—вот та основная трудность, которая каждый год перед нами поднимается во всю ширь.

В связи с этим особенно полезно и чрезвычайно важно учесть те ошибки, которые в прошлом в наших профессиональных организациях, клубах и стадионах физкультуры нередко наблюдались.

Подавляющее большинство сезонников связано с землей, поэтому неудивительно, что даже на лекциях по международному положению, кооперации и другим вопросам слушатели часто подавали записки, тесно связанные с вопросами налогового и земельного законодательства. Детальное ознакомление с тем, почему на этих лекциях задавались такие вопросы, которые следовало задавать юристам, специально ведущим эту работу, выяснило, что здесь имели место случаи казенного подхода некоторых юристов, которые, придя в общежитие и наговорив кучу непонятных вещей, уходили. Такая же история была с целым рядом других работников исключительно потому, что наши профорганизации, в частности союз строителей, посылали к сезонникам таких людей, которые были более пригодны к рабочей городской аудитории, но не среди сезонников.

Правда, союз строителей или другие организации, ведающие этим делом, могут сказать: «Где нам других взять?» На то следует ответить, что взять-то можно, но это нужно делать не в «страдную пору», когда начинаются строительные работы, а немного раньше.

На последнем вопросе заострено внимание потому, что сезонник, не получив, примерно, у налоговика ответа на какой-нибудь вопрос по сельхозналогу, не мог получить этого ответа так же и у лектора другой специальности, а так как по окончании своей работы сезонник уезжает обратно в деревню, живя там значительно больше, чем в городе, то понятно, какое большое значение имеет указанный момент.

Сезонник, приезжая в город, привозит с собой ряд типичных крестьянских настроений, среди которых имеются, например, такие: «Рабочим живется лучше, чем крестьянам»; «с ними (т.-е. с рабочими. *К. М.)* больше считаются»; «деревне не помогают для того, чтобы крестьяне шли в город на заработок, потому что, мол, городу нужны строительные рабочие, которых он иначе не получит». Для того, чтобы лучше всего раз'яснить им неправильность такого взгляда, было бы целесообразно (особенно в тех случаях, когда сезонникам приходится работать вместе с основными городскими рабочими) проводить вечера смычки сезонников с основными рабочими. Необходимо стремиться, чтобы не со слов агитатора, группорга, а со слов самого рабочего (основного) сезонник понял, почему и какая разница существует между отдельными категориями рабочих. Нечего бояться того, что рабочий не справится с этой задачей. Между тем, когда подобный вопрос поднимался, то некоторые работники (Бауманский район—Москва) вообще удивлялись, как можно ставить вопрос в такой плоскости: мол, какое отношение имеет сезонник к основному рабочему. Соглашаясь с тем, что он никакого отношения не имеет, некоторые работники утверждали обратное, что он должен эти отношения создать. По крайней мере, в журнале «Известия ЦК ВКП(б)» № 32—33 за 1927 год имеется следующая заметка, относящаяся к одному из постановлений архангельского губкома, где указано, что «о с н о в н о й з а д а ч е й (подчеркнуто мною. *К. М.*) в работе среди сезонников на ближайший период губком признал сближение последних с постоянным кадром рабочих путем устройства совместных вечеров и т. д.».

За время пребывания сезонника в городе бытовые условия его жизни благодаря отсутствию достаточного количества свободных помещений и другим причинам пока еще не вполне благоприятны, при чем нередко, как это показала практика прошлых лет, в этом повинны бюрократизм, халатное отношение к делу со стороны некоторых работников строительных учреждений. В связи с этим задача освещения в печати всех сторон быта сезонника как в смысле воздействия соответствующих организаций на улучшение постановки этого дела, так и в смысле информирования широких масс сезонников о положении их сотоварищей является одной из важнейших задач в общей системе культработы. Осуществление этой задачи может быть проведено только при активном содействии и участии в этом деле самих рабочих. До последнего времени организации рабкоров на постройках были не вполне налажены, между тем как именно от плановой организации групп рабкоров (стройкоров) зависит активность широких масс. Организация подобных групп не должна замыкаться исключительно в организационных формах, она должна содержать значительную долю работы по поднятию культурного и политического уровня стройкоров. Вместе с тем является бесспорным, что правильная организация стенгазет, а вокруг них стройстенкоров, может в значительной степени оказать влияние на интенсивность работы сезонников.

* * *

Значительное место в быту сезонника занимает пьянство. Это—одно из самых больных мест среди них. Было много случаев, когда план культработы какого-нибудь общежития, где живет более 1000 человек, приходилось изменять исключительно потому, что сильно развитое пьянство срывало работу, особенно лекции. В начале строительного сезона 1927 года это особенно резко бросалось в глаза. Целому ряду работников, соприкасавшихся с этими общежитиями, нередко приходилось видеть, как на каждой наре стояло по нескольку бутылок водки. Несколько часов спустя после окончания работы на стройке, бывали скандалы, драки и т. п., результатом чего получался невыход некоторых групп рабочих на работу. Если же большинство рабочих и выходило на работу, то производительность их труда, во всяком случае, была невысокая. На этой почве были недовольства тем, что они мало заработали, что происходило вследствие невыполнения в намеченный срок полученного ими задания. Обычно, эта пьянка продолжалась в течение двух дней после получки.

Вопросом этим заинтересовались все те организации, которые имели какие-либо отношения к сезонникам. Было решено, что хозяйственники выплачивают заработную плату только по субботам. По линии профессиональной было решено усилить чтение специальных лекций в бараках, устраивать экскурсии в соответствующие музеи, поручить профделегатам в индивидуальном порядке вести борьбу с алкоголем путем усиления культработы. Спустя короткое время получились определенные результаты. Нельзя сказать, что пьянство окончательно было изжито, но одно то, что сезонник стал стесняться в своем общежитии открыто пьянствовать, уже являлось большим достижением. Одну из причин трудностей борьбы с пьянством приходится искать исключительно в том, что недостаточно изучены и изучаются запросы сезонников. Отсюда вытекает необходимость более углубленного, более чуткого подхода к изучению их запросов. Можно с уве-

ренностью сказать, что если бы партийные и профессиональные организации уделяли этому моменту больше внимания и практически удовлетворяли возможные запросы сезонников, борьба с пьянством, с этим вековым злом, значительно облегчилась бы.

* * *

Несколько слов о сезонниках из среды национальных меньшинств. Этот вопрос является довольно важным. Так, например, в прошлом году по одной только Москве в строительстве было занято около 200.000 рабочих, а в этом году, как отмечено выше, их будет еще больше. Среди них значительную часть составляют национальные меньшинства. Несмотря на это приходится, к сожалению, отметить, что партийные организации (а профессиональные тем более) в целом уделили (по крайней мере в 1927 году) мало внимания этому вопросу. Надо отдать известный долг некоторым ячейкам, которые сами учли это обстоятельство и кое-каких достижений добились. Так, например, ячейка бывш. строительного управления ГЭТ организовала специальный кружок из татар в количестве 20 человек, где благодаря привлечению к этой работе полномочного представительства Татарской республики удалось проводить работу на татарском языке. Посещаемость занятий была высокая; занятия велись главным образом по политграмоте и вопросам текущей политики. Благодаря тому, что занятия велись на национальном языке, они довольно часто посещались и нечленами кружка. Так как татары мало развиты, особенно в политических вопросах, проводимая среди них работа, без сомнения, была очень ценна. В предстоящем строительном сезоне это обстоятельство должно быть обязательно учтено.

* * *

В каждом профессиональном союзе бывают конфликты на почве заработной платы, но наибольшее количество из них встречается на строительных работах. Происходит это по той причине, что работа здесь большей частью производится по урокам, по специальным нарядам. В работе имеется множество различных расценок, и все это вместе взятое довольно часто создает иногда такие моменты, которые впоследствии переходят в конфликты. Не приходится, конечно, сомневаться, что подобные конфликты не желательны ни для хозяйственников, ни для профессиональных работников. Но практика показала, что в значительной степени в этом виновны сами хозяйственные организации.

Технический персонал не на всех постройках достаточно квалифицированный, иногда неповоротлив, не умеет быстро работать, и в результате были случаи, когда рабочим давали наряды на работу, а расценок на эти работы им не говорили, так как не успевали подсчитать. Вполне понятно, что рабочие в таких случаях оставались недовольными, и поэтому нередко после окончания какого-либо задания (урока) возникал конфликт. Вследствие недостаточной квалификации некоторых технических работников были случаи переделки работ, что отражалось на финансовом состоянии данного предприятия, а также вызывало недовольство рабочих. Поэтому не удивительно, что и на производственных совещаниях рабочие неоднократно поднимали этот вопрос. В общем и целом работа производственных комиссий и совещаний рабочих интересовала, что показало активное обсуждение разбираемых вопросов. Но беда лишь в том, что административно-технический персонал к работе производственных комиссий и совещаний относится иногда не вполне внимательно. Имели место случаи, когда решения производственных комиссий администрация не обсуждала в течение 2—3 месяцев, что вызывало, вполне понятно, недовольство со стороны рабочих. Недостатком в этой работе являлось также отсутствие достаточного посещения этих совещаний членами партии. Все же обследование ряда предприятий и сопоставление этих данных с прошлогодними показало, что определенный сдвиг в работе производственных комиссий и совещаний имеется.

* * *

Среди сезонников не малое количество составляет молодежь, которая в основном мало чем отличается от общей массы сезонников. Единственным отрадным моментом является здесь сильная тяга молодежи к повышению своей квалификации, к поступлению на рабфаки. Трудно описать, что творилось в общежитиях в прошлом году, когда была об'явлена запись в кружки по подготовке на рабфаки. Правда, можно было также заметить желание подобным способом (т.-е. поступлением на рабфак) закрепиться в Москве. В связи с этим они особенно интересовались, как обеспечивают и обеспечивают ли вообще тех, которые идут учиться. Особенно этим интересовались те, которые впервые попали в Москву и на которых красная столица произвела такое впечатление, что им нежелательно было возвращаться в деревню. Несмотря на это, пьянка, ругань, слабая трудовая дисциплина развиты среди нее не в меньшей мере, чем среди взрослых. Оживление в работе среди молодежи благодаря участию в этом комсомола имеется. Все же нужно констатировать, что воспитательная работа комсомола среди строительной молодежи слаба за отсутствием достаточных сил. На эту сторону работы комсомолу необходимо обратить сугубое внимание.

* * *

Подводя итоги проведенной работы среди сезонников, следует сказать, что, несомненно, по сравнению с прошлыми строительными сезонами имеются определенные и довольно большие достижения в этой работе, но имеются и недостатки. Основными задачами на ближайшее время должны быть следующие моменты.

Перед началом строительного сезона в части обслуживания сезонников райкомам необходимо более тщательно проверять тех товарищей, которые для этой работы предназначаются. Стремиться по мере возможности, чтобы ячейки выделяли именно таких членов партии, которые с этой работой вполне справятся, которые сумеют заслужить авторитет у массы сезонников. Политическое развитие таких товарищей не должно стоять на таком уровне, чтобы могли иметь место случаи затруднений во время ответов на какой-либо вопрос. Необходимо более часто практиковать созыв совещаний группоргов, парторгов при райкомах для подытоживания проделанной работы (примерно, за месяц). Более точное и полное выявление беспартийного актива в практической повседневной работе производства должно являться одной из основных задач месткомов. Организация специальных кружков из актива для более углубленной проработки различных вопросов жизни предприятия, также является одной из насущных задач.

Партийным ячейкам на открытых собраниях необходимо ставить такие вопросы, которые волнуют широкие массы сезонников, стремясь наиболее полно оповещать всех сезонников о таковых собраниях.

Организация справочных столов в общежитиях имеет огромное значение; через посредство справочных столов необходимо вести точный учет настроений, для чего необходимо к этой работе привлекать побольше партийцев, вполне грамотных. В целях получения больших достижений в этой работе добиться того, чтобы о работе справочного стола было известно всем рабочим, живущим в данном общежитии.

В отношении квалификации рабочих регулярно заслушивать отчеты о работе курсов и кружков по поднятию квалификации, а также производить периодическое обследование последних. По мере возможности профсоюзу строителей и другим союзам производить комплектование лекторов по крайней мере за месяц до начала строительного сезона, стремясь держать курс на использование в этой работе работников союза.

Работа среди национальных меньшинств не является основной для профессиональных союзов, но, поскольку в некоторых местах среди сезонников значительную часть составляют таковые, в период строительного сезона необходимо обратить внимание на ведение специальной работы среди них.

Роль производственных совещаний с каждым годом становится все большей и большей. Для более широкого охвата рабочих желательно практиковать не только общепостроечные производственные совещания, но и цеховые—по отдельным видам работы.

Учитывая большое количество конфликтов на почве зарплаты, создать условия, при которых каждый рабочий работал бы по своей специальности (при наличии подсобной силы), а расценки раздавались на руки рабочим во время дачи заданий. Расценочно-конфликтным комиссиям стремиться, помимо разбора конфликтов, принимать в каждом случае соответствующие меры к предотвращению их.

Выполнение хотя бы части тех предложений, которые выше были указаны в работе среди сезонников, даст, несомненно, значительно большие положительные результаты, чем до сих пор. Таковы задачи, которые ставит перед нами опыт прошлой работы в советском строительстве.

Ив. Теодорович.

К классовой характеристике творчества Горького[1]).

Если считать началом нового года, как это принято в хозяйственной жизни Советского Союза, 1 октября, то в наступившем 1927/28 году мы имеем возможность отметить три юбилейных даты, которые связаны с биографией Алексея Максимовича Горького-Пешкова.

В первом квартале исполнилось 35 лет со времени, когда в тифлисской газете «Кавказ» появился первый рассказ Горького — «Макар Чудра»; во 2-м квартале 29 марта, исполняется 60 лет со дня рождения Горького (дата, ныне уже точно установленная) и, наконец, в 3-м квартале истекает 40 лет с того печального момента, когда Горький пытался покончить жизнь самоубийством, печального, но в то же время и радостного момента, ибо судьба сохранила нам великого писателя, залечив его простреленное легкое.

Прожить 60 лет, прожить их в эпоху, когда вся жизнь развивалась и видоизменялась необычайно быстро и бурно, разумеется, нельзя без того, чтобы самому не проделать определенных этапов в своем развитии. Конечно, нельзя говорить об едином Горьком: в сущности есть ряд Горьких, которые менялись на протяжении этого бурного периода. Конечно, всякий значительный человек имеет различные отрезки в кривой своего развития, но невольно в этот момент вспоминаются два человека: сопоставьте Ленина и Горького. В то время, как этапы роста Ленина были этапами планомерного развития по неуклонно восходящей кривой, — этого нельзя сказать про Алексея Максимовича; его этапы были очень часто зигзагами, колебаниями, иногда неожиданными и жестоко смущавшими наблюдателей. Впрочем, нужно сразу же подчеркнуть, что неожиданными они казались лишь тому, кто не понял сущности нашего писателя. На самом же деле эти колебания и зигзаги Горького были совершенно закономерными, ибо они не были по сути вещей только его индивидуальным свойством; это были колебания того общественного слоя, выразителем которого, а зачастую и прямым идеологом, являлся А. М. Горький.

Было бы совершенно неверным утверждать, да и ни один из крупных знатоков истории литературы этого не утверждает, будто творчество Горького следует считать идеологией пролетариата. И Ленин, и Плеханов, а из пишущих в наше время Горбачев, Назаренко, Львов-Рогачевский, Р. Григорьев и др. не считают творчество Горького отражением пролетарской идеологии в художественной сфере. Исключением, пожалуй, можно считать т. Евгеньева-Максимова, который за последнее время стал примыкать к коммунистической критике: он считает Горького «подлинным про-

[1]) Помещая интересную статью тов. Теодоровича, редакция считает, что автором недостаточно оттенены пролетарские элементы в творчестве Горького.

летарием» в жизни и подлинным выразителем пролетариата в художественной работе. Но это—одинокое мнение, характерное, пожалуй, для неофитов, которые всегда «более роялисты, чем сам король». Марксисты же не считали и не считают Горького выразителем психологии и идеологии пролетариата.

Но если это так, то возникает два вопроса: во-первых, выразителем и идеологом какого же общественного класса был Горький, а во-вторых, почему же мы, стоящие под знаменем пролетариата, с чистой душой и с полным основанием чествуем великую работу Горького?

На первый вопрос надо ответить так: общественным классом, общественным слоем, выразителем и идеологом которого был Горький, является в широком смысле слова мелкий самостоятельный товаропроизводитель, — тот слой, который беспощадно разрушается в процессе развития капитализма. Этот мелкий товаропроизводитель, трагически гибнущий под ударами капиталистической эксплоатации, представлен определенными слоями крестьянства, определенными группами кустарей и ремесленников, городским мещанством, мелкой трудовой интеллигенцией и т. д. Это широкий общественный слой, психологию, историю и экономику которого, к сожалению, чрезвычайно мало изучают профессиональные критики, историки литературы, отрезая тем самым себе путь к правильному истолкованию таких литературных явлений, как творчество «буревестника» Горького у нас,— «железного жаворонка» Гервега в Германии 40-х годов и т. д.

Гибнущая под ударами капиталистической стихии масса мелких товаропроизводителей очень часто представляет в истории человечества картину бешеной борьбы за существование: она не всегда сдается без боя. Нередко она порождает глубокое революционное движение. Ее революционное «левое» крыло, например, проявилось в агитации Жака Ру, в заговоре Бабефа, в дальнейшей работе бланкистов; наши бывшие союзники, левые эсэры, были представителями этого крыла. Это крыло обреченного на гибель при капитализме товаропроизводителя имеет громадные заслуги в истории. Вспомните, что Бабеф, один из выразителей этого крыла, был первым, кто провозгласил необходимость захвата политической власти для борьбы за экономические интересы данного общественного слоя. Вспомните, что пролетарский социализм Маркса получил идею завоевания политической власти, как наследие, из рук именно левого крыла мелкой буржуазии. Вот почему Маркс так ценил Бабефа, так поддерживал народовольцев, так благоговел перед Парижской Коммуной, которой, однако, руководили бланкисты и прудонисты, а отнюдь не марксисты.

Идеология представителей мелкой буржуазии бывает различна. Ее «левые» идеологи проповедуют революцию с целью «немедленно задушить капитализм», как говорили когда-то революционные народники, «в самом зародыше» и вернуться к старому «народному производству»; тогда-то свободный товаропроизводитель методом производительных ассоциаций осуществит в своей экономике формулу великой французской революции: «свобода, равенство и братство», т.-е. в сущности «свободу» в распоряжении мелкой собственностью, «равенство» в условиях конкуренции и «братство» в процессе обмена на рынке. Вот та формула, которую провозглашало в тех или иных вариациях левое крыло.

Более правые идеологи того же слоя тоже ненавидели капитализм. Они также кричали о необходимости положить конец росту капитализма, но намечали иные пути борьбы. Не веря в успех революции, особенно после поражения последней, они сплошь и рядом мечтали о «патриотизме господствующих классов», о их совести и справедливости. Например, Роберт Оуэн, один из представителей правого крыла товаропроизводителей, пытался влиять на монархов, феодалов и буржуазию.

Третьи в этом хоре мелкобуржуазных идеологов настаивали на том, что захват политической власти так же не решит проблемы «свободы, равенства и братства», как и обращение к патриотизму господствующих классов. Надо, по их учению, ставить ставку на самодеятельность, на самопомощь, на кооперирование мелких товаропроизводителей: пусть они сами об'единятся для того, чтобы экономически преодолеть это чудовище, это проклятие—капитализм!

Чем больше разорен товаропроизводитель, чем безнадежнее его положение в рамках капитализма, тем активнее, решительнее и бешенее выступают идеологи его левого крыла. Наоборот, если у того или иного слоя появляются шансы удержаться, приспособиться к капиталистической экономике, тем «трезвее» он выступает, поддерживая идеологию умеренных реформистов, «кооператоров» или утопистов.

Для примера возьмем крестьянство. Если данная группа крестьян приспосабливается к капитализму, если хорошие цены позволяют ей выгодно продавать свои продукты городу и т. п.,—у нее сейчас же появляются компромиссные, оппортунистические настроения, желание укрепиться в порах капиталистического общества и коалировать с капиталистическими элементами. Вспомним русскую абрамовщину, выразительницу настроений правого крыла товаропроизводителя, появившуюся в результате, с одной стороны, разгрома левого крыла (народовольчества), а с другой — успехов капитализации России и в частности ее сельского хозяйства со второй половины восьмидесятых годов.

Но такие периоды непрочны. Новый этап капитализма, иногда на протяжении одного лишь десятка лет, вновь ударяет по этому мелкому производителю, и он опять попадает в тяжелое положение, гибнет и опять вскрывается его отчаяние и озлобленность.

В процессе временного приспособления тех или иных слоев товаропроизводителя к капитализму нужно отметить еще один момент. Когда мелкий товаропроизводитель начинает чувствовать, что в качестве крестьянина, сапожника, красильщика или обойщика он не может более удержаться на поверхности хозяйственной жизни, он торопится, так сказать, застраховать своих детей: не подготавливает их к занятию своей профессией, а толкает их в школу, чтобы провести затем в л а г е р ь и н т е л л и г е н ц и и. Интеллигенция, по своему происхождению, на огромный процент идет из этого слоя разоряющегося или чувствующего непрочность своего заработка мелкого производителя. Эта интеллигенция использовывается затем капитализмом для обслуживания целого ряда созданных им новых профессий. Интеллигенция в буржуазном строе, таким образом, по своему прошлому — плоть от плоти, кость от кости прежнего товаропроизводителя, а по своему настоящему — орудие в руках капитализма по извлечению из трудящихся прибавочной стоимости. Эта двойственность в значительной степени об'ясняет широко известный факт постоянных колебаний данного слоя.

История русской интеллигенции не может быть ясно понята без изучения тех движений, которые происходили в толще мелкобуржуазных, в первую голову крестьянских масс.

Возьмите народовольцев. Как установили Маркс и Ленин, — они были в своем большинстве выразителями беспощадно разоряемого мелкого производителя. Главная ставка народовольцев была не на пролетариат, а на тех производителей, кого они называли трудовым крестьянством и трудовым кустарем. Движение народовольчества, до чрезвычайности похожее, например, на бабувистское, так же, как последнее, было разгромлено, разбито. Возникает вопрос: почему? Только поверхностный человек удовлетворился бы ответом, что оно было разбито потому, что сила правительственной

репрессии одолела своих противников. Нет, основная причина была в том, что капитализм переживал новую кон'юнктуру, которая породила у крестьянства иллюзию, ошибочную веру в то, будто оно может устроиться и в рамках капитализма, что оно получит землю от крупных помещиков в итоге мирной реформы, так как последние бросают свои поля вследствие заокеанской конкуренции.

Эта кон'юнктура, этот поворот капитализма решили судьбу «Народной Воли»: она погибла! Теперь началось выплывание на поверхность, на первый план не левого, а правого крыла, абрамовщины. Абрамов в журнале «Неделя» выступил с защитой формулы, что наше-де время—не время широких задач, что нам, конечно, нужна интеллигенция, но не агитаторы, не революционеры, а интеллигенция другая. Дайте мужику хорошего ветеринара, врача, учителя, агронома,—вот эту интеллигенцию мы приемлем, но интеллигенцию революционную, с бомбами и прокламациями, мы осуждаем. Эти же мысли еще раньше развивал, по недоразумению до сих пор считающийся революционным народником, Энгельгардт; на страницах левых «Отечественных Записок», а позднее устами своего сына в «Неделе», он повторял: нам нужны агрономы, лесоводы, ветеринары, животноводы, а не политиканы. Но какой же слой мужиков хватался за эту интеллигенцию? Именно тот, который видел и чувствовал, что можно еще устроиться, приспособиться к капитализму.

Затем мы находим толстовщину. Она чрезвычайно типична. Совершенно правы те, которые считают Толстого мирным анархистом. После катастрофы 1881 г., когда левое крыло потерпело поражение, после того, как абрамовщина докатилась до гнусного пресмыкательства перед царизмом, помещиком и буржуазией, Толстой был воистину крупнейшим из тех немногих, кто продолжал традицию обличения капитализма. Но, представитель умеренного мелкобуржуазного «центра», он не мог звать к вооруженной борьбе; он заострил свое внимание на пропаганде самоусовершенствования и самодеятельности.

В девяностых годах XIX века совершился новый поворот в экономической кон'юнктуре. Он заключался в том, что именно в эти годы темп развития русского капитализма стал особенно быстрым и напряженным. Но бешеное развитие русского капитализма влекло за собой два последствия: с одной стороны, определенная и абсолютно даже растущая часть мелкого товаропроизводителя приспособлялась к капитализму, но в то же время, параллельно, все бóльшая—и абсолютно и относительно—часть мелкого товаропроизводителя разорялась и пролетаризовалась. Этот процесс оформил новое деление общества: он создал буржуазию и пролетариат, который выдвинулся на арену политической борьбы, угрожая своей будущей победой. Далее, хотя и продолжали существовать причины для настроений, в свое время произведших на свет абрамовщину и толстовщину, но перед лицом нового борца—пролетариата, в свете его неслыханного энтузиазма и веры в победу опять из «трех крыльев» мелкого товаропроизводителя, как мы условно обозначили различные мелкобуржуазные течения, выдвинулось на первый план левое крыло с его бунтарски-революционными переживаниями. Больше того, абрамовщина и толстовщина не только стушевались перед пролетариатом и своим собственным левым крылом, окрепшим к началу 900-х годов, но и в значительной степени модифицировались сами: мирный анархизм Толстого—в анархизм воинствующий, а абрамовщина—в те или иные формы русского либерализма, как известно, традиционно связанного с крайне правым народничеством, при чем и либерализм и крайне правое народничество, приемля капитализм на русской почве, хотели тоже вступить в борьбу за его «упорядочение», за искоренение в той или иной степени азиатских форм капитализма.

В такой, именно, период русской политической и экономической жизни и выступил на сцену Максим Горький. В первую полосу своей литературной деятельности он с особой силой отразил идеологию и настроения вновь просыпающегося к жизни левого крыла мелкого товаропроизводителя, разбуженного пролетарским движением. Что это так, в этом не может быть никаких сомнений. Все критики и историки литературы единогласно характеризуют Горького в первый период его работы, как романтика и индивидуалиста. Но они не могут удовлетворительно об'яснить, откуда у Горького этот индивидуализм. Одни, например, Львов-Рогачевский, говорят, что он подпал под влияние Ницше, что это дань ницшеанству. Другие, например, Горбачев, находят, что индивидуализм и символизм общи и Горькому, и группе Брюсова, Бальмонта, Блока и пр. Конечно, между Горьким и группой символистов есть нечто общее, но не в том совсем, в чем это находит Горбачев. А, между тем, вопрос становится совершенно ясным, если мы установим, что индивидуализм Горького—индивидуализм не его личный, а того самого мелкого самостоятельного товаропроизводителя, который индивидуалистичен по самому своему положению в процессе производства.

Дальше. Давно всеми признано и установлено, что смешно видеть в босяках Горького лишь этнографические, бытовые черты. Нет, для Горького босяк был символом ненависти к мещанству, ненависти к сытой, тупой, застойной жизни, и поэтому все его герои уходят, бегут от этого мещанства. Но тут позвольте мне подчеркнуть чрезвычайно характерный штрих, кажется, не отмеченный ни одним историком литературы. Вы не найдете у Горького ни одного такого босяка, который бы находился в прямой борьбе или, по крайности, звал на прямую борьбу с мещанством. Вот, например, один из его героев,—Гришка Орлов,—говорит: взять бы, составить бы ватагу, да перерезать бы «жидов», которые рисуются ему символом сытой жизни. Другой его герой—Коновалов—тоже твердит: бы, бы, бы,—т.-е. мы находимся в области мечтаний, неясных, туманных (и засоренных, подчас реакционными предрассудками) мечтаний о борьбе, а не в ее ходе и разгаре или подготовке. Мелкий производитель, задавленный мещанством, уже бегущий от него, уже ненавидящий его, не дошел еще до такой степени каления, как, скажем, он дошел во время заговора Бабефа: он только не приемлет капитализма, не приемлет мещанства. А мы знаем, что класс, обездоленный в жизни, но не решающийся еще вступить в прямую борьбу за место под солнцем, склонен в области художественного творчества к романтизму, к мечте о другой жизни: «я хочу того, чего не бывает; чего не бывает, того я хочу»... Этого достаточно, чтобы понять происхождение корней романтизма в творчестве Горького.

Когда-то Маркс говорил про Германию 40-х годов, что она страдает не только от развития капитализма, но и от недостаточности этого развития. Мысль Маркса облегчает анализ российской действительности 80-х и 90-х годов. Приложив формулу Маркса к России, Ленин установил, что недостаточность ее капиталистического развития привела к широкой распространенности в ней отсталых, «азиатских», как выражался Ленин, форм капитализма. Вместо фермера—кулак, вместо цивилизованного купца—торгаш Колупаев или Разуваев, вместо фабрики или завода с высокой техникой—мелкое предприятие. Такие азиатские формы капитализма способствовали сохранению засилья дворянской ренты и политического господства помещичьего класса с самодержавным царем во главе.

Само собой разумеется, что можно быть сторонником капиталистической экономики и в то же время горячо протестовать против «азиатских» форм капитализма. Такие люди стоят за так называемый «упорядоченный капитализм».

Можно считать стоящим вне спора тот факт, что так называемые декаденты и символисты конца XIX и начала XX века в основе своего творчества были вдохновляемы и направляемы жаждой насаждения в России упорядоченного капитализма и ненавистью к мещанской разуваевско-колупаевской стихии. Эта школа быстро выдвинулась в первые ряды русской литературы.

Каково же было отношение к ней Горького?

Мы уже видели, что в первый период своей литературной деятельности («босячество») Горький выступил с апологией, с одной стороны, крайнего индивидуализма, а, с другой стороны, с утверждением романтизма, как такой художественной школы, которая не приемлет действительности (в самом деле, не мог же Горький «приять» наш азиатский капитализм!), а «творит легенду» о новой жизни и новых людях. Теперь мы можем прибавить третий штрих, характеризующий тогдашнее творчество Горького, это—момент призыва к борьбе, к разрушению старого.

Какие общественные слои, какие группы давали нам в то время что-либо подобное? Конечно, Бальмонт, Брюсов и другие символисты, которые,—скажем забегая вперед,—в большинстве своем оказались впоследствии в лагере кадетизма, тоже проповедывали индивидуализм и романтизм, но были ли они революционерами? Если называть революционным такое течение, которое хочет низвергнуть капитализм во имя социализма, или организовать массы для насильственной революции, то, конечно, символисты не были революционерами; но если иметь в виду, что их направление хотело искоренения азиатских форм капитализма ради утверждения упорядоченного капитализма, то в известном, строго условном, буржуазном смысле оно может быть названо революционным.

Что же сближало символистов с Горьким? Не надо забывать, что в первом периоде своей деятельности Горький не утвердился еще окончательно на идее социализма. Еще по целому ряду признаков можно видеть, что он колеблется между двумя путями: взять ли курс на упорядоченный капитализм, или взять курс на социализм. Уже этот один факт показывает, что Горький отражал стихию мелкого товаропроизводителя, ибо мелкий товаропроизводитель на протяжении всей своей истории колеблется между пролетариатом и буржуазией. Все дело в том, кто его поведет. Горький, в период босячества, ясно отражал колебания этого промежуточного слоя, уже бунтарского, уже оправившегося после поражения своих старших братьев, но еще не решившего окончательно вопроса о своей ориентации: социализм, хотя бы через этап упорядоченного капитализма, или только упорядоченный капитализм? До какой же черты? С кем?

Если вы вспомните историю 90-х, даже, пожалуй, уже конца 80-х годов, то вы заметите одно чрезвычайно интересное явление. Его можно характеризовать так: идет процесс эмансипации определенных общественных групп от гегемонии народничества. Вспомните, что 60-е, 70-е и отчасти 80-е годы, если взять их легальную и нелегальную журналистику и беллетристику, характеризуются непоколебимой гегемонией народничества со всеми его символами веры: художественный реализм против романтизма, хотя бы левого; «учительная», тенденциозная литература—против «искусства для искусства»; против идеализма—материализм, либо позитивизм; против религии и мистики—наука и т. д., и т. п. Может показаться странным, почему народничество в общем стоит за художественный реализм, а не за романтизм. Разве оно «приемлет» действительность? Но надо вспомнить, что Михайловский говорил: «В России социализм—вопрос консервативный», т.-е. в России в первую голову надо сохранить общину. И вот эту-то действительность с общиной и артелью, с народным производством народничеству нельзя было не «приять», и отсюда его симпатии к школе художественного реализма, хотя

нельзя и отрицать существования уклонов в сторону романтизма (Златовратский и др.).

Но вот стали появляться иные люди. Начиная с Акима Волынского, продолжая декадентством, они принесли, по закону классовой противоположности, новые скрижали: долой позитивизм и материализм, долой реализм, долой тенденциозную литературу, долой монополию науки, да здравствуют иные «ключи» для познавания тайн» (вспомните брюсовские «Ключи тайн»)...

Это в области идеологии выступали на русскую арену первые отряды буржуазии, окрепшей к этому времени. Они расшатывали устои народничества, чтобы вырвать из-под его влияния народные массы и попытаться повести их за собой. Позднее все эти группы политически оформились в кадетский либерализм.

Что сближало Горького с этими группами? Его сближало в этот момент следующее обстоятельство: хотя он и был идеологом мелкого товаропроизводителя, но, главным образом, городского; деревню в то время он ненавидел, он называл ее детей «темной, обнищалой деревенщиной». Возьмите рассказ «Челкаш», где все симпатии Горького на стороне вора Челкаша, а мужик Гаврила антипатичен Горькому. В знаменитом рассказе «Вывод» он тоже самым решительным образом настроен против деревни. Нетрудно об'яснить это распределение симпатий у Горького. Исторически известно, что на известной стадии капитализм легче приспособляет к себе деревенскую мелкую буржуазию (высокими ценами на с.-х. продукты, ростом ренты и т. д.), чем городского товаропроизводителя. Говоря о деревне, Горький в тот период видел прежде всего эту мелкую и мельчайшую буржуазию, а не сельского паупера, которого он заметил много позднее. Таким образом, мы видим, что еще один момент, а именно: урбанизм,—сближает Горького с символистами и отводит его в сторону от народничества.

Итак, для первого периода творчества Горького в высшей степени характерна эта черта—призыва к борьбе. Здесь он определенно опережает тот слой, от имени которого говорит. Этот слой еще не раскачался, а «буревестник» уже на посту. Бороться ли за упорядоченный капитализм, или за социализм, еще не ясно,—но только прочь от мещанства, прочь от этой атмосферы затхлого азиатского капитализма, который полностью проявляет свои отрицательные стороны, не являя ни одной из тех положительных черт, какие можно констатировать на стадии упорядоченного капитализма. Но, призывая к борьбе, Горький в то же время понимает, что представляемый им слой не может бороться один, без союзников. Вот здесь именно мы и переходим ко второму этапу деятельности Горького.

Он уже, видимо, задумывается над тем, что та группа, которая была в то время к нему близка, группа символистов, представляет собой и отражает в литературе такой слой, который может предать дело борьбы. Как бы ни были малы цели этого слоя,—упорядоченный капитализм,—но даже в пределах этих целей можно быть последовательным и непоколебимым до конца, но можно пойти на тот или иной компромисс со средневековой азиатчиной. Непоследовательность, соглашательство русского либерализма открывают глаза Горькому. Он теперь как бы ставит такую проблему: надо пойти посмотреть, изучить, чего же хочет, насколько надежен тот или другой союзник. Горький так и поступает. Именно, примерно, с 1901 г. он бросает своих босяков и идет в другие социальные пласты. Подобно Эмилю Золя, для которого искусство было средством решения определенных научных проблем, он откровенно и заранее ставит своему художественному творчеству известные задачи. Публицист становится рядом с художником. Горький пишет такие вещи, как «Фома Гордеев» и «Трое» и др., из которых и делает вывод, что

буржуазия не спасет, предаст, что она не верный, не надежный союзник, что она не доведет борьбы даже до упорядоченного капитализма.

Но если ненадежна буржуазия, то не спасет ли интеллигенция: ведь она плоть от плоти этого мелкого, разоряющегося товаропроизводителя? Однако, Горький приходит к выводу, что и она не спасет. Возьмите его драмы: «Мещане», «Дачники», «Дети солнца». Эти драмы можно разбить на две группы. И в той, и в другой изображается интеллигенция, гнилая, далекая от социальной борьбы, забывшая и предавшая своих отцов и братьев из рядов мелких товаропроизводителей, но в одних драмах автор рисует интеллигенцию, которая все же стремится к каким-то духовным ценностям — науке, искусству (напр., Протасов из «Детей солнца»); в других—изображены те, кто целиком тянется только за дешевеньким мещанским благополучием. Это—«Дачники», «Мещане». Горький приходит к выводу, что как те, так и другие—с духовными ценностями и без них—одинаково омерзительны и отвратительны. Когда-то Глеб Успенский сказал, что буржуазия, это—акула. Но, добавил он, эта акула никого бы не проглотила, если б в ее пасти не было «острых двухдвугривенных зубов», которые и помогают акуле хватать и заглатывать добычу. Интеллигенция,—сказал Успенский, это и есть «двухдвугривенные зубы». Разумеется, экономически роль интеллигенции и состоит в том, что она помогает буржуазии организовать аппарат по выкачиванию из рабочего прибавочной стоимости. Этот факт из политической экономии Горький переложил на язык художественных образов. Он констатировал, что интеллигенция, получая от буржуазии или ее государства изрядные блага за организацию выкачки прибавочной стоимости, — в силу такого своего положения в процессе производства должна была отвернуться от своих отцов и братьев, бросив их в ту минуту, когда они так нуждались в руководителях и союзниках в виду начинающейся новой полосы борьбы.

Констатировав эту измену, поэт заключил: «Ненавижу, презираю, проклинаю». Именно такой уничтожающий приговор интеллигенции произнес тот самый автор, который через каких-нибудь 12—15 лет обзовет гуннами, варварами, злодеями тех, кто, по его мнению, в 1917 году начнет уничтожать «красоту нашей жизни» — интеллигенцию. Так «колебнулся» Горький от проклятия к благословению. Но ко времени первой русской революции у Горького складывалось убеждение в том, что ни на буржуазию, ни на интеллигенцию нельзя рассчитывать, как на союзников.

Казалось бы, что, отвернувшись от буржуазии и интеллигенции, Горький должен был бы обратиться к изображению п р о л е т а р и а т а, его борьбы, настроений и переживаний тем более, что лично Горький уже с 1901 года был очень близок к социал-демократической партии, будучи ее членом. Но интересно, что к изображению пролетарского движения он обратился тогда, когда оно уже в сущности было разгромлено. В самом деле, его «Мать» писалась и печаталась уже в 1907 г. А это произведение было первым, вплотную подошедшим к изображению рабочих и их движения. Почему такое запоздание? Не потому ли, что понадобился опыт 1905—1907 гг., касающийся позиции российского либерализма, чтобы окончательно подтвердить самые худшие ожидания Горького от буржуазии и ее интеллигенции? В своей статье «Разрушение личности», написанной в 1908 г., наш автор с огромной горечью писал: «Политические эволюции г. Струве невольно заставляют вспомнить эволюцию Льва Тихомирова». Теперь мы знаем; что оба эти ренегата кончили одинаково—полной капитуляцией перед монархизмом и азиатски-квасным патриотизмом.

Горький—надо отдать ему справедливость—видел и чувствовал всю гнусность этой эволюции, и ему оставалось теперь, как художнику, обратиться к пролетариату. Но надо признаться, что здесь он не имел художественного успеха. Как бы ни был велик тираж «Матери», как бы ни любили

этот роман читатели из европейского и американского рабочего класса, приходится согласиться с большинством критиков, что Горький, как художник, не справился со своей задачей. Он дал иконопись, а не художественное произведение.

Плеханов высказал это со свойственной ему резкостью: «Неудачны те произведения Горького, в которых силен публицистический элемент, например, очерки американской жизни и роман «Мать». Очень плохую услугу оказывают ему люди, побуждающие его выступать в ролях мыслителя и проповедника; он не создан для таких ролей». Плеханов находил, что Горький «сам крайне плохо переварил ту истину, которую несет миру пролетариат... Если бы он хорошо переварил названную истину, то его американские очерки были бы написаны в другом духе: и х а в т о р н е в ы с т у п а л б ы п е р е д н а м и в в и д е н а р о д н и к а, п р о к л и н а ю щ е г о п р и ш е с т в и е к а п и т а л и з м а».

Нельзя согласиться с Плехановым, будто все горе Горького заключается в том, что он не усвоил марксизма, как теории. Плеханов очень часто грешил рационалистической постановкой вопроса. Вспомните хотя бы его суждения о Чернышевском, по которым выходило, что воззрения Чернышевского определялись не интересами и идеологией той социальной группы, к которой он принадлежал, а просто незнакомством с той или иной книгой. Ту же ошибку Плеханов делает и по отношению к Горькому. Но в одном он безусловно прав: чрезвычайно тонко его указание на то, что Горький выступает «в виде народника», громящего капитализм. Для тех, кому ясно, что Горький—выразитель настроений разоряемого капитализмом и его бешено ненавидящего мелкого товаропроизводителя,—брошенное мимоходом замечание Плеханова свидетельствует о его громадном чутье. Неудача «Матери» и американских очерков должна быть об'яснена тем, что Горький, превосходно знакомый с психологией промежуточных слоев и близкий им по духу, — был чужд типично-рабочей среде, не знал и не понимал ее. И если все же известные слои пролетариата ценят «Мать», то это естественно в той мере, в какой не все пролетарии порвали ту пуповину, которой они связываются со средой, их породившей.

Вскоре после своей эпопеи «Мать» Горький пишет «Исповедь» (1908 г.), вещь, за которую его жестоко и беспощадно раскритиковал Плеханов, напавши на «богосочинительство» нашего автора. Несколько позднее Ленин писал Горькому, обсуждая ту же тему: «Выходит, что вы против богоискательства т о л ь к о ради замены его «богостроительством»... Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего... Всякий боженька есть труположество»... Характерно, что действующими лицами «Исповеди» являются не чистокровные пролетарии, а мелкие товаропроизводители, полупролетарии, плотники, маляры и т. д. Они очень склонны выслушивать богостроительные проповеди, а вот представитель подлинного пролетариата заводский слесарь Петр Ягих говорит племяннику: «Ты, Мишка, нахватался церковных мыслей, как огурцов с чужого огорода наворовал, и смущаешь людей».

Вспомните, что после разгрома «Народной Воли» известные слои мелкого товаропроизводителя выдвинули такие религиозные течения, как толстовство. Разгром 1906—1908 г.г. вызвал в известных рядах расширенное воспроизводство религиозных настроений. Стоит ли говорить, до какой степени это типично для мелкого товаропроизводителя? В его глазах действительность дала ужасающие итоги: буржуазия изменила, интеллигенция тоже, пролетариат оказался слабым. На что надеяться, на что положиться? Это была полоса страшной растерянности, распада общественных связей. И вот Горький провозглашает устами своего старца Ионы: «Богостроитель это

суть народушко! Неисчислимый, мировой народ... Он есть начало жизни единое и несомненное». Но что же такое бог, что надо строить? И Горький отвечает: «Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Итак, заметим, что, глашатай индивидуализма в первый период своего творчества, Горький в эту эпоху поднимает голос за обуздание индивидуализма (Пусть он называет его зоологическим, это не введет нас в заблуждение!). Вот диапазон колебаний мелкого товаропроизводителя. Верящий в свои силы и свою победу, он поет осанну своему индивидуализму. Оставленный, преданный буржуазией и интеллигенцией, не доведенный до победы пока еще слабым пролетариатом,—он сразу же с'еживается и осуждает собственное «я». Кроме того, он, высказывавший свое презрение «темной, обнищалой деревне», ставит теперь последнюю ставку на своего деревенского собрата. В повести «Лето» Горький изображает пропагандиста, который ушел в деревню для политической работы. По свидетельству Горького, этот революционер имел среди крестьян колоссальный успех. Итак, свет из деревни, с ее помощью придет победа! Может показаться, что этот вывод не что иное, как типичное ленинское положение о демократической революции в России, как революции крестьянской. По крайней мере, в такую ошибку впал когда-то (в 1908 г.) тов. Луначарский. Он писал: «Отнюдь не примыкая к мутной путанице эсэрства, мы можем и должны стоять на той точке зрения, что влияние пролетариата на народные массы—не пустой звук, а явление первейшей важности. Его-то и изображает Горький в «Исповеди». Но дело как раз в том, что прав не Луначарский, а вышецитированный слесарь Ягих: дело у Горького—не в просветляющем влиянии рабочего класса на широкие массы промежуточных слоев, а в растворении пролетариата в «народушке».

Пролетариат, по тогдашним настроениям Горького, как художника, не являлся еще гарантией победы. Недаром много позднее, в 1917 г., Горький, вспоминая первую революцию, сказал: «Момент требует величайшей осторожности в решениях... Нам не нужно забывать роковых ошибок 1905—1906 гг.».

По чьему адресу сказаны эти жестокие и несправедливые слова? Не по адресу кадетов и меньшевиков, ибо им нечего было бы напоминать о «величайшей осторожности». Злое слово вырвалось по адресу тех, кто, увлеченный пылом борьбы, пал не вследствие мнимых ошибок, а исключительно из-за недостатка собственных сил, да еще из-за колебаний и измены других.

Обращение к богостроительному опиуму было крайне типичным для того общественного слоя, выразителем которого является Горький. Когда-то Тургенев сказал, что некоторые люди бывают охвачены «экстазом», но «это экстаз, свойственный всем скептикам, которым скептицизм надоел». Богостроительный экстаз Горького, как две капли воды, походил на только-что упомянутый тип экстаза. В истории передовых отрядов рабочего класса мы не находим ни таких колебаний, ни такого «скептицизма», ни такого «экстаза». Вспомните Ленина, как фигуру, олицетворяющую собой слои пролетариата с завершенным классовым самопознанием. Разбитый в боях 1905—1908 г.г., он не сдал ни одной пяди своих идейных позиций; как новый Галилей, он смотрел на мертвую, окровавленную землю революции и воскликнул: «А все-таки она движется!» И уверенный в силах своего класса, повторял вслед за Чернышевским: «Будь, что будет, а будет на нашей улице праздник».

Но не долго держался у Горького богостроительный угар. «Народушко»,—это «начало жизни единое и несомненное», сам по себе, не взбодренный сознанием и водительством пролетариата, еще только собиравшего

свои силы после поражения в первой схватке,—не подавал признаков жизни. И глубокий, безысходный пессимизм охватил Горького, как художника. В эту именно эпоху он написал такие строки: «Мы, Русь,—анархисты по натуре, мы—жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь—ядовитое наследие татарского и крепостного ига, что тоже правда. Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского человека—кровью плачешь, а ругаешь, ибо он, несчастный, дал и дает право лаять на него тоскливым собачьим лаем, лаем собаки, любовь которой недоступна, непонятна ее дикому хозяину, тоже зверю. Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и в то же время непонятно добродушный,—в конце всего—это талантливый народ». Зверь и раб, но талантливый. Чувствуется, что Горький словом «талантливый» хотел дать «народушке» индульгенцию,—но кого она может утешить? Зверь и раб—вот рубцы, которые остаются, несмотря ни на что.

В творчестве Горького, таким образом, начинается новая полоса. Он становится бытописателем окуровской Руси. «Городок Окуров», «Матвей Кожемякин», «Детство», «В людях» и др.—вот наиболее крупные вещи этого периода.

Один из критиков Горького, меньшевик Р. Григорьев, высказал полнейшее благословение новой манере Горького. Наконец-то,—сказал он,—вместо романтических вымыслов и лжи («Мать», «Исповедь», «Лето») Горький стал рисовать Русь такою, какою она есть на самом деле,—наконец-то он стал говорить правду. Здесь крайне интересно сказать два слова о раздвоенности Горького в этот период. Он выступал и как публицист и как художник. Как публицист, как член социал-демократической партии, он старался быть верным партийной идеологии и программе. Как художник, он был целиком во власти тех переживаний, которые надо искать, может быть, уже за «порогом сознания». Вы знаете, как часто встречается у писателей подобная раздвоенность. Например, в посмертной драме Льва Толстого «И свет во тьме светит» бессознательные симпатии художника на стороне не толстовца Сарынцова, а его жены, с ним полемизировавшей.

В статье «Разрушение личности» (1908 г.) публицист Горький пишет: «Несмотря на слабость материала, капиталистическое общество держится крепко... Держится потому, что еще не испытало стройного напора враждебных ему сил». В заметке «о цинизме» (1908 г.) читаем: «Миллионы глаз горят радостным огнем, всюду сверкают молнии гнева, освещая веками накопленные тучи глупости и ошибок, предубеждений и лжи; мы—накануне праздника всемирного возрождения народных масс... Признаки возрождения человечества—ясны, но «люди культурного общества» якобы не видят их, что, впрочем, не мешает мещанам чувствовать неотразимую близость мирового пожара... Жизнь растет, и современное общество ощущает «судороги почвы под ногами своими».

Диву даешься, когда вспомнишь, что автор, писавший эти строки в 1908 г., всего только через 9 лет, когда на самом деле пришел «мировой пожар» и начались «судороги почвы», не узнал и не благословил их. В чем же дело? Нам думается, в том, и только в том, что публицист Горький не ясно подслушал то, что происходило в глубинах души художника Горького. А в этих глубинах нарастал раз'едающий скептицизм, который говорил: нет, не окуровской Руси, не Руси мелких буржуа, грызущихся между собою, начинающих дифференцироваться на эксплоатирующих и эксплоатируемых, не ей, темной и забитой, не этой Руси свершить подвиг, о котором мечтает публицист. Противоречие должно было быть преодолено, и Горький преодолел его в 1917 году тем, что внял не публицисту 1908 г., а художнику и бытописателю окуровщины. Позвольте привести вам один знаменательный разговор из «Окурова».

Яков Тиунов говорит: «Что же Россия? Государство она, бессомненно, уездное. Губернских-то городов — считай — десятка четыре, а уездных — тысячи, поди-ка! Тут тебе и Россия!» Ему возражают: «Ну, а примерно, Москва?» — «Что же Москва?—медленно говорит кривой Тиунов, закатив темное око свое под лоб.—Вот, скажем, на ногах у тебя опорки, рубаха — год не стирана, штаны—едва стыд прикрывают, в брюхе—как в кармане—сор да крошки, а шапка была бы хорошая, скажем—бобровая шапка. Вот те и Москва!»

Чрезвычайно интересно, что меньшевик Григорьев, цитируя это место, постарался сразу же поставить точки над и. «Итак,—сказал он,—большой город, капиталистическая культура—у нас только «бобровая шапка» на безпортошном». И чтобы не было никаких сомнений, тот же автор толкует горьковскую хронику, как «предостережение художника политическому утопизму». «Не увлекайтесь-де поверхностной видимостью, прекрасной пеной явлений... Не забывайте, что «Москва» только бобровая шапка на голове полуодетого нищего, что за тонким слоем этой «Москвы» лежит тяжелой, нетронутой, способной все раздавить глыбой—окуровщина».

Конечно, прав, по своему, Григорьев. Как меньшевик, он с достаточной ловкостью использовал горьковское оружие и совершенно правильно нащупал корни позднейшей горьковской полемики против людей 1917 г., когда Горький еще раз колебнулся к мнимому реализму против мнимого политического утопизма.

Тут мы переходим к проблеме лжи, чрезвычайно характерной для Горького. Но мы возьмем ее не в психологическом, а в социальном разрезе. Таким образом, для нас проблема лжи превратится в проблему утопизма.

Горький чрезвычайно часто возвращается к этой проблеме. Вспомните его «Чижа», который лгал и «Дятла», любителя истины. Вспомните Луку в пьесе «На дне», «Проститутку», которая пишет письма несуществующему Болесю. Вспомните, наконец, что Горький воскресил в нашей памяти забытое стихотворение Беранже: «Если к правде святой мир дороги найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой».

Лука в пьесе «На дне» рассказывает: жил-был один человек; он верил, что где-то существует праведная страна, где, он точно не знает, но существует наверное. Но пришел однажды к нему ученый человек с географической картой и сказал: «Вот ты мечтаешь о праведной земле. Где же она? Возьми карту и покажи, где же твоя праведная земля на этой карте? Вот Испания, вот Англия, это Палестина. А где же твоя земля?» И увидел мечтатель, что нет на карте праведной земли, пошел и удавился. Какой смысл этой глубоко трогательной легенды?

Я попрошу вас вспомнить великую борьбу индивидуализма с социализмом, буржуазии с пролетариатом.

Кроме виселиц, расстрелов, подкупов и клеветы, буржуазия выдвигала и идейных борцов: вспомните Спенсеров, Ренанов... Разве это не те «ученые с картой», которые, опираясь на позитивизм в науке и философии, критиковали наши «утопии»? Не говорил ли вкрадчиво Спенсер: «Мечтатели, разве из свинцовых инстинктов человека можно выковать его золотое поведение?» Разве не говорил Ренан, что, изгнав метафизику из наук о природе, надо изгнать ее и из обществознания?..

И годами распространялся великий софизм об утопичности социализма, о несогласованности его с точной наукой.

Но пролетариат, демиург нового общества, идейные доспехи которому выковал Маркс, не смущался, не уходил, чтоб надеть петлю. Напротив, усвоивши положение, что действительность развивается диалектически, он твердо знал, что утопия сегодняшнего дня есть действительность завтрашнего. Для него не существовало проблемы лжи, как проблемы «социального мифа».

Напротив того, мелкий товаропроизводитель, который хотя и ненавидит капитализм, но хотел бы свергнуть его во имя прошлого экономического уклада, к тому же слишком идеализируемого, — весь в плену социальной утопии; да, подлинной утопии, ибо здесь правы и Спенсер, и Ренан и др., что нельзя повер нуть назад колесо истории в сторону мелкого производства.

Если не верить в пролетарский социализм, но в то же время ненавидеть капитализм, то есть только два выхода: либо в петлю, либо в сторону социального мифа на манер Сореля. Но, конечно, в том лишь случае, если не пойти вперед под влиянием пролетарской идеологии.

Ленин говорил в 1917 г.: народные массы куда левее своих тогдашних «вождей»—Церетелли и Черновых.

И, действительно, Октябрь показал нам, что когда пролетариат двинулся в бой, построив свои железные батальоны, он увлек за собой—от Церетелли и Черновых—несметные массы разоренного мелкого товаропроизводителя. Он сумел использовать их ненависть к угнетателям, их большую разрушительную силу, потому что они с ней, главным образом, пришли в революцию. Основы положительному строительству дал, конечно, пролетариат, но и здесь он ведет за собой эти массы.

Мы ценим, любим Горького потому, что он плоть от плоти этих слоев, неслыханные страдания которых толкнули их в сторону их авангарда-пролетариата. Мы вдвойне ценим его за те усилия итти в ногу с пролетариатом, которые мы видели со стороны Горького на протяжении его жизни и деятельности. Пусть колеблется лично Горький, этот честнейший писатель, наиболее плотно примкнувший к пролетариату, пусть благословляет сегодня то, что бранил вчера, пусть будет бранить завтра то, что хвалил сегодня, тем не менее он будет с нами, потому что он выразитель и идеолог этих промежуточных слоев, этих гигантских пластов трудящихся масс, а они идут с нами, они сплачиваются с пролетариатом все теснее и теснее; в их идеологии все чаще звучат мотивы, родственные пролетариату.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

КИТАЙСКИЕ НЕУВЯЗКИ.

А. Ивин. «Письма из Китая». «Московский Рабочий», 1927 г. Цена 1 руб. 35 коп.

Полезно бывает оглянуться в недалекое прошлое. Перечитывая, хотя бы по сжатым корреспонденциям тов. Ивина, историю китайской революции 19—24 гг., можно не только освежить в памяти ряд событий, оказавших иногда решающее значение для дальнейшего хода, но и заодно можно проследить те этапы, по каким шло и развивалось представление о Китае, его политических группировках и отдельных деятелях и общих задачах китайской революции как у автора, так и, частью, у широких слоев нашей партийной и советской общественности. Перечитывая «Письма», относящиеся к периоду 19—24 гг., невольно останавливаешься иногда перед некоторой примитивностью формулировок, иногда перед явной устарелостью или неправильностью оценки, иногда же наталкиваешься на факты, которые независимо от руководивших автором мотивов приобрели впоследствии, в свете дальнейших событий новый и неожиданно яркий смысл. Не приходится говорить о том, что многие оценки полностью оправдались и сохраняют свое непосредственное, а не только историческое, значение до настоящего времени. Есть, наконец, ряд моментов, которые не будучи достаточно отчетливыми сами по себе, дают, однако, материал или зацепку для дальнейшей разработки, вызывают ряд вопросов, на которые появляется желание поискать ответ в других источниках или в других фактах китайской революции за пределами этой книги.

В этом смысле издание корреспонденций тов. Ивина дает довольно ценный материал. Это значение усиливается вследствие того, что, помимо своей эрудиции и знания обстановки, автор считался с интересами советско-партийного читателя. Нам хотелось бы отметить в «Письмах» некоторые места, которые оказываются неувязанными с точкой зрения партии и с нынешней ее тактикой, которые явно опровергнуты ходом событий, а также те, которые наводят на мысли, ищущие ответа за пределами книги.

Прежде всего бросается в глаза основная установка автора:

«Китайская республика находится лишь в периоде перехода от своеобразного феодализма к капитализму и федералистическому строю... Могучее стремление создать единое политическое целое, отстоять свою независимость и в то же время использовать опыт Запада в своем строительстве новых политических и социальных форм— вот что составляет отличительную черту Китая, что заставляет говорить о современном моменте, как о периоде возрождения».

Как далека сейчас от нас эта установка! О перспективах перерастания демократической революции в социалистическую, о советской системе — ни слова ни здесь, ни на всем протяжении книги. Непонятно, между прочим, почему автор выдвигает здесь понятие «федерации», что находится в заметном противоречии к его собственным словам, высказанным в другом месте книжки. Ссылаясь на тысячелетнее прошлое Китая, автор говорит, что «центростремительные силы всегда брали в конце концов перевес... с

уверенностью можно сказать, что и на этот раз центростремительные силы возьмут верх и об'единение Китая произойдет в сравнительно недалеком будущем».

Почему Китай, централизованный при феодальной монархии, должен вдруг стать федеративным при капитализме, центростремительные силы которого должны, казалось бы, быть покрепче гнилых шнуров Манчжурской династии? Автор этого не раз'ясняет, и поэтому его замечание о федеративном будущем Китая носит поверхностный характер.

Сравнительно мало разработан также вопрос о китайском феодализме и его «своеобразии». Как известно, одним из характерных для феодализма признаков является сочетание двух моментов: военной службы и земельной собственности. И вот интересно было бы выяснить, в какой мере сохранились в Китае феодалы в этом смысле слова и в каких размерах и формах сохранились там феодальные виды собственности. В частности, следовало бы более точно выяснить вопрос, подходят ли под понятие феодалов китайские дубани, вышедшие из простонародья и далеко не всегда владеющие землей, или же владеющие ею на началах, близких к капитализму. Нельзя ли этих дубаней также квалифицировать по различным категориям и рассматривать их в целом или частично не как феодалов, а как кондотьеров буржуазного типа, вырастающих в обстановке своеобразного «первоначального накопления»?

Очерчивая роль отдельных классов в китайских событиях, автор на первый план выдвигает буржуазию и буржуазную интеллигенцию (студенчество и пр.). Роль пролетариата отмечена лишь во вторую очередь. О крестьянстве же не упоминается ни слова. И лишь в конце книги в одной из позднейших корреспонденций оно появляется на сцену. Даже говоря об интеллигенции автор сетует на «экстремизм» наиболее передовых элементов китайской общественности. Порицает их за боязнь «буржуазной скверны» и подчеркивает необходимость самого «тесного союза» с китайской общественностью для страны, «которая желает вести в Китае действительно реальную политику».

«Каждый наш шаг, каждое наше мероприятие по отношению к Китаю должны быть предварительно исследованы с точки зрения того, как они могут отразиться на судьбах этого союза (с китайской буржуазной общественностью. *Г.*), от которого в известной степени зависит не только наше будущее, но и будущее Китая, а следовательно, и Азии» (разр. наша. *Г.*).

Союз революционных масс с буржуазией в китайской революции носил временный, преходящий характер и известно, что уже в 1927 г. достаточно выявилось, что не только о «тесном», но и вообще ни о каком союзе с той китайской «общественностью», какую имел в виду автор, говорить не приходится. Вытекает ли отсюда, что до сих пор мы не хотели вести в Китае «действительно реальную политику» и допускали шаги, «которые отразились на судьбах» этого союза? У всякого внимательного читателя возникнут эти вопросы к автору при чтении книги, хотя и составленной из старых корреспонденций, но выпущенной в 27 году со свежими почтовыми штемпелями на оригинальной обложке.

Отмеченные тезисы, взятые из первых корреспонденций, в разных вариациях повторяются и в дальнейшем. Так, на стр. 19. автор иронизирует над китайскими интеллигентами, которые

... «чувствуют себя так, как будто они живут не в стране, находящейся в преддверии капитализма, а в стране, уже совершившей прыжок «из царства необходимости в царство свободы». Само собой разумеется, что во всем этом заключается большая доля иллюзий, утопичности. Говорить о свободе творчества, о возможности успеха социаль-

ных экспериментов, значит не считаться с об'ективной действительностью, забывать, что Китай находится в империалистском окружении, а главное, что как бы «разумны» ни были идеи, одной «разумности» далеко недостаточно для их воплощения в жизнь даже в Китае» (разрядка наша. *Г.*).

Правда, далее выдвинуто положение, что, «если Китай должен будет перевариться в фабричном котле, то эта варка благодаря присутствию пролетарских организаций будет носить «несколько иной» характер, чем это было в европейских странах». Но эта оговорка не меняет основной установки, согласно которой Китай находится в «преддверии капитализма», в стадии «становления» (буржуазной государственности). Руководящими силами этого процесса отрекомендованы буржуазия и буржуазная интеллигенция при участии, на втором плане, рабочего класса. В общем автор отвел китайской революции гораздо более узкую базу, чем та, которую занимает хотя бы кемализм в Турции. Не говоря уж об отсутствии крестьянства, совершенно не отмечено различие между двумя слоями буржуазии,— одного, связанного с внутренним рынком и потому более независимого от империалистического влияния, и другого, связанного с рынком внешним (компрадоры и др.). В Китае автор подобного расчленения в период составления корреспонденций не усмотрел. Между тем, оно имеется, не говоря уже о Китае, почти во всех восточных странах, переживающих этап колониальной революции (кемалисты и иттихадисты в Турции, свараджисты и модераты в Индии, вафдисты и либералы в Египте и т. д.). В качестве основной революционной силы выдвинута буржуазия, даже без оговорки о компрадорах и без предупреждения об условном и временном характере этой роли. «Социалистические эксперименты», «экстремизм» презрительно осуждены без детальной формулировки и аргументации. Об аграрной революции и крестьянстве вначале не говорится совсем, и лишь в главе о Кантоне отмечено, что успех Гоминдана зависит от того, сумеет ли он привлечь на свою сторону крестьянские массы в Гуандуне. Эта корреспонденция, однако, одна из последних, написана уже в 24 году. Т.-е. автор пришел к мысли об аграрной революции в Китае лишь после 5-ти лет своей корреспондентской работы, несмотря на многолетнее до тех пор свое пребывание в Китае, и то вначале выдвинул аграрное движение лишь в качестве подсобного для буржуазии фактора.

Какой контраст с последующими работами! В книге «Красные Пики» (выпущена тоже в 27 году) мы не находим и следа от процитированных установок. Аграрная революция уже выдвинута на первый план. И совершенно задвинуты все национально-освободительные моменты китайской революции. В предисловии к книге «Красные Пики» (от 26 апреля 26 года) точка зрения автора формулирована в следующем:

«Советская революция в Китае—это аграрная революция плюс об'единение Китая правительством, опирающимся на революционную армию, социалистически настроенную часть китайской интеллигенции, а главное на рабочие и крестьянские массы... Это значит решительно вступить на путь социалистического строительства».

Итак, в «Письмах из Китая» «преддверие капитализма», «опыт Запада», буржуазия в «союзе с интеллигенцией», «утопичность социальных экспериментов», а в предисловии к «Красным Пикам» «аграрная революция»— «путь социалистического строительства», «советская революция». Амплитуда не малая. Будучи об'яснима сама по себе, в свете диалектики последних событий она все же чувствительно колет глаза. У читателя, естественно, рождаются вопросы, почему автор, переиздавая старые статьи при лучах новой обстановки, не сделал хотя бы в сносках соответствующих пояснений, указав на ошибочность или, по крайней мере, изжитость своей прежней точки зрения. Ссылаться на то, что прежний этап, намеченный в 19—24 гг., уже пройден, нельзя, так как процесс предстоял по предсказаниям автора, длительный и ни одна из поставленных целей (об'единение, национальное освобождение и т. д.) буржуазией достигнута не была. И, следовательно, либо первоначальная установка обладала каким-то существенным из'яном, и от нее нужно отмежеваться, либо она была правилна, и надо запастись терпением и ожидать ее осуществления. Но в этом последнем случае примирить ее с новой установкой как-будто бы затруднительно. Автор обязан был бы в той или иной форме дать об'яснение вышеотмеченным противоречиям, не ожидая недоуменных вопросов читателей.

* * *

Есть в «Письмах» еще недоговоренности и неувязки с последующими событиями.

Так, остается нераз'ясненным вопрос о природе китайского милитаризма. Об этом приходится тем более сожалеть, что в свое время автор выпустил на эту тему немало статей на столбцах нашей периодической прессы. Между тем, эти статьи в разбираемую книгу не вошли, и в последней можно найти лишь частичные отрывочные ответы на этот вопрос. Так, на стр. 40 отмечается тенденция сращения военщины с буржуазией, процесс обуржуазивания милитаристов.

«Налоги... идут на покупку земельных поместий, вкладываются в предприятия, банки, иностранные и китайские займы... Могущество штыка начинает подкрепляться могуществом доллара... В этом отношении биография Чжан-Цзо-Лина является весьма характерной». Эти указания на буржуазную природу милитаристов отчасти подкрепляются сообщением о том, что Сун-Ят-Сен мыслил борьбу за республику против милитаристов путем союза с самими милитаристами, выступал с предложением общего замирения между ними и сближался не только с тогдашними так называемыми «революционными» генералами, но даже с такими, как Чжан-Цзо-Лин и Дуань-Цзи-Джуй. Правда, автор говорит об том с оттенком осуждения, но мысль остается не разработанной, и ощущение читателя не проясняется. Вопрос особенно запутывается, если помнить, что в 26—27 гг. тот же тов. Ивин в пространных корресподенциях в «Правде» обосновывал именно целесообразность союза Гоминдана (тогда еще революционного) с так называемой «народной армией» Фын-Юй-Сяна. Дальнейшие события доказали, что сотрудничество с генералами до известного периода революции себя оправдало (Северный поход). Если так, то следует ли осуждать Сун-Веня, искавшего точку опоры в милитаристах, с принципиальной точки зрения? Не следует ли скорее упрекать его в том, что он сближался с милитаристами более консервативного толка (Дуань) для борьбы против более приемлемых с национальной точки зрения (У-Пей-Фу)? Эти вопросы остаются неразрешенными, так как автор, не задерживаясь на затрагиваемых моментах и часто совершенно не исчерпав их, идет далее.

Больше обстоятельности и последовательности проявлено в оценке роли и значения У-Пей-Фу. На стр. 127—30 отмечена та «исключительная настойчивость», с которой тогдашний лойянский диктатор требовал от пекинского правительства подписания советско-китайского договора. Автор довольно долго останавливается на этом моменте, при чем в качестве мотивов, которыми руководился У-Пей-Фу, посылая свои семь «исключительно резких телеграмм», отмечает его патриотизм, «сомневаться в котором нет оснований», его желание установить мост с общественным мнением и опасение, что разрыв Пекина с Совпра может усилить Чжан-Цзо-Лина. Об'яснение дано довольно обстоятельное и, насколько помнится, автор не отходил

от этой оценки и в других своих работах. Надо, однако, отметить, что оно не вполне согласуется с более принятой схемой, по которой У-Пей-Фу представляется «феодалом» и «англо-американским агентом».

Таким образом, вопрос о природе китайского милитаризма остается достаточно запутанным. Что же касается феодализма, то в «Письмах» вообще почти не находится указания на политическое отражение феодализма. На стр. 22 автор констатирует, что республиканская идея в Китае может считаться навсегда упроченной, и «если и есть сторонники восстановления монархии», то их приходится искать лишь среди иностранцев». Правда, отсутствие монархистов прямо не означает отсутствие феодализма в политике. Но допустить это можно лишь, если китайских феодалов (притом всех) признать республиканцами и таковыми же счесть милитаристов. Возможно ли это? Прямого ответа в книге найти нельзя. Поэтому перечисляемые автором движущие политические силы китайской революции не укладываются в соответствующие им экономические категории, и он вынужден прибегать к расплывчатым политически и экономически бессодержательным терминам, как «общественность», «сторонники демократии», «конституционалисты» и т. п., сплошь и рядом избегая более ясной номенклатуры.

Г. ГАСТОВ.

Письмо в редакцию.

Уважаемые товарищи!

В № 1 журнала «Большевик» от 15 января 1928 г. в статье Коста Таболова «Против линии национальной демократии» автором сделана такая изумительная сноска:

> «В этой связи (т.-е. в связи с учением Ленина о возможности некапиталистического развития для колониальных и вообще отсталых народов. *П. К.)* нельзя не отметить ляпсуса проф. Кушнера, как раз в связи с Казакстаном. Во-первых, Кушнер совершенно не прав, утверждая, что у казаков не было феодалов и нет классовой борьбы, а имеется только родовая организация. На ряду с родовыми пережитками у казаков выросли патриархально-феодальные элементы. Ну, а о наличии классовой борьбы и говорить нечего. Во-вторых, Кушнер полагает, что советская власть несовместима с родовым бытом. Отсюда и «теория» «капиталистического дозревания». Что у казаков родовой быт и натуральное хозяйство не господствуют—это уже отмечено. Но если бы даже Кушнер был прав в том, что в Казакстане господствует родовая организация, и то, по Ленину, не только возможно существование советской власти, но и возможен переход к социализму. «Теория» проф. Кушнера не только противоречит ленинскому положению о возможности миновать капиталистический этап развития, но и питает идеологию национальной буржуазии (см. выдержки из речи проф. Кушнера,—см. «Большевик» № 13, 1926 г., стр. 76—77)».

Так как, вероятно, под именем «проф. Кушнера» Коста Таболов подразумевает меня, то я принужден заявить, что все те откровения, которые он вкладывает в мои уста «в связи с Казакстаном», выдуманы им самим, и потому он единственно несет за них ответственность.

Я тщательно пересмотрел все то, что когда-либо писал о народах Средней Азии, и нигде не нашел ни одной цитаты, в которой бы утверждалось, будто в Казакстане нет классовой борьбы, не существовало феодалов и проч. Наоборот, в «Очерке развития общественных форм» (изд. IV, стр. 228), в отделе «Феодальное общество» я нашел ссылку на существование в прошлом у казаков (киргизов-казаков) военных групп, из которых и выросли феодалы. В других моих работах о Казакстане вовсе не упоминается, так как я специально изучением быта казакского народа не занимался и не занимаюсь. Я был крайне смущен все-таки категоричностью утверждений Коста Таболова (потому что не хотел обвинять партийного товарища в сознательной передержке) и прочел снова статью тов. А. Митрофанова, на которую ссылается автор. Оказалось, что там речь идет о горной Киргизии, т.-е. о Киргизстане, и о моем предварительном сообщении о результатах обследования Таласско-Сусамырского района летом 1925 г. В связи с этим мне придется сказать несколько слов по существу статьи тов. А. Митрофанова, но раньше я хочу установить одно: Коста Таболов сознательно или бессознательно приписал мне такие фразы, которых я не говорил; более того, он отослал читателей к такому источнику, в котором ни слова не говорится о Казакстане. Чем это об'яснить? Машинистка, вероятно, перепутала..., потому что (если машинистка не повинна) иначе Коста Таболов может быть обвинен или в сознательной передержке, или в полной безграмотности—незнании административного устройства РСФСР, в смешении Казакстана с Киргизстаном. Что из этих трех положений лучше? Пусть лучше будет виновна машинистка.

Теперь об утверждениях тов. А. Митрофанова. В свое время я не ответил на его статью потому, что ожидал выхода из печати своей работы «Горная Киргизия»—отчета о поздке в Киргизию в 1925 г. Работа эта была написана задолго до того, как тов. Митрофанов отправился в Среднюю Азию, и при желании он мог бы ее получить у тов. Зеленского—секретаря Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б). Тогда он не пользовался бы невыправленными стенограммами предварительного отчета и, возможно, отказался бы от многих своих положений. Однако, мои надежды на скорый выход работы из печати погибли вместе со смертью издательства «Новая Москва», принявшей рукопись к печати. Дальнейшие блуждания рукописи по канцеляриям Госиздата привели к тому, что я отказался от «содействия» ГИЗ и передал рукопись в научноисследовательскую ассоциацию по изучению советского Востока (при КУТВ), принявшую рукопись к печати в начале прошлого года. С тех пор рукопись вылеживается в портфеле этого научного учреждения. Удалось опубликовать летом 1927 г. лишь одну главу из всей работы (см. журнал «Революционный Восток» № 2, 1927 г., статья «Манапство в горной Киргизии»), но и эта глава начисто опровергает приписанные мне товарищем А. Митрофановым утверждения о преобладании в Киргизии родового строя. Буду надеяться, что опубликование остальной части работы положит конец легенде о «теории капиталистического вызревания», сторонником которой я не являлся и не являюсь. В своих практических предложениях, доложенных после поездки Средне-Азиатскому бюро ЦК ВКП(б), я выдвигал иную мысль: необходимость активно бороться за разложение родовых отношений (путем госторговли, кооперации и административных мероприятий), поскольку они извращают советскую политику. Примеров извращения и прямого противодействия нашей политике под влиянием пережитков родового быта можно и не приводить—не случайно во ВЦИК внесен законопроект о борвбе с пережитками родового быта—теми именно пережитками, которые наиболее вредны.

С коммунистическим приветом *П. Кушнер (Кнышев).*

По поводу „Письма в редакцию“ П. Кушнера.

Во-первых, по моему собственному недосмотру (но не по вине машинистки, как весьма не остроумно хочет с'иронизировать Кушнер, и не по незнанию административного устройства РСФСР), в примечании, направленном против П. Кушнера, к моей статье произошло смешение Киргизстана с Казакстаном. Каждый добросовестный читатель поймет, что тут речь может итти только о случайном техническом упущении с моей стороны, вызванном спешкой с ответом Садвокасову.

Во-вторых, для меня в примечании было и остается основным существо вопроса, т.-е. проблема совместимости советской системы с родовым бытом и формула капиталистического дозревания. Вне зависимости от того, идет ли речь о Киргизстане или о Казакстане, эти вопросы можно поставить и решить. Самая сноска статьи и упоминание о Казакстане и Киргизстане связаны не с разбором и оценкой той или иной страны, а с выяснением проблемы некапиталистического пути развития. Это ясно даже из письма самого Кушнера.

В-третьих, по существу содержания моего примечания и письма Кушнера оказывается, что все же есть какая-то «невыправленная стенограмма предварительного отчета», на которую я сослался через статью тов. А. Митрофанова («Большевик» № 3, за 1926 г.). Смехотворно заявление Кушнера, будто я выдумал и навязал ему утверждение о невозможности сосуществования советской системы с родовым бытом и формулу капиталистического дозревания. Я их не выдумал, а заимствовал у тов. Митрофанова, и об этом черным по белому писал в своем примечании.

В-четвертых, спрашивается: имеются в статье тов. Митрофанова соответствующие места или, в самом деле, я их выдумал? Да, такие места у него есть. Вот они:

1) По поводу совместимости советской системы с родовым бытом тов. Митрофанов пишет: «Проф. Кушнер приходит к выводу о несовместимости «родового быта» и советского строя...» (с. 78).

Это написано в тексте статьи тов. Митрофанова в середине 1926 г. Спрашивается, почему Кушнер молчал свыше полутора лет перед читателями «Большевика» и не отвечал на этот упрек? Ведь Митрофанов в подтверждение своего вывода привел соответствующее место из доклада тов. Кушнера. Вот точная цитата из Кушнера: «Совместима ли советская власть с родовым бытом? Я пришел к выводу, что несовместима» (стр. 78).

Выходит, что я ничего не выдумал, а еще раз повторил утверждение, известное широкому кругу читателей уже полтора года.

2) По поводу классовой борьбы и социального строя киргизов тов. Митрофанов утверждает следующее: «Менее противоречиво утверждает существование родового строя в Киргизии проф. Кушнер...» (стр. 77). И тут тов. Митрофанов неголословен. Он приводит точную, взятую в кавычки, цитату из Кушнера. Вот что говорил про киргизов Кушнер: «Я тщательно искал классовую борьбу и социальные классы, искал, сообразуясь с точным понятием класса, но не нашел».

Читатель видит, что и тут я ничего не выдумал, а повторил известное место из статьи тов. Митрофанова.

3) По поводу формулы капиталистического дозревания в своей статье тов. Митрофанов пишет: «Выходом из тупика, в который заводит всех сторонников теории «родового уклада» указанное выше отождествление формы с содержанием, проф. Кушнер... считает «дозревание»» (с. 79).

Это положение, тов. Митрофанов, я не подтвердил. Я только утверждал и сейчас утверждаю, что из формулы несовместимости советской системы с родовым бытом логически вытекает антиленинская, по существу буржуазно-демократическая установка—капиталистическое дозревание. Я убежден, что был безусловно прав, сделав такое предупреждение.

После статьи тов. Митрофанова и до своего письма Кушнер нигде не доказал, что он—не сторонник несовместимости советской системы с родовым бытом. Поэтому я в праве был указать, что его неправильная установка может питать вредные уклоны. Читатель видит, что и тут я ничего не выдумал, даже смягчил то, что сказано в статье тов. Митрофанова.

4) Статью Кушнера в «Революционном Востоке» о манапстве я читал. Но там ничего не написано по вопросу о совместимости советской системы с родовым бытом так же, как ничего не сказано о капиталистическом дозревании. Я не имею основания верить и не верить проф. Кушнеру в том, что он в других, не опубликованных и неизвестных мне работах мог занимать правильную позицию. Но ведь нужно согласиться с тем, что я не должен и не обязан лазать по архивам Средазбюро и копаться в портфеле тов. Зеленского и администрации Госиздата. Я основывался на том, что написано и опубликовано.

В-пятых, Кушнер безуспешно хочет отделаться на формальных моментах, ссылаясь на смешение Киргизстана и Казакстана, на Зеленского и Госиздат. Но ведь, по существу, советская система одинаково совместима с родовым бытом и в Киргизстане и в Казакстане так же, как классовая борьба присуща и той и другой стране. Кушнер обижается, что я пользовался не его первоисточниками. Я уже отмечал, что не намерен и впредь искать в архивах первоисточники Кушнера. Должен заявить, что если бы отмеченные утверждения были открыто напечатаны в работах автора, я бы вместо примечания (которое, кстати сказать, носило вопросный характер и вызвано упорным молчанием Кушнера в течение полутора лет) выступил против них со всей резкостью в специальной статье.

Итак, я с удовлетворением отмечаю заявление Кушнера, что он не стоит на точке зрения несовместимости советской системы с родовым бытом, признает наличие классовой борьбы среди киргизов и отвергает формулу капиталистического дозревания. Очень приятно, что все зло от «невыправленной стенограммы предварительного отчета». Будем надеяться, что Кушнер впредь будет отзываться на статьи, которые партию живо интересуют и его близко касаются.

Коста Таболов.

P. S. Во-первых, не сдержал своего обещания,—каюсь перед читателем, — полез в архивы. Письмо Кушнера и мой ответ были набраны, когда при содействии тов. Зеленского получил «стенограмму предварительного отчета». Оказывается, соответствующие места, на которые ссылается тов. Митрофанов, в стенограмме Кушнера в точности имеются — об отрицании классовой борьбы (стр. 9) и о несовместимости советской системы с родовым бытом (стр. 30). О капиталистическом дозревании в стенограмме ничего не сказано. Степень виновности стенографистки, которая «приписала» автору «предварительного отчета» не отдельные слова и даже не предложения, а целые мысли — вопрос особый и меня не касается.

Во-вторых, пользуюсь случаем выразить известное удовлетворение письмом Садвокасова в редакцию «Правды Востока» от 17 февраля 1928 г., в котором он отказывается «как формально, так и по существу» от своих взглядов, высказанных им в статье «О национальностях и националах» (см. «Большевик» № 1 за 1928 г.). Но полагаю, что всестороннюю борьбу против садвокасовщины, т.-е. буржуазно-демократической тенденции в организациях национальных окраин нужно вести до конца.

К. Т.

К сведению поступающих в Институт Красной Профессуры.

В виду недостатка жилой площади в помещениях Института, Правление предупреждает всех поступающих в 1928—29 уч. году на основное отделение, что

1) Институт совершенно не может в 1928—29 уч. году взять на себя обеспечение жилой площадью членов семей вновь поступающих;

2) самим же вновь поступающим может предоставлять жилую площадь лишь в порядке общежития (одна комната для 2—3 человек).

ПРАВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ.

Условия приема на подготовительное отделение Института Красной Профессуры на 1928—29 учебный год.

§ 1. Подготовительное отделение имеет своей задачей подготовку к поступлению в ИКП. Срок пребывания на отделении устанавливается 2-летний.

§ 2. Подготовительное отделение имеет единую программу и на отделения не разбивается.

§ 3. На подготовительное отделение принимаются члены ВКП(б), по преимуществу рабочие и вышедшие из рабочей среды, в возрасте не более 27 лет и обладающие: 1) не менее чем трехлетним партийным стажем и опытом массовой работы, 2) общеобразовательной подготовкой в об'еме курса рабфаков.

§ 4. Кандидаты на подготовительное отделение командируются окружными, губернскими и краевыми комитетами ВКП(б), ЦК нацкомпартий и ЦК ВКП(б), при чем товарищи, идущие по разверстке для рабфаков и комвузов, намечаются президиумами рабфаков и правлениями комвузов и утверждаются соответствующими партийными организациями.

§ 5. Товарищи, идущие в счет разверстки комвузов и рабфаков, должны представить в правление ИКП (Остоженка, 53) не позднее 1-го июля, идущие по разверсткам парткомов и др. организаций—к 15 июня с. г.: 1) заявление с указанием адреса, 2) краткую автобиографию, 3) засвидетельствованный партстаж, 4) командировку партийного комитета, а также 5) удостоверение об окончании рабфака или другого учебного заведения, если оно проходилось товарищем, 6) копию воинского документа и 7) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2—3 года. Представленные документы рассматриваются мандатной комиссией.

§ 6. Допущенные мандатной комиссией подвергаются вступительным испытаниям по русскому языку, математике, историческому материализму, политэкономии и экономполитике, советской конституции, истории, истории ВКП(б) и ленинизму.

Испытания производятся в срок между 1—10 сентября 1928 года.

§ 7. При вступительных испытаниях требуется:

1. **По русскому языку и математике** — знания в размерах программы для приемных испытаний в вузы.

2. По общественным дисциплинам — основательное знание следующей литературы:

По историческому материализму:

1. **Бельтов (Плеханов).** «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
2. **Плеханов.** «Основные вопросы марксизма».
3. **Бухарин.** «Теория исторического материализма».
4. **Деборин.** «Ленин, как мыслитель».
5. **Маркс и Энгельс.** «Коммунистический манифест» с комментариями Рязанова (в изд. «Библиотечка марксиста»).
6. **Ленин.** «Маркс, Энгельс и марксизм» (изд. И-та Ленина).
7. **Энгельс.** «Развитие социализма от утопии к науке».

По политической экономии:

1. **Каутский.** «Экономическое учение К. Маркса».
2. **Михалевский.** «Курс политической экономии».
3. **Ленин.** «Империализм, как новейший этап капитализма».

По экономполитике:

1. **Айхенвальд.** «Советская экономика».
2. **Ленин.** Том XVIII: а) О продналоге (брошюра), б) Доклад о продналоге на всероссийской конференции ВКП(б) 26-го мая 1921 г., в) Отчет ЦК ВКП(б) XI с'езду партии, г) О кооперации, д) О Рабкрине, е) «Лучше меньше, да лучше».
3. Доклады по хозяйственным вопросам XIV с'езду, XV партконференции и XV с'езду и резолюции по ним.

По советской конституции:

1. **П. Стучка.** «Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его конституции СССР и РСФСР». Изд. 5-е. М.—Л. 1921 г.
2. **Г. Гурвич.** «Основы Советской Конституции». Изд. 5-е. М.—Л. 1926 г.

По истории:

1. **Маркс.** «Гражданская война во Франции» (в изд. «Библиотечки марксиста»).
2. **Маркс.** «Классовая борьба во Франции в 1848 году».
3. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке». 3 части.
4. **Моносов.** «История революционных движений».
5. **Ари. А—Н.** «Три типа рабочего движения» (об Интернационале).
6. **Молох.** «Парижская Коммуна».

По истории ВКП(б) и ленинизму:

1. **Ленин.** а) том VI. «Две тактики», б) том IX. «Аграрная программа с.-д. в русской революции), в) том XIII «Социализм и война», г) том XIV. «Удержат ли большевики власть», д) том XVIII, ч. 2 «О нашей революции».
2. **Попов, Н. Н.** «История ВКП(б)» (четвертое издание).
3. **Сталин.** Из «Вопросов ленинизма»: а) К вопросам ленинизма, б) об основах ленинизма, в) Политический отчет ЦК XIV с'езду ВКП(б).
4. **Сталин.** «Еще о с.-д. уклоне в нашей партии» (доклад на VII пленуме ИККИ)
5. **Сталин и Коссиор.** Отчет ЦК XV с'езду ВКП(б).
6. **Бухарин.** Доклад на XV с'езде (отчет делегации ВКП(б) в Коминтерне.
7. **Резолюции** XIV с'езда, XV партконференции и XV с'езда по докладам Сталина и Бухарина.
8. **Доклад** ЦКК и доклад комиссии по вопросу об оппозиции на XV с'езде и резолюции с'езда по этим докладам.

§ 8. В отношении материального обеспечения слушатели подготовительного отделения приравниваются к слушателям основных отделений ИКП.

Разверстка на подготовительное отделение Института Красной Профессуры на 1928—29 учебный год.

Рабфаки.

Московские: им. Бухарина—4, им. Покровского—5, ИНХ—4, МИИТ—2, МВТУ—3, Горной Академии—2, Рог.-Симон.—3, им. Ленина—3, им. Тимирязева—2, Межевого И-та—2, Ломоносовского Ин-тв—2, им. Свердлова—3, 1-го Мая—2, Вхутемас—2, ТСХА—3.

Ленинградские: Гос. У-та—4, Электр.-техн.—2, И-та ИПС—2, Полит. И-та—4, Технол. И-та—2, С.-х. И-та—2, И-та им. Герцена—3, Лесного И-та—1, Горного И-та—2.

Провинциальные: Казанский—2, Саратовский—1, Иркутский—1, Донской—2, Уральский—3, Пермский—2, Тульский—2, Тверской—2, Костромской—1, Ив.-Вознесенский—3, Владимирский—2, Ярославский—3, Нижегородский—3, Воро-

нежский—1, Вятский—1, Тамбовский—1, Ульяновский—1, Дальне-Восточный—1, Омский — 1, Томский — 2, Смоленский — 1, Брянский — 2, Крымский—1, Тифлисский—1, Бакинский—2, Эриванский—1, Владикавказский—1, Чуваашский—1, Ижевский — 1.

Парткомитеты.

ЦК ВКП(б)—7, ЦК ВЛКСМ—7, Ленингр. Губком—10, МК—13, ЦК КП(б)У—28, ЦК Белоруссии—9, Ср.-Аз. Бюро—12, Заккрайком—8, Севкавкрайком—10, Уралобком—9, Сибкрайком—10, Крымобком—2, Немобком—1, Чувобком—1, Якутобком—1, Киробком—1, Бвшобком—1, Вотобком—1, Калмобком—1, Комиобком—1, Маробком—1, Твтобком—2, Бур.-Монг. обком—1, Дагобком—2, Киробком—1, Казакрайком—3, Двлькрайком—2, Архангельский губком—1, Астраханский губком—1, Брянский губком—3, Владимирский губком—3, Вологодский губком—1, Воронежский губком—2, Вятский губком—1, Ив.-Вознесенский губком—6, Костромской губком—1, Курский губком—1, Ленинградский губком—10, Орловский губком—1, Оренбургский губком—1, Пензенский губком—1, Рязанский губком—1, Самарский губком—2, Саратовский губком—2, Нижегородский губком—7, Северо-двинский губком—1, Смоленский губком—1, Сталинградский губком—3, Тамбовский губком—1, Тверской губком—3, Тульский губком—5, Ульяновский губком—2, Ярославский губком—3, ПУР—10.

Комвузы.

КУНМЗ — 3, КУТВ — 3, Ленинградский — 3, Свердловский — 5, ТКУ — 3, С.-К. К. У.—3, УСКУ—3, САКУ—3, СОКУ—3, АКВ—3, Артемовск—3, Белорусский—3, ЗКУ — 3.

Правление Института Красной Профессуры.

Условия приема на основные отделения будут опубликованы в № 7 «Большевика».

Редакция.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**